

СКОТТ ПРАТТ

НЕВИНОВНЫЙ КЛИЕНТ

Каждый хочет кому-то доверять...
даже если на кону их смерть.

В одном из мотелей штата Теннесси найден зверски убитый проповедник. В преступлении обвиняют прекрасную, таинственную молодую девушку. В романе - финалисте международной читательской премии в области детективной литературы в номинации «Лучший дебют», адвокат по уголовным делам Джо Диллард, за эти годы уставший от рутины, пытается найти баланс между карьерой и своей совестью. Умный, но циничный Диллард хочет бросить заниматься уголовными делами, но не может упустить шанс представлять в суде того, кто действительно может оказаться невиновным. Его наркозависимая сестра только что освобождена из тюрьмы, а мать страдает болезнью Альцгеймера, но приверженность делу, несмотря на личные проблемы и профессиональные требования, грозит уничтожить его.

Переводчик: Мария Смирнова

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

12 апреля

07:00

Сегодня был мой сороковой день рождения, и первым делом мне нужно было разобраться с Джонни Уэйном Нилом. Судебный психиатр, которого я нанял, чтобы тот провел осмотр Джонни Уэйна, сказал мне, что тот был самовлюбленным, патологическим лжецом и социопатом, и это были его положительные качества. Он назвал Джонни Уэйна «неисправимым чудовищем». Я попросил психиатра не писать об этом в его заключении, так как не хотел, чтобы окружной прокурор увидел это. Чудовище он или нет, но Джонни Уэйн все еще являлся моим клиентом.

Джонни Уэйн Нил нанял двух своих приятелей — головорезов, чтобы те убили его красивую, молодую и хорошо застрахованную жену. Около года назад в одну из сред она проснулась в три утра и обнаружила двоих незнакомцев, склонившихся над ее кроватью. Мужчины неумело и жестоко резали ее, в то время как трехлетний сын Джонни Уэйна, который спал той ночью вместе со своей матерью, заполз под кровать и слышал, как умирала его мама.

Менее чем за неделю следователи из филиала ФБР в штате Теннесси и полицейского управления Джонсон-Сити выяснили, кто несет ответственность за это убийство. Джонни Уэйн был арестован и обвинен в убийстве с отягчающими обстоятельствами и в сговоре с целью совершения преднамеренного убийства. Из-за отвратительного характера преступления, штат Теннесси просил для него смертную казнь. Один бессердечный судья назначил меня защищать его. Почасовая оплата составляла сто долларов — примерно столько же, сколько получали мелкие проститутки.

Прокурор предложил отменить смертный приговор, если Джонни Уэйн признает себя виновным в преднамеренном убийстве, согласится сесть в тюрьму и отбывать там пожизненное заключение. Неделю назад я озвучил это предложение Джонни, и он принял его весьма неохотно. В девять часов утра нам нужно было быть в суде, чтобы Джонни Уэйн

признал там свою вину. Так что рано утром я отправился в тюрьму, чтобы убедиться, что он не изменил своего намерения.

После того, как я просидел пятнадцать минут в комнате для адвоката, в нее ввели Джонни Уэйна, облаченного в идеально выглаженный, без каких-либо складок оранжевый комбинезон. На руках у него были надеты наручники, прикованные к поясу, представляющие собой цепь, а его лодыжки - закованы в кандалы.

— Прежде чем предстать перед судом, я хотел убедиться в том, что ты все еще готов принять эту сделку, — сказал я, как только конвойный вышел, и Джонни неуклюже сел на стул. — Как только ты признаешь сделку, пути назад не будет.

Джонни Уэйн уставился на стол. Его коротко постриженные, тонкие и хорошо уложенные волосы были цвета сломы в тюках. Он был намного ниже меня, под метр восемьдесят, худой и бледный. Его лицо и руки были покрыты мелкими розоватыми веснушками. Он начал постукивать пальцами по столу, и я заметил, что совсем недавно он сделал маникюр. От него пахло шампунем.

— Как тебе удастся так хорошо выглядеть в этом месте? — спросил я. — Каждый раз, когда я вижу тебя, ты словно только что вышел из салона.

Он закатил глаза. Они были у него бледно-зеленые, близко посаженные, и в зависимости от угла освещения иногда радужка была усеяна красными крапинками, левый глаз слегка косил. Поэтому любому человеку было неловко смотреть ему в глаза. Я никогда не мог точно сказать, на чем он сфокусирован.

— Тот факт, что я нахожусь в тюрьме, не означает, что должен жить как скот, — сказал он. — Я могу приобрести здесь определенные услуги.

— Ты имеешь в виду парикмахера?

— У меня есть парикмахер. Раз в неделю ко мне в камеру приходит один из заключенных. Он подравнивает мою бороду, моет голову и подстригает мои волосы.

— Он и маникюр тебе делает?

Я взглянул на свои ногти.

— Я его делаю сам.

— Кто стирает тебе белье? Все мои клиенты имеют вид, словно спят в тюремной робе.

Могу сказать, что мои вопросы раздражали его, и это побудило меня продолжить задавать ему их.

— Мое белье стирается со всеми остальными, — сказал он. — Я только приобретаю кое-какую продукцию в магазине для человека, который относится к моим вещам с особым вниманием.

Он говорил тонким гнусавым тенором, но его дикция была идеальной. Я представил себе, как он засунул кучу конского навоза себе в рот только для того, чтобы коверкать слова.

— Почему тебя так интересует моя личная гигиена? — спросил Джонни Уэйн. — Это раздражает тебя?

— Нет, — сказал я, — Мне просто стало любопытно.

Его презрение ко мне было просто осязаемым. С каждым посещением я чувствовал, что оно растет как метастазы рака, но меня это не волновало. Он мне не нравился, так же сильно, как и я ему. Он обманывал меня десятки раз, пуская моего следователя и меня по ложному следу в поисках липовых свидетелей по всему Восточному Теннесси. Кроме того, он постоянно ныл.

— Итак, теперь у нас есть крайне важное дело на повестке, — сказал Джонни. —

Объясни-ка мне еще раз эту «делку», как ты красноречиво назвал ее.

— Все просто, — ответил я. — И идиоту понятно.

— Ты намекаешь, что я дурак?

Искренне отвечать ему на вопрос не послужит никакой благой цели, поэтому я сделал вид, что не услышал его.

— Суть сделки состоит в том, что ты признаешь себя виновным в умышленном убийстве и соглашаешься с приговором на пожизненное заключение без права на помилование. Ты отказываешься от своего права обжаловать приговор, но взамен ты получаешь возможность остаться в живых. Джонни Уэйн избавится от инъекции, если говорить понятным языком.

Он фыркнул презрительно.

— Для меня это не выглядит, как удачная сделка.

— Зависит от точки зрения.

— Что ты имеешь в виду?

— Это зависит от того, хочешь ли ты провести остаток жизни среди заключенных, где сможешь, по крайней мере, иметь некое подобие жизни, или провести ближайшие пятнадцать лет в изоляции в камере смертников, а затем умереть от смертельной инъекции.

— Но я невиновен.

— Конечно. К сожалению, доказательства говорят об обратном.

— Они все косвенные. Откровенная ложь.

— Я уже слышал эти слова множество раз. Почти каждый второй преступник, которого я представлял, заявлял о своей невиновности столько раз, что уже сам начинал верить в это.

— А как насчет распечатки телефонных звонков, которые полностью совпадают с показаниями Клайва и Дерек, которые они дали полицейским? — спросил я. — Они утверждали, что это ты звонил, чтобы проверить - едут ли они к Лоре, чтобы убить ее. А еще ты звонил, когда они возвращались после совершения преступления.

Мышцы его челюсти сжались. Джонни Уэйн не любил обсуждать факты.

— Как насчет четырех разных полисов страхования жизни, которые ты оформил на Лору за последние полтора года? Триста пятьдесят тысяч долларов, Джонни Уэйн.

— Многие люди застраховывают жизни своих супругов.

— Объясни тогда, почему Дерек и Клайв сказали, что ты их нанял для убийства Лоры и обещал заплатить десять процентов от денег, полученных по страховке.

— Они пытаются спасти себя.

— Если ты их не нанимал, то зачем они это сделали? Они даже не знали ее.

— Почему? Почему? Для чего ты задаешь мне все эти глупые вопросы? Ты вообще-то здесь в качестве моего адвоката.

Мне следовало напомнить ему про аудиозапись, но у меня не было никакого желания спорить с ним. Клайв и Дерек — отморозки, которых он нанял, в ходе допроса сразу сознались во всем. Они признались и рассказали полицейским, что именно Джонни Уэйн нанял их. Полиция надела на них записывающие устройства и послала на встречу с Джонни, который без задней мысли говорил с ними об убийстве и деньгах. Когда я в первый раз дал ему прослушать запись, его лицо приобрело довольно странный оттенок.

— Послушай меня, — сказал я. — Часть работы адвоката заключается в том, чтобы давать дельные советы своему клиенту. И мой совет состоит в том, что государственный обвинитель может привести дрессированную мартышку и признать тебя виновным за это убийство. Доказательства твоей вины неопровержимы, убийство было совершено особо

жестоким способом, и твой маленький сын был свидетелем этого. Мой совет заключается в том, что вероятность того, что тебе вынесут смертный приговор, является почти стопроцентной.

— Я никого не убивал, — сказал он.

— Может, и нет, но она была бы еще жива, если бы не ты. Присяжные признают тебя несущим за это ответственность.

— Итак, я должен провести остаток своей жизни в тюрьме за преступление, которого не совершал?

— Ты можешь либо принять их предложение и признать себя виновным, либо можешь отправиться в суд.

— С адвокатом, который считает, что я виновен.

— Не вини меня в этом. Я только высказываю тебе свое честное мнение о том, каков, по моему мнению, будет результат. Ты должен быть благодарен. Твоя теща и тесть не верят в смертную казнь. Они думают, что если ты будешь осужден и приговорен к смерти, то твоя кровь будет на их руках. Именно они убедили окружного прокурора сделать тебе это предложение.

— Лицемерные дураки, — сказал Джонни Уэйн.

Мне хотелось ударить его наотмашь. Джеймс и Рита Миллер, родители убитой, красивой, невинной молодой жены были одними из самых добрых людей, которых я когда-либо встречал. Я опрашивал их, когда готовился к суду. Одним из вопросов, который я задал, как такая красивая девушка, как Лора, увлеклась таким неприятным человеком, как Джонни Уэйн. Джеймс Миллер рассказал мне, что Лора познакомилась с Джонни, в то время, когда училась в колледже в Карсон-Ньюман, небольшой школе в Джефферсон-Сити, всего в шестидесяти милях отсюда. Джонни Уэйн, который жил в Джефферсон-Сити и учился там заочно, стал завсегдатаем Баптистского Студенческого Союза, где собирались студенты-баптисты. Именно там он наткнулся на Лору, убеждая ее, что он придерживается глубокого убеждения относительно христианства. Джеймс и Рита сказали, что они были обеспокоены, но доверяли решению Лоры. Джонни казался умным и вел себя так, будто любил ее. Они никогда даже не представляли, что за ухоженным внешним видом и легкой улыбкой скрывается монстр. Вскоре после свадьбы в их браке появились трещины, и он начал медленно разрушаться. После третьей годовщины свадьбы Джонни оставил Лору из-за другой женщины и переехал в Северную Каролину. В ту ночь, когда убили Лору, он был в каком-то баре в Шарлотт со своей подругой, которая находилась на раннем сроке беременности. Я посмотрел на Джонни Уэйна и представил, как костяшки моего кулака опускаются на его зубы. Эта картина подействовала на меня успокаивающе.

— Ну, что выбираешь? — спросил я. — Мне нужен ответ. Мы должны быть в суде через два часа.

— Мне нужно еще время, чтобы рассмотреть этот вопрос.

— Нет. Тебе не нужно никакого времени. Это подарок. Или ты принимаешь его или забываешь про него.

Его руки поднялись к носу, и он начал, заведя отвратительную привычку, сжимать ноздри большим и указательным пальцами. Сожмет и удерживает. Выпускает воздух.

После трех раз выполнения этого упражнения, он сказал:

— Я сделаю это. Давай, бросай меня на съедение волкам.

— Умное решение, — произнес я. — Первое, которое ты сделал за долгое время.

— Мы закончили?

— Полагаю, что да. Ты спешишь?

— Я должен сходить погадать из-за той чуши, которая подается в этой дыре.

Его голос, как и лицо, были лишены эмоций. В очередной раз он не удосужился спросить о сыне. Он не упоминал о мальчике месяцами.

Я встал и нажал кнопку на стене, чтобы вызвать охранников. Джонни Уэйн остался сидеть, а я прислонился к стене и уставился в потолок. Я не хотел сидеть. Я желал в этот момент находиться как можно дальше от него. После трех или четырех минут я услышал тяжелые шаги охранников, шедших по коридору к двери.

— Эй, Диллард, — неожиданно сказал Джонни Уэйн.

— Что?

— Все думают, что она была такой святой, а она была глупой. Ей следовало дать мне развод на моих условиях, они были не такими уж и сложными. Она сама навлекла на себя это.

— Не говори больше ни слова, — произнес я.

Дверь с лязгом открылась, вошли охранники и подняли его со стула. Один из них бритоголовый юнец с толстой шеей оглядел меня сверху донизу.

— Ты ведь работаешь только по уголовным делам, не так ли? — спросил он.

— Верно.

— Тогда я думаю, ты будешь рад узнать, что старая леди некоторое время назад позвонила в 911 и сообщила, что ее кот нашел человеческий член возле озера. Вероятно, скоро появится и труп.

— Член? Вы имеете в виду пенис?

— Для тебя пенис, для меня — член.

— Ну, и?

— Думаю, ты бы хотел знать. Труп означает работу для тебя, не так ли? Ты же своего рода могильщик.

Он подмигнул напарнику, и они засмеялись. Даже Джонни Уэйн улыбнулся. После того, как они вышли, я остался стоять в течение нескольких минут, прислонившись к стене, их смех и вульгарное признание Джонни по-прежнему звучали у меня в голове. Постепенно звон цепей, когда его уводили все дальше и дальше, становился все тише.

Моя голова начала пульсировать, а желудок скрутило, пока я шел через лабиринт из стали и бетона. Я устал защищать всех этих Джонни Уэйнов Нилов на этом свете, и мне надоело быть посмешищем, чтобы надо мной смеялись придурки, подобные этим надзирателям. Я напомнил себе, что меньше чем через год я буду свободен, так как собирался закончить с адвокатской практикой. Больше никаких Джонни Уэйнов. Больше никаких придурков.

Когда я уже шел к входной двери, то пытался убедить себя успокоиться. *«Не позволяй всему этому добраться до тебя. Ты просто делаешь свою работу. Важную работу»*. Я заставил себя подумать о чем-то приятном. О своем дне рождения. Как мы отпразднуем его с моей женой Кэролайн и нашими детьми, самыми важными и прекрасными людьми в моей жизни. С шоколадным тортом. Что бы мне пожелать им в этом году?

Идея пришла мне в голову именно тогда, когда я вышел из двери под дождь, и мои мысли заставили меня улыбнуться. Вероятность того, что мое желание сбудется один на миллион, ну и что из этого? А почему бы и нет?

В этом году я хотел бы пожелать что-то простое и эгоистичное. Прежде чем отказаться от юридической практики, я хотел бы одного? Только одного? Единственного невинного клиента.

12 апреля

8:45

Час спустя я сидел в своем пикапе на стоянке у здания суда округа Вашингтон в центральной части Джонсборо — маленького городка, словно сошедшего с открытки, и являющегося самым старым городом в штате Теннесси. Город был расположен среди холмов в ста сорока пяти километрах к северо-востоку от Ноксвилля. Я посмотрел через улицу на Международный центр сказительства, который был построен несколько лет назад, и в какой-то степени благодаря этому Джонсборо стал известным по всей стране. Каждый октябрь тысячи людей стекаются сюда, чтобы принять участие в крупном фестивале по рассказыванию сказок. Я улыбнулся, когда задумался об иронии — центр сказительства был построен близко к зданию суда. По обеим сторонам улицы процветала беззастенчивая ложь.

Как только капли дождя начали барабанить по лобовому стеклу, я открыл бардачок, достал из него жидкость для полоскания рта и использовал ее по назначению. У меня вошло в привычку носить с собой ополаскиватель для полости рта, так как в течение всего дня я ощущал сухость и привкус горечи во рту, особенно, когда должен был предстать перед судьей или жюри присяжных. Сухость во рту сопровождалась ощущением пустоты в желудке и снедающим чувством надвигающейся катастрофы. Время от времени, в особенности, когда я находился в кругу семьи, эти ощущения исчезали, но были готовы вернуться в любую минуту. Этой ночью мне приснился сон, что я находился на каком-то плоту, у меня не было весел, и я дрейфовал на середине широкой бушующей реки, быстрое течение которой с головокружительной скоростью несло меня к смертельному водопаду. Я никак не мог добраться до берега, и у меня не было сил плыть против течения. Как только я сорвался с края водопада, то тут же проснулся.

Завинтив крышку на флаконе, я сделал глубокий вдох. Представление начинается. Я вылез из машины и поднялся по ступенькам в здание суда, прошел через фойе и подошел к арестантскому отсеку.

Сегодня дежурным офицером был Джон Аллен «Сержант» Херли, грубоватый, но добродушный старый простак, с которым я всегда обменивался шутливыми оскорблениями. Сержант был легендой в офисе шерифа, благодаря своей храбрости и мужеству. Моей любимой историей про него была та, в которой Сержант в одиночку собственноручно задержал печально известного вооруженного грабителя Дьюи Дэвиса, после того, как последний ограбил продуктовый магазин на окраине Джонсборо. Тогда еще молодой Сержант обрабатывал вызов о грабеже и прибыл на место происшествия в тот момент, когда из двери «Уинн-Дикси» (*прим.пер. Сеть супермаркетов в США*) вышел Дьюи с дробовиком в руке. Легенда гласит, что Сержант выскочил из своей патрульной машины, и, не обращая внимания на ружье, побежал на стоянку по направлению к Дьюи, и вырубил того одним ударом прежде, чем отправил его в тюрьму.

Сейчас Сержанту было под семьдесят, он по-прежнему был высоким и худым, но мать-природа уже начала брать свое, сгибая его так, как старый тополь гнется на сильном ветру. Его огромные руки были усеяны большими пигментными пятнами, его верхняя губа

натянулась, став тонкой линией над протезами, придавая его лицу неизменно злобное выражение. Пряжка на его ремне с пистолетом была застегнута на пять сантиметров выше его пупка, но на ремне отсутствовала кобура с пистолетом. Он был вооружен только дубинкой и небольшим перцовым газовым баллончиком.

— Что случилось, Сержант? — спросил я, пока проходил через металлоискатель.

— Аренда, — прорычал он. — Я слышал, что твой Джонни Уэйн сегодня поднимет белый флаг.

Офис шерифа был более эффективной фабрикой сплетен, чем кружок кройки и шитья. Сержант всегда знал, что происходит, иногда даже раньше, чем это случалось.

— Хорошие новости распространяются быстро, — заметил я.

— Не могу поверить, что его не приговорят к смерти.

— Ладно, Сержант, ты знаешь, что он невиновен. Просто он попал под каток системы.

— Невиновный. Если он невиновен, то Папа Римский — не католик. Никто из тех, кого ты представляешь, не являются невиновными.

Когда я начал проходить мимо Сержанта в сторону лифта, он схватил меня за руку. Его скрюченные пальцы сильно впились в мой бицепс.

— Ты знаешь, что я хочу? — сказал он. — Я хочу быть свидетелем того, как этого проклятого сукина сына вздернут на виселице грузовика с платформой прямо здесь, перед зданием суда. Вот что я хочу увидеть своими глазами. Я даже готов купить билет.

Такое распространенное настроение преобладало в обществе. Единственная вина Лоры Нил, жены и жертвы Джона Уэйна, заключалась в том, что она выбрала себе плохого мужа. Лора была учителем начальной школы и пользовалась очень хорошей репутацией. Ее родители были порядочными и трудолюбивыми людьми, ее брат был профессором в колледже. Люди хотели видеть Джонни Уэйна сожженным на костре, и у меня было ощущение, что большинство из них не возражало бы увидеть его адвоката, сгоревшим на костре вместе с ним.

Я вырвал руку из тисков Сержанта и направился вверх по боковой лестнице на второй этаж. Около десятка человек толпились в коридоре возле зала заседаний, общаясь вполголоса. Коридор был узким и слабо освещенным. Я никогда не обращал внимания на цветовую гамму в коридоре перед залом суда. Все было черно-белым, и у меня возникло такое ощущение, будто я попал на съемки фильма «Двенадцать разгневанных мужчин».

Я вошел в зал судебных заседаний судьи Айвена Гласса и огляделся по сторонам. Не было ни судьи, ни судебного пристава, ни секретаря.

— Где его честь? — спросил я у Лизы Мейс, помощницы окружного прокурора, который был назначен обвинителем по делу Джона Уэйна. Она сидела за столом обвинения, рассматривая свои ногти.

— В своих покоях. Он в плохом настроении.

Вот уже более тридцати лет Гласс был печально известен как пьяница и бабник. Он имел за спиной два развода, в основном из-за увлечения более молодыми женщинами, но добрые люди первого судебного округа, похоже, не имели ничего против него, и избирали его каждые восемь лет. Гласс — старший тоже был судьей, как и его отец до него. Поэтому Гласс часто упоминал, что судейство перешло к нему по наследству. Среди адвокатов он был известен как Иван Грозный — из-за полного отсутствия сострадания к обвиняемым и потому, что относился к адвокатам так же плохо, как и к их клиентам. У меня не заладились с ним отношения прямо с моего окончания юридической школы. В первый же раз, когда я

оказался в его суде, он отправил старика в тюрьму только за то, что тот не мог позволить себе оплатить судебные издержки. Я знал, что то, что он сделал, было нарушением. Заключение должников в тюрьму уже давно было признано незаконным, но он, казалось, делал все, что хотел, не заботясь о соблюдении закона. Я провел некоторые исследования и обнаружил, что Гласс совершал такие действия в течение многих лет. Я написал ему письмо и попросил прекратить. Он ответил и заявил мне, что молодые юристы должны заниматься своим делом. Поэтому я подал иск в суд округа на то, что один из их сотрудников, судья, нарушает конституцию в процессе своей трудовой деятельности. К тому моменту, как я закончил, округу пришлось выплатить почти миллион долларов тем людям, кого Гласс незаконно отправил в тюрьму. В ходе судебного разбирательства он чувствовал себя неловко, а затем возненавидел меня, и одним из его способов мести было то, что он назначал меня защитником на дела таких людей, как Джонни Уэйн Нил.

В зале суда царила напряженная и мрачная атмосфера. Стервятники из СМИ уже сидели на местах, отведенных для присяжных. Джеймс и Рита Миллер, теща и тесть Джонни Уэйна сидели в первом ряду. Рита плакала, а Джеймс отвернулся, когда я попытался поймать его взгляд.

Я подошел к столу защиты, чтобы дождаться судью. Наконец, опоздав на полчаса, пошатываясь, он вошел в дверь, одетый в свою черную мантию. Его волосы были белы, как снег, и находились в полном беспорядке. Он носил темные очки, за которыми не было видно глаз. Его секретарь помогла ему подняться по ступенькам и усадила в кресло, а затем объявила номер дела. Затем судебные приставы ввели Джонни Уэйн в дверь справа от меня, и проводили его к трибуне, находящейся в трех метрах перед столом судьи. Я встал у трибуны рядом со своим подзащитным. Судья провел длительный опрос подсудимого с целью установления дееспособности Джонни Уэйна, чтобы тот смог признать себя виновным, и что он осознает происходящее и не находится под воздействием алкоголя или наркотиков. Затем Лиза Мейс, обвинитель, встала и зачитала длинный перечень доказательств, которые будут представлены, если судебный процесс по делу Джонни Уэйна все же начнется. Я слышал, как Рита Миллер, безудержно рыдая позади меня, была вынуждена выслушать в последний раз подробное описание того, как жестоко убивали ее дочь, в то время как их внук прятался под кроватью. Мне стало стыдно, что я представляю интересы человека, который причинил ей такие страдания.

Когда Лиза закончила, судья Гласс напрягся и произнес хриплым от табака и выпивки голосом:

— Джонни Уэйн Нил, вы признаете себя виновным в преднамеренном убийстве?

Момент истины. Точка невозврата.

— Виновен, — последовал едва слышный ответ.

Я вздохнул с облегчением.

— После заявления о признании вины, суд признает вас виновным, и приговаривает к пожизненному заключению без права на помилование.

Гласс опустил очки на кончик носа и наклонился вперед. Его глаза впились в Джонни Уэйна.

— Просто для сведения, — сказал он. — Я хочу сказать кое-что, прежде чем они отправят тебя в тюрьму, где ты будешь гнить до конца своего жалкого существования. Несомненно, что за все мои года работы в качестве судьи, ты, без сомнения, самое отвратительное, самое трусливое и наиболее жалкое подобие человека, который когда-либо

находился в моем суде. Ты не испытываешь ни грамма сожаления о содеянном, и я хочу, чтоб ты знал, я был бы очень рад отправить тебя на виселицу, если бы у тебя было мужество предстать перед судом.

Джонни Уэйн медленно поднял голову и посмотрел в глаза судьи и тихо сказал:

— Да, пошел ты.

Глаза Гласса расширились.

— Что ты сказал?

— Я сказал, что ты можешь идти к черту. Вы все: окружной прокурор, ТБР и жалкое подобие адвоката, на которого вы меня сбросили, и все остальные, кто приложил руку к тому, чтобы подставить меня.

Он произносил слова, постепенно увеличивая силу звука, так, что его речь перелилась в крещендо, и когда он закончил, его голос продолжал отзываться эхом от стен в зале.

Возникла гробовая тишина.

Судья удивил меня тем, что повернулся ко мне, улыбаясь.

— Ваш клиент, господин Диллард, не только трус, но и дурак.

— Иди к черту! — крикнул Джонни Уэйн.

— Приставы! — заорал судья, даже поднялся со своего места и указал молотком на Джонни Уэйна. — Выведите его и заткните ему рот!

Приставы подлетели к нему за доли секунды. Двое из них повалили его на пол, другие присоединились к веселью. Я слышал щелканье камер и аханье людей, пока я уходил с их дороги. Джонни Уэйн орал благим матом, пока его били и пинали. Наконец, приставам удалось скрутить его, и тогда они смогли протащить его по полу за ноги и вытащить за дверь. Я сидел за столом защиты и мельком задавался вопросом, следует ли мне чувствовать себя оскорбленным из-за того, что Джонни Уэйн назвал меня жалкой пародией на адвоката. Может быть, я действительно был жалким подобием человека, но я был чертовски хороший адвокат.

Через несколько минут судебные приставы, выстроившись в фалангу, снова втащили Джонни Уэйна в зал заседаний. Они что-то засунули ему в рот, а затем заклеили поверх клейкой лентой. Я задался вопросом, что будет чувствовать Уэйн, когда они сорвут ленту с его аккуратно подстриженной бородки. Они поставили его в вертикальное положение у трибуны прямо напротив судьи.

— Мистер Нил, — сказал судья Гласс, — ваш небольшой взрыв эмоций заставил меня на мгновение задуматься о возможности отмены соглашения о признании вашей вины и заставить вас предстать перед судом. Но я считаю, что это наказание является более подходящим для такого человека, как вы. Вы сгниете в тюрьме, но, прежде чем умереть, я думаю, там с вами произойдет много вещей, которые вы с нетерпением должны ждать. Такой красивый молодой человек с очень грязным ртом, как вы, несомненно, будет пользоваться огромной популярностью среди заключенных в исправительной колонии. Я уверен, что вы будете фаворитом среди содомитов. Приговор остается в силе. Жизнь без права на досрочное освобождение. Уведите его отсюда.

Последней картиной с Джонни Уэйном, запечатленной у меня в голове, было то, как его тащили по полу, потому что он отказался идти, а из его глаз на серебристый широкий скотч на его губах капали слезы. Для него, наверное, самым страшным было то, что во время потасовки с охранниками помялся его комбинезон.

Для того чтобы избежать встречи со средствами массовой информации, я выскользнул

через боковую дверь, спустился по лестнице и направился обратно через отсек с заключенными. Сержант рылся в сумке женщины. Когда я проходил мимо, он протянул ей сумку и поспешил ко мне.

— Эй, Диллард, ты слышал об убийстве?

— О каком убийстве?

— Они нашли какого-то парня зарезанным в номере «Бюджет Инн». Кто-то отрезал ему причиндалы. Сегодня утром кошка нашла их на берегу озера.

— Сержант, я не совершал этого, — произнес я. — Невиновен.

Я продолжил идти, но слышал за спиной его смех.

— Может быть, тебе придется защищать убийцу, — я слышал, как он бросил мне вслед. — Ну, возможно, убийца будет таким же невиновным, как старина Джонни Уэйн. Просто попавшим под каток системы.

12 апреля

10:00

Сотовый телефон специального агента Филлипа Ландерса зазвонил незадолго до десяти утра, как только он засунул себе в рот на завтрак бурито в «Соник» (*прим.пер. Ресторан быстрого питания в г. Джонсборо*). Звонил специальный агент Райт — глава отделения Бюро расследований штата Теннесси, в народе зовущееся ТБР, в Джонсон-Сити. Билл был начальником Ландерса. Не то, чтобы этот глупый подлиза был хорошим начальником, но Ландерс должен был быть на его месте. По его личному мнению, он был, безусловно, самым умным, трудолюбивым и красивым агентом ТБР в отделении. Однако он верил, что совсем скоро получит свой шанс, так как Райт собирался подать в отставку.

— В «Бюджет Инн» обнаружили тело, — сказал Райт, в то время как Ландерс медленно жевал и наблюдал за молоденькой официанткой на роликовых коньках. — Мужчина. Зарезан. Это все, что известно. Я уже вызвал судебно-медицинских экспертов. Они в пути.

У полиции Джонсон-Сити не было собственного отдела криминалистики, поэтому убийства передавались в ТБР. Ландерс спокойно доел свой бурито. Спешить было некуда. Парень уже был мертв.

Через полчаса после того, как Ландерс получил вызов, он въехал на стоянку «Бюджет Инн», где уже находилось шесть городских патрульных машин. И на всех них мигали огни, как будто полицейские, которые управляли ими, были по-настоящему чем-то заняты. Патрульные полицейские всегда удивляли Ландерса. Они могли часами оставаться на месте преступления, собирая сплетни и надеясь получить в свои руки частицу информации, чтобы поделиться ею с коллегами. А если повезет, то им удавалось мельком увидеть тела, и когда они возвращались домой, то рассказывали своим женам или подругам жуткие подробности.

Ландерс открыл багажник, достал латексные перчатки и направился вверх по лестнице в комнату №201. День выдался пасмурный и моросил дождик, но, тем не менее, ему потребовалось несколько секунд, чтобы его глаза привыкли к тусклому свету в комнате. Как только он переступил порог, то сразу же почувствовал запах крови. Его взгляд переместился влево. Над кроватью склонился Джимми Браун, большой, недалекий белый парень из сельской местности с короткой стрижкой, который за двадцать лет упорной работы вырос из патрульного полицейского в следователя полиции Джонсон-Сити. Под ним на кровати находилась, как оказалась, туша мужчины. Очень бледная туша. Человек был наг, и лежал на

спине. Его ноги были расставлены, а руки раскинуты по сторонам. Распластанный и покрытый темной, запекшейся кровью.

— Вот тебе и смерть с достоинством, да? — спросил Ландерс.

Браун посмотрел на него невозмутимо, даже не улыбнувшись. Как он мог не улыбнуться? Это же было довольно забавно. Ландерс списал это на мелочную зависть.

— Где криминалисты? — спросил Браун.

— В пути. Должны быть здесь через час или около того.

Команда криминалистов из Восточного Теннесси ехала сюда из Ноксвилля, который располагался в ста сорока пяти километрах к западу. Они отвечали за всю восточную часть штата. Ландерс знал, что они появятся здесь со своей фантастической современной мобильной лабораторией, одетые в симпатичную маленькую белую униформу. Благодаря сериалам про расследования на месте преступления, им всем казалось, что они звезды.

— Кто же этот красавчик? — спросил Ландерс.

Браун отступил в сторону от тела и вытащил свой блокнот.

— Зарегистрировался как Джон Пол Тестер и указал адрес в Ньюпорте, что подтверждается талоном, найденным в бардачке его автомобиля. Его бумажник исчез, если он у него, конечно, был. Менеджер говорит, что он зарегистрировался вчера поздно вечером и сказал, что будет проповедовать здесь Учение о пробуждении из Евангелия, и спросил, где можно перекусить хорошим гамбургером. Менеджер посоветовал ему сходить в «Фиолетовую свинью». От Департамента безопасности мы получим фото с его водительского удостоверения, так что сможем показать и опросить в округе.

Ландерс задавался вопросом, зачем Брауну понадобился блокнот, чтобы изложить краткую информацию. Этот тип действительно был туповат. Ландерс обошел кровать, глядя на мертвую тушу. На теле было, по меньшей мере, с десятков ран от ножа, большинство из которых были сосредоточены в области шеи и груди.

— Проповедник, да? Похоже, кому-то не понравилась проповедь.

— Это не самое страшное, — сказал Браун. — Его член исчез.

— Ух, ты! Seriously?

Из-за крови Ландерс не заметил этой детали. Он посмотрел между ног туши, и не увидел ничего кроме темно-красной липкой массы. Тому, кто его отрезал, пришлось нелегко. Ландерс подумал, что с таким животом, толстяк не видел свой собственный член довольно долгое время.

— Есть еще кое-что, — продолжил Браун. — Этим утром какая-то женщина звонила в офис шерифа. Он живет рядом с мостом Пикен, и ее кот вернулся с небольшим подарком. Человеческим пенисом. Вероятно, он принадлежит этому парню.

Его логика была поразительной.

— У тебя есть какие-нибудь мысли по поводу времени его смерти? — спросил Ландерс.

— Он холодный и жесткий. Я бы сказал, что он мертв более восьми часов.

— Камеры видеонаблюдения?

— Только на стойке регистрации. Ни на стоянке, ни в каком другом месте их нет.

Раздался стук и в дверь вошел патрульный полицейский. Он принес фотографию мертвеца размером 20 × 25 сантиметров. Он передал ее Брауну, который, в свою очередь, отдал ее Ландерсу и спросил:

— Ты здесь, чтобы помочь, или просто на экскурсии?

— Слушаюсь и повинуюсь. По крайней мере, до тех пор, пока дело не будет официально

передано в мою юрисдикцию.

Браун посмотрел на него сурово.

— Почему бы тебе не отправиться с фотографией в «Фиолетовую свинью» и не поспрашивать там?

— Сделаю, — сказал Ландерс. — Что-нибудь еще?

— Думаю, что нет. Мои люди проверяют женщину, которая прошлой ночью была на дежурстве, прочесывают территорию и работают по нью-портскому следу. Ты сам сказал, что криминалисты в дороге. Думаю, что пока все находится под контролем.

— Замечательно. Итак, я направляюсь в «Фиолетовую свинью».

Ландерс спустился по ступенькам, прошел мимо патрульных и сел в машину. В тот же момент он увидел одного из репортеров местной газеты «Новости Джонсон-Сити», ошивающегося возле входа. Ее звали Сильвия, кажется. Она не была красавицей, но ее внешность нельзя было назвать отталкивающей, поэтому Ландерс вышел из машины и подошел к ней, чтобы пообщаться пару минут. Он слил ей «утку» о пропаже полового члена, думая, что стоит попробовать покувыркаться в постели с ней в будущем.

Затем Ландерс поехал на юг, вниз по Роан-стрит, поминутно поглядывая на фотографию мертвого проповедника. У мужчины были рыжеватые волосы, приличные на вид черты лица, и широкие бакенбарды, которые спускались к нижней части мочки уха, как у Элвиса Пресли. Мужчина выглядел неплохо, но его, определенно, даже нельзя было сравнивать с Ландерсом.

— Преподобный, что же ты сделал, чтобы тебя убили? — спросил Ландерс, глядя на фотографию, как только завернул на стоянку у «Фиолетовой свиньи».

— Погрузил старый свой старый фитилек в бочку с испорченным воском?

12 апреля

10:20

Кэролайн Диллард, одетая в потрясающий модный темно-синий костюм от «Calvin Klein», сделала глубокий вдох, выпрямила спину, и направилась к стойке регистрации. За пуленепробиваемым стеклом находился угрюмый, полный мужчина средних лет с коротко постриженными волосами, уложенными на пробор, и с полным ртом жевательного табака. Он сидел, одетый в черный свитер с вышитым значком на груди. Под значком были вышиты слова «Вашингтонское управление исправительных учреждений». В то время как Кэролайн приблизилась, он сплюнул коричневый табачный сок в одноразовый стаканчик.

Кэролайн взяла регистрационный лист, улыбнулась и сказала:

— Мне нужно встретиться с заключенным под № 7740.

В Вашингтонском Центре предварительного заключения у людей, кажется, не было имен. Все здесь отслеживались по номерам.

Офицер оглядел ее непристойным взглядом и спросил:

— У тебя есть удостоверение личности, красotka?

— Меня зовут Кэролайн Диллард, — ответила она.

Это был только ее третий визит в изолятор временного содержания, в двух предыдущих случаях она не сталкивалась с этим сотрудником. Она полезла в кошелек, вытащила водительское удостоверение и положила его в металлический поддон в нижней части окна

— Ты адвокат? — спросил он.

— Я — помощник адвоката Джо Дилларда.

— Ты его жена?

— Да.

— Слишком красивая, чтобы быть за ним замужем.

Кэролайн вздохнула

— Если вы проверите список допущенных лиц, то найдете меня в нем.

Полицейский открыл блокнот со спиралью и не спеша начал просматривать страницы.

— Я чувствую твой аромат через окно, — сказал он. — Ты хорошо пахнешь.

— Я обязательно передам вашему боссу, что вам понравилось, как я пахну.

Кэролайн посмотрела на имя, вышитое под значком.

— Офицер Кагл, не так ли? Шериф приходит к нам в гости каждое Рождество. Мы с ним очень хорошие друзья.

Это было откровенной ложью, так как шериф никогда не бывал в доме у Кэролайн, но это, похоже, возымело должный эффект.

Офицер Кагл опустил взгляд, и вернул обратно водительское удостоверение через окошко.

— Вы же знаете, как пройти в комнату для адвокатов, не так ли, мэм?

Кэролайн кивнула и улыбнулась.

— Ну, добро пожаловать тогда.

Кэролайн быстро прошла через лабиринт решеток и стальных дверей. Она немного волновалась из-за этого визита, так как не могла предугадать, в каком настроении будет заключенная, с которой она собиралась встретиться. Женщина в течение девяти месяцев находилась в заключении, и это был самый длительный срок за всю ее жизнь. Она украла у матери чековую книжку, подделала чек и потратила деньги на покупку кокаина. Муж Кэролайн, Джо, выступал ее защитником. Он сумел убедить прокурора, чтобы тот уменьшил тяжесть обвинения, но из-за многочисленных столкновений Сары Диллард с законом, обвинение настаивало на том, что в обмен на более мягкое обвинение, она отказывается от испытательного срока и соглашается отбывать наказание в окружной тюрьме.

Кэролайн находилась уже пять минут в помещении для адвокатов, когда женщина-надзиратель открыла дверь и отошла, чтобы дать возможность войти заключенной. На Саре не было наручников, и она не была закована в цепи, так как не представляла собой опасности. Не было никакого риска, что заключенная может сбежать, так как она выйдет на свободу через несколько часов. Она слегка улыбнулась и кивнула, увидев Кэролайн.

Кэролайн встала, чтобы обнять золовку.

— Как ты?

— Нормально, — ответила Сара Диллард.

— Ты выглядишь хорошо.

— Ты тоже. Даже чертовски хорошо.

Они обе сели, и Кэролайн улыбнулась своей золовке Саре Диллард.

Кэролайн всегда поражалось сходством между ее мужем и его старшей сестрой. Волосы обоих были густые и темные, глаза зеленые, зубы белые, а тела — стройные и поджарые. Единственный видимым недостатком на лице Сары был небольшой розовый шрам, который, разрезал ее левую бровь, словно молния. Шрам остался на память от удара какого-то торговца наркотиками, когда она в последний раз была на улице. У Сары были высокие скулы, мощные челюсти и ямочка на подбородке. Джо рассказывал Кэролайн, что когда они

были маленькими, то часто их считали близнецами. Сходство стало уменьшаться, когда Джо вымахал под метр девяносто и набрал 90 килограммов мышечной массы. Кэролайн поражалась стойкости внешности Сары. Ее красота была свежа, и было трудно поверить в то, что из года в год, она злоупотребляла алкоголем и наркотиками.

— Приняла ли ты решение по вопросу, который мы обсуждали на прошлой неделе? — спросила Кэролайн

Сара опустила взгляд на стол.

— Если хочешь знать правду, то это меня не особенно радует.

— Почему?

— Кэролайн, я слишком взрослая, чтобы жить у брата. Я слишком взрослая, чтобы жить с тобой. Я ценю то, что вы пытаетесь сделать, но считаю, мне лучше идти своим путем.

Кэролайн пристально вглядывался в зелень ее глаз.

— Ты собираешься пойти своим путем. Как ты это делала последние двадцать лет?

— Ой, хватит уже. Скажите, пожалуйста! Ты продела весь путь сюда, только для того, чтобы оскорбить меня?

— Я приехала сюда, чтобы попытаться вразумить твою тупую башку. Если ты не переедешь к нам жить, то куда ты пойдешь? Чем планируешь заняться?

— У меня есть друзья.

— Какие друзья? Дилеры и наркоманы? Ты должна держаться подальше от таких людей.

— В самом деле?

Зеленые глаза Сары сверкнули сердито, но Кэролайн выдержала ее пристальный взгляд.

— Несмотря на то, что ты жена моего брата, это не дает тебе право читать мне лекции. Кстати, а зачем ты это делаешь? И почему Джо не приехал?

Кэролайн облокотилась на стол и наклонилась к Саре.

— Я делаю это потому, что забочусь о тебе. Мы оба беспокоимся. Мы только хотим помочь. А Джо здесь нет потому, что он не может вынести, чтобы видеть тебя в тюрьме. Это его убивает.

— Из-за того, что он увидит меня здесь, это его убьет? Ну, ему следовало бы попробовать пожить здесь некоторое время. Это научило бы его проявлять сострадание к своим клиентам.

— У него достаточно сочувствия к клиентам и особенно к тебе. Он сделал все возможное для тебя, в том числе, посылая тебе каждый месяц деньги.

— Я постараюсь не забыть отправить ему благодарственное письмо, когда выйду.

— Сара, почему ты такая циничная?? Почему не можешь поверить, что кто-то просто заботится о тебе и хочет помочь? Только и всего. Без всяких условий.

— Без условий? А что, если завтра вечером я захочу получить кайф?

— Я сказала, без каких либо условий, но без правил не обойтись. Если кто-то из нас заметит следы наркотиков или алкоголя, ты окажешься за улице.

Сара улыбнулась.

— И вот что еще. Мы будем любить тебя до тех пор, пока ты не сделаешь то, что делала всегда. Если ты это допустишь, то мы не будем тебя любить в той же мере.

Мы, конечно, продолжим любить тебя, но не будем помогать в твоём самоуничтожении.

— Спасибо, не надо.

Сара встала и подошла к стене, чтобы нажать на кнопку вызова охраны.

— И это все? Никаких благодарностей?

— Да.

— Хорошо. — Кэролайн тоже встала и направилась к противоположной двери. Они обе стояли в неловком молчании, отвернувшись друг от друга, пока не появилась надзирательница.

— Предложение остается в силе, — сказала Кэролайн, когда Сара выходила из комнаты. — Все что тебе нужно сделать — это согласиться.

12 апреля

11:15

Агент Ландерс знал, из-за того, что покойник был проповедником, на следствие будет оказано дополнительное давление, чтобы арест был произведен как можно быстрее. Не то чтобы при поиске убийцы давление не оказывалось бы совсем, если бы он был сантехником или барменом, но проповедники по-прежнему занимают особое место в сердцах и мыслях наиболее влиятельных людей восточной части Теннесси. Убийство Божьего человека было оскорблением Всевышнему.

«Фиолетовая свинья» представляла из себя небольшой бар, расположенный приблизительно в полутора километрах от Государственного университета Восточного Теннесси, в котором подавались популярные бургеры и пиво. Бар был похож на один из тех английских пабов, в которых одни и те же люди сидят на одних и тех же местах, рассказывают свои старые шутки и пьют один и тот же сорт пива. Ландерс обедал здесь два или три раза в месяц. Время от времени он заходил сюда и выпивал пиво после работы. Владельцы были его одноклассники из средней школы, и он знал нескольких постоянных посетителей и официанток. Особенно официанток. У Ландерса были телефоны их всех, даже тех, кто был замужем.

«Искусный с женщинами», — так он называл себя.

Он припарковал свой «Форд» на стоянке, захватил с собой фотографию Тестера и поспешил к двери. Он учуял запах жира, как только вышел из машины. «Фиолетовая свинья» не открывался на завтрак, но на стоянке были автомобили. Он знал, что сотрудники готовятся к обеденной суматохе, поэтому постучал в запертую входную дверь. Патти Гиллеспи была маленькой брюнеткой, высотой чуть выше метра пятидесяти. Она и ее брат, Сонни, владели этим местом. Ландерс однажды уже трахнул пьяную Патти в школе в женском туалете во время баскетбольного матча. Хотел понять, каково это быть с такими миниатюрными.

— Мне нужно поговорить с тобой, — сказал Ландерс, и она впустила его внутрь. Как только он вошел, то сразу плюхнулся на первый попавшийся стул. В помещении было сумрачно и пахло затхлым сигаретным дымом и прогорклым жиром. Зеркало тянулось вдоль длинной стены, расположенной напротив бара. Ландерс посмотрел на свое отражение в нем, пока Патти обошла бар и вернулась. Ему понравилось то, что он увидел.

— В чем разница между сперматозоидом и агентом ТБР? — спросила она.

Патти нравилось выводить его из себя.

— Ну, давай, срази меня, — ответил он. — В чем же разница между сперматозоидом и агентом ТБР?

— У сперматозоида есть один шанс на миллион стать человеком. Что ты будешь пить?

— «Пепси». У меня есть фотография, и я хочу, чтобы ты на нее взглянула. Не возражаешь?

— Ты выполняешь настоящую полицейскую работу?

— Естественно.

— Эй, Лотти, — Патти крикнула в сторону кухни. — Специальный агент Филипп Ландерс делает реальную полицейскую работу в моем маленьком старом баре. Хочет, чтобы я помогла ему. Что делать?

— Все отрицать, — крикнул женский голос. — И потребовать адвоката.

— Ты ей не нравишься, — сказала Патти. — Она говорит, что у тебя маленький член.

— Тебе лучше знать, — ответил он и подмигнул ей.

— Я была пьяной, придурок. Я не помню твой пенис.

Ландерс положил фотографию Тестера на бар.

— Есть вероятность, что этот человек был здесь вчера вечером.

Патти кивнула.

— Пришел в шесть, сидел вон за тем столиком, — она указала позади Ландерса. — Я обслуживала его. Он заказал чизбургер и картофель фри. Выпил два пива «Blue Ribbons». Уже никто не пьет «Blue Ribbons». Я помню, о чем я подумала: он не выглядел бы так плохо, если бы немного похудел и сбрил эти дурацкие бакенбарды.

— Не думаю, что он сможет побрить их в ближайшее время. Он мертв.

Патти ахнула.

— Шутишь?

— Мертвее не бывает. Вчера вечером его убили. Есть шанс, что он познакомился здесь с кем-то? Ты видела, как он уходил?

— Сонни был на кассе, когда тот покинул бар. Он ушел один, но спросил у Сонни о «Мышином хвосте»

— В самом деле? Расскажи-ка мне поподробнее.

— Довольно неприятный тип, понимаешь? Слишком много мнящий о себе, с таким большим животом и в дешевом костюме. Когда оплачивал счет, он спросил у Сонни, где можно найти развлечения для взрослых. Место, где показывают все. Сонни рассказал мне об этом после того, как тот ушел. Он подумал, что это смешно. Сонни сказал, что единственным способом, которым этот чувак сможет получить хоть что-то, являются деньги.

— «Мышинный хвост», да? Спасибо, Патти. После всех этих лет я, наконец, включу тебя в список для моих рождественских открыток.

— Ух, ты. Подожди минутку, — произнесла Патти. — Мне нужны детали. Расскажи мне что-нибудь сочненькое.

— К сожалению, не могу сделать это прямо сейчас. Я уверен, что ты услышишь обо всем в новостях.

— Как по-мужски. Всегда хотите что-то получить задаром.

Ландерс повернулся, чтобы уйти, не предлагая заплатить.

— Спасибо за пепси, — бросил он, — и спасибо за информацию. Я вернусь и расскажу об этом позже.

— Я тебе это припомню, — сказала она.

Ландерс посмотрел в зеркало, выходя за дверь, и увидел, как Патти послала ему воздушный поцелуй.

— У этого мужика отличная задница, Лотти, — сказала она, и он это услышал.

— К черту его, — ответила Лотти. — Он педик.

Лотти была довольно хорошенькой, но как только Ландерс переспал с ней несколько раз, то бросил ее. В мире было слишком много других женщин, которые хотели лечь с ним в постель. Он полагал, что он обязан ради всех них оставаться одиноким.

12 апреля

11:45

Похотливый проповедник. Этот человек был во вкусе Ландерса. Он позвонил Джимми Брауну и рассказал ему об их главном герое, и проинформировал, что теперь он направляется в «Мышиный хвост». Браун сообщил ему, что они нашли свидетеля, ночного портье мотеля, которая сказала, что около полуночи ей показалось, будто она видела, как женщина направлялась в комнату Тестера. Может быть, они нашли что-то.

Браун заявил, что Тестер был евангелистом, странствующим проповедником из Ньюпорта, города, расположенного в округе Кок в ста километрах к юго-западу от Джонсон-Сити. Ньюпорт был печально известен среди сотрудников правоохранительных органов тремя вещами: автомастерскими, производством марихуаны, и, в особенности, петушиными боями. Кроме того, Ландерс слышал, что некоторые из проповедников в тех местах являлись заклинателями змей, религиозными экстремистами, и чтобы доказать свою веру, размахивали медноголовыми щитомордниками и гремучими змеями во время своих проповедей. Он задавался вопросом, а нравилось ли мертвому проповеднику играть со скользкими змеями.

Он въехал на стоянку «Мышиного хвоста» незадолго до полудня и обогнул клуб. Позади здания находился только один автомобиль — черный кабриолет «БМВ», и из него только что вышла женщина с рыжими волосами. Она была одета в черные кожаные штаны и плотную блузку леопардовой расцветки. Ей было тяжело идти по гравию на восьмисантиметровых каблуках с шипами. Наряд был определенно слишком экстравагантным, но на ее теле это смотрелось достаточно хорошо.

Ландерс остановился у «БМВ», вышел из-за него, представился и показал женщине свой значок. Она пожала ему руку и сказала, что ее зовут Эрлин Барлоу. Она была владелицей этого места. Ее муж умер некоторое время назад, и после его смерти она взяла управление на себя. У нее было красивое лицо, и она носила лифчик пуш-ап, которому было что поднимать. Но ей, должно быть, было не менее пятидесяти, поэтому Ландерс решил, что ярко-рыжие волосы были все же крашенные.

— Что я могу для тебя сделать, дорогой? — спросила она, после небольшого обмена любезностями.

— Когда вы открываетесь?

Ландерс был разочарован тем, что место сейчас было закрыто, так как он хотел поговорить с сотрудниками. На самом деле, если честно, он надеялся увидеть некоторых из них в действии. Он слышал, что «Мышиный хвост» было довольно жарким местечком, но он никогда до сих пор не бывал здесь. Когда Ландерс хотел посетить стрип-клуб, то отправлялся в Мертл-Бич или Атланту. Поскольку ему нравилось смотреть на живых, обнаженных женщин, но он знал, что если в ТБР узнают о том, что он зависал в местном стрип-клубе, то его, вероятно, уволят. Эти места были печально известны из-за наркотиков

— В пять, — ответила женщина. — Мы работаем с пяти до двух, шесть дней в неделю.

Воскресенье выходной. Ее голос звучал с явно выраженной южной красотью, с приторной протяжностью, характерной для жителей Теннесси, то есть не совсем то, что он ожидал услышать от женщины такого рода. Ландерс подумал, как это мило соблюдать шабат в стрип-баре.

— Итак, прошлой ночью вы работали?

— Как правило, среда для нас очень хорошая ночь. Вы понимаете, середина недели.

На лице ее играла легкая улыбка, когда она произнесла «середина недели». Ландерс задался вопросом, сколько же желающих приходят сюда каждую среду.

— Прошлой ночью было много людей?

— Как всегда, сладкий. — Не возражаешь, если я спрошу, почему ты этим интересуешься?

Как только она это произнесла, он перевел внимание на ее рот. Хорошие зубы и ярко-красные, как сладкие яблоки, губы. Их цвет напоминал краску «Шевроле» модели 1956 года.

— Мисс Барлоу, я просто делаю свою работу, — сказал он. — Очевидно, я не был бы здесь, если бы не проводил кое-какое расследование.

— Отлично понимаю, — произнесла она, — но уверена, что и ты поймешь, что я начинаю беспокоиться, когда сотрудник полиции, даже такой красивый, как ты, появляется в моем заведении и начинает задавать вопросы. Может быть, я могла бы помочь тебе немного больше, если бы ты позволил мне узнать, что именно ты расследуешь.

Ландерс пошел к своей машине, наклонился и взял фотографию Тестера с переднего сиденья. Потом спросил.

— Вы были здесь вчера вечером?

— Дорогой, я здесь каждый вечер.

— Узнаете этого парня?

Ландерс передал ей фотографию. Она посмотрела на нее несколько секунд, а затем покачала головой и отдала обратно.

— Думаю, что нет.

— Я считаю, что вчера вечером он был здесь.

— В самом деле? И что заставляет тебя так думать?

— Информация, которую я получил. Прошлой ночью он был найден мертвым.

Она ахнула и подняла руку ко рту.

— О боже, какой ужас!

Ландерс в очередной раз поднял фотографию к ее лицу.

— Вы абсолютно уверены, что не видели его вчера вечером в клубе?

— Ну, я не могу сказать с полной уверенностью. Многие мужчины приходят и уходят. Я не запоминаю их всех.

— Мне нужно поговорить с сотрудниками, которые были вчера в смене, и с как можно большим количеством клиентов, с кем я могу пообщаться.

— Ох, готова поклясться — сказала она, — ты напугаешь моих девочек до смерти. А клиенты? Дорогой, они разбегутся от тебя, как испуганные кролики. Большинство из них не хотят, чтобы их жены узнали, что они были здесь, не говоря уже о полиции. Если ты пойдешь и начнешь расспрашивать их об убийстве, прямо не знаю, что станет с моим бизнесом.

— Я ничего не говорил об убийстве.

Искусственная улыбка, которую она надела, застыла на лице, но ее глаза слегка

сузились. В тот момент, Ландерс знал, что она поняла, что оказалась лицом в навозной куче. Это не удивило Ландерса. Любая женщина в такой одежде должна быть глупой.

— Я думала, что ты сказал, что мужчина был убит, — сказала она.

— Нет. Я сказал «найден мертвым», а не «убит». Я ничего не говорил о том, как он умер. Он, возможно, был сбит поездом или погиб в автокатастрофе. Он мог спрыгнуть с крыши и вышибить себе мозги. Что заставляет вас думать, что он был убит?

— Дорогой, я не утверждаю, но не думаю, что ТБР занимается ДТП. Я считаю, что вас посылают только тогда, когда дело доходит до чего-то плохого.

Хорошая попытка. Она что-то знала, и после того, как облажалась, постаралась пойти на попятную. Ландерс решил попытаться вырвать ее из привычной обстановки и отвезти в место, где она чувствовала бы себя менее комфортно.

— Мисс Барлоу, давайте проедем с вами в мой офис, где мы сможем посидеть, выпить чашечку кофе и поговорить. Вы дадите мне список ваших работников и назовете как можно больше имен клиентов, кого сможете вспомнить из тех, кто был здесь прошлым вечером. А я верну вас сюда через пару часов.

Улыбка исчезла с ее лица.

— Дорогой, я говорила тебе, что мой покойный муж, царство ему небесное, был шерифом округа Мак-Нэри? Я почти год была его личным секретарем, прежде чем он ушел в отставку, а примерно через год после этого мы поженились. Это было очень давно, но я помню кое-что из законов. А сейчас мне бы не хотелось быть с тобой грубой, сладкий, но одна из вещей, которые я помню, что если у тебя нет ордера или ты не арестовываешь меня, то я даже не обязана разговаривать с тобой. До настоящего момента я старалась быть вежливой, но ты ясно дал понять, что считаешь, будто я совершила что-то плохое. Поэтому, знаешь что? Я думаю, что я уже пойду и начну работать, ладно? А тебе приятного дня.

Она развернулась, и, виляя бедрами, — единственная фраза, способная описать то, как покачивались ее бедра, — пошла на своих шпильках к «Мышиному хвосту». Ландерс наблюдал за ней некоторое время, а затем повернулся и сел в машину.

Большинство людей съезживается от страха, когда они разговаривают с агентами ТБР, и почти все они сотрудничают, если им нечего скрывать. Этой женщине явно было что скрывать. Ландерс решил покопаться в ее грязном белье, пока не выяснит, что именно она скрывала.

12 апреля

12:10

После того как увели Джонни Уэйна, я отправился навестить свою мать. Было время обеда, и моя прогулка по коридору к отделению длительного ухода за больными в доме престарелых была похожа на прохождение сквозь строй инвалидов колясок. Я осторожно постучал в дверь и вошел. Она не спала. Казалось, она бодрствовала всегда. Врачи сообщили, что развитие болезни Альцгеймера приводит к бессоннице. Она сидела на кровати и смотрела спортивные новости по каналу «Спортцентр». Бейсбольный сезон начался, и это означало, что ее любимый клуб «Атланта Бравс» вернулся на поле.

— Привет, мама. Как ты?

— Как будто попала под поезд.

— Хорошо. По крайней мере, ты с нами

Болезнь развивалась неумолимо. Иногда я приходил, и она приветствовала меня по имени, мы с ней разговаривали, а на следующий день она даже не могла вспомнить, кто я. На это было больно смотреть. Ей было всего шестьдесят лет, и мама всегда была сильной и энергичной. Но теперь ее кожа потеряла свою упругость и была цвета выбеленной кости, ее вес снизился до сорока килограммов, и мне казалось, что она потеряла в росте, по крайней мере, сантиметров пять. Щеки впали, ее карие глаза потускнели, а волосы посерели и истончились. Ее протезы лежали в банке на ночном столике. Когда я сел на стул рядом с кроватью, то понял, что скоро она уже не сможет нормально разговаривать.

Мама родилась в 1947 году в небольшом городке под названием Эрвин, расположенном в штате Теннесси в предгорьях Аппалачей, недалеко от границы с Северной Каролиной, и находящимся в окружении Национального лесного заповедника Чероки. Она полюбила моего отца – звезду футбола из близлежащего города Джонсон-Сити, и вышла за него замуж в 1964 году, через месяц после того, как они окончили среднюю школу. В 1966 году родилась Сара, а я появился на свет в 1967 году, сразу же вслед за тем, как мой отец был призван в армию и отправился во Вьетнам. Я никогда не видел его живым. К тому времени, как я родился, его отправили домой в мешке для трупов.

Мама делала все возможное, чтобы заботиться о нас с сестрой. Она работала бухгалтером в небольшой кровельной компании и стирала белье чужих людей. Она мало говорила, но когда открывала рот, то обычно это была горькая тирада в отношении Линдона Джонсона или Ричарда Никсона. Она никогда не встречалась с другими мужчинами и почти не выходила из дома. Единственное, что она настоятельно требовала от меня: «Получи образование, Джо».

— Сару сегодня выпускают из тюрьмы, — заметил я. — Надеюсь, она останется пожить в моем доме некоторое время. Кэролайн отправилась сегодня утром поговорить с ней.

Мама опустила глаза, когда я упомянул Сару, и покачала головой.

— Моя плоть и кровь в тюрьме, — произнесла она. — Скажи мне, где я ошиблась.

— Нет смысла тебе корить себя за это. Она такая, какая есть. Это не твоя вина.

— Джо, тебе лучше быть осторожным с вашими ценностями. Она растащит весь дом, если ты дашь ей шанс.

— Сара не стала бы красть у меня, мам.

На самом деле, Сара подворовывала у меня и раньше, но я никогда не говорил об этом матери.

— Ну, она обкрадывала меня много раз.

— Может, она изменилась. Ты выглядела грустной, когда я вошел. Что случилось?

— Я думала о Раймонде.

Она потянулась за салфеткой возле кровати и вытерла глаза. Раймонд был младшим братом мамы, утонувшим, когда ему было семнадцать лет.

— Так жаль.

— Нет, не жаль, — сказал я, прежде чем осознал, что именно вылетело из моих уст. — Мама, не лей свои слезы по нему. Это пустое.

— Джо, ты и слова доброго не сказал о своем дяде. Так что же он сделал тебе?

Я покачал головой, не желая говорить об этом. Она не вспоминала о нем годами.

— Он не был хорошим человеком.

— Ему просто нужно —

— Мам, пожалуйста, мы могли бы не говорить о Раймонде? Ты имеешь право на свое

мнение, а я — на свое.

Я хотел ей рассказать, на чем была основана моя точка зрения, но не видел в этом смысла. Мама умирала, а это случилось так давно. Не считал нужным очернить ее приятные воспоминания о единственном брате.

Мне удалось отвлечь маму от мыслей о Раймонде, и перевести разговор на некоторое время на моего сына Джека и его перспективы в качестве игрока в бейсбол, но затем, как внезапно меняется погода, так и моя мать посмотрела на меня так, будто видела впервые.

— Что вы здесь делаете? — спросила она. — Кто вы?

Такой переход был слишком быстр даже для нее, как будто кто-то нажал какой-то внутренний переключатель. Даже ее тон изменился.

— Это я, мам. Джо. Твой сын.

— Почему вы носите этот галстук? Вы большой человек?

— Нет, мам. Я не большая шишка.

— Где Раймонд?

— Раймонд умер.

Она глубоко вздохнула и уставилась в потолок.

— Мам? Ты меня слышишь?

Она не реагировала, лежа неподвижно, почти в ступоре. Я посмотрел на прикроватную тумбочку. На ней стояло несколько фотографий нашей развалившейся семьи. На одной из них был изображен мой дед на кукурузном поле, одетый в комбинезон с нагрудниками, и мулом, запряженным в плуг. Там же была фотография в рамке, где я стоял на сцене по случаю церемонии окончания юридического факультета. Рядом с ней в меньшей по размеру рамке стояла черно-белая фотография, запечатлевшая меня с Сарой, когда мне было семь лет. Мы стояли на плоту из досок на середине пруда, находящегося за домом бабушки и дедушки и размером в пол-акра. И мы оба улыбались от уха до уха. У меня не было двух передних зубов.

Справа от этой фотографии стояло изображение чуть большего размера с дядей Раймондом, где тот был снят за полгода до его смерти. Ему было семнадцать, он стоял рядом с застреленной, выпотрошенной и подвешенной на дереве ланью. Он держал винтовку в левой руке и сигарету в правой. Я подошел и взял в руки фотографию, изучал ее с минуту, а затем повернулся к постели. Мама все также смотрела в потолок.

— Ты меня слышишь? — спросил я.

Тишина в ответ.

Я сел в кресло рядом с ее кроватью и начал разбирать рамку фотографии. Я разжал маленькие скобы на задней ее части, вытащил фото и разорвал на мелкие кусочки.

— Мама, я надеюсь, ты не будешь сильно сердиться, но я отправлю Раймонда туда, где ему место.

Я встал и пошел в ванную комнату, бросил кусочки в унитаз, спустил воду, и смотрел, как они кружатся по чаше и исчезают. Потом вернулся и снова сел рядом с ее кроватью. Я откинулся на спинку кресла, закрыл глаза и попытался успокоиться. Я выпрямился.

— Поскольку ты меня все равно не слышишь, я расскажу тебе, что он сделал, — произнес я. — По крайней мере, я смогу выговориться.

Я наклонился вперед, уперся локтями в колени и сплел пальцы.

— Мне было восемь лет, Саре — девять. Ты ушла куда-то с бабушкой и дедушкой. Был вечер пятницы, и ты оставила Сару и меня в доме бабушки с Раймондом, которому, как я

полагаю, было шестнадцать.

Я помню, что смотрел бейсбол по телевизору, и, видимо, задремал, потому что когда проснулся, было уже темно. Единственный свет исходил от телевизора. Я помню, как сидел и потирал глаза, а потом услышал шум, который напугал меня, так как звук был таким, словно кто-то звал на помощь. Я встал с дивана и направился в сторону шума, испытывая с каждым шагом все больший страх. Я передвигался на цыпочках.

Когда подошел ближе, то смог разобрать некоторые слова, что-то вроде: «Нет! Прекрати!». Это был голос Сары, который доносился из спальни дяди Раймонда. Я слегка толкнул дверь, и в свете лампы увидел дядю. Он стоял на коленях на кровати спиной ко мне абсолютно голый. Голос Сары доносился из-под него.

Я остановился, чтобы сделать глубокий вдох. Образ обнаженного дяди, нависшего над моей сестрой, остался выжженным в моем мозгу.

— Ты слышишь меня, мама? — спросил я. — Ты поняла, что я сказал?

Я заметил, что мой голос дрожал. Мама все также смотрела на потолок.

— Сара продолжала говорить: «Больно. Прекрати!». Я не понимал, что происходит, так как ничего не знал о сексе. Но в голосе Сары было столько боли и страха, что мне стало ясно — происходит что-то плохое. В конце концов, мне удалось спросить: «Что происходит?» Я удивился, услышав свой собственный голос.

Раймонд повернул голову, посмотрел на меня убийственным взглядом и сказал: «Пошел вон, маленький кусок дерьма». Я спросил его, что он делает с Сарой. И затем, мам, именно в этот момент, Сара сказала то, что преследует меня и по сей день. Я никогда не забуду ее слабый голосок: «Джо, убери его от меня. Он делает мне больно».

Мне пришлось остановиться на минуту. Насилие, совершенное над моей сестрой, преследовало меня и ее более трех десятилетий. Когда завел этот разговор с мамой, я думал, что рассказать другому человеку, даже тому, кто не смог бы принять то, что случилось с Сарой, возможно, помогло бы мне, наконец. Но пока я рассказывал об этом, почувствовал, что снова оказался в той маленькой спальне. Я ощущал, как мое сердце колотится в груди, как мои руки стали холодными и липкими.

— Я стоял, как идиот, несколько секунд, не зная, что делать, но Раймонд не оставил мне выбора — вскочил с кровати и ухватил меня за горло, затем ударил головой об стену так сильно, что у меня закружилась голова. Потом схватил за шиворот и вышвырнул за дверь. Я помню, как полз по коридору на животе. Он захлопнул дверь, и я замер. Я подумал о том, что следует пойти в гараж и взять бейсбольную биту или лопату, возможно топор. Что угодно. Я слышал, как Сара плачет за закрытой дверью, это было похоже на те кошмары, в которых ты не можешь пошевелиться. Я был слишком напуган, чтобы двигаться.

— Казалось, прошла целая вечность прежде, чем они вышли из комнаты. Я помню, как Сара, всхлипывала и вытирала нос тыльной стороной ладони. Раймонд схватил нас обоих за шею и потащил в гостиную, а потом толкнул на диван. Он наклонился и погрозил пальцем в сантиметре от моего носа. И тогда твой брат, которого ты так любила, прошипел, что если я хоть кому-нибудь скажу одно слово об этом, то он убьет мою сестру. Затем он повернулся к Саре и сказал ей, что если она расскажет, хоть что-нибудь, то он убьет ее брата. А в конце он спросил, понятно ли нам?

Никто из нас не проронил ни слова, даже между собой мы не обсуждали того, что случилось. Когда через год этот кусок дерьма утонул, это был один из лучших дней в моей жизни. Я пытался стереть это воспоминание из своей головы, но не смог. Очевидно, это не

удалось и Саре.

Я откинулся в кресле и глубоко вздохнул.

— Теперь ты знаешь.

Она не двигалась с тех пор, как я начал свой рассказ. Мама лежала, едва дыша, все еще глядя в пустоту, лишь изредка моргая.

— Не верю, что ты не заметила изменений после того дня. Не могу поверить, что ты даже не удосужилась спросить, что случилось. Я бы рассказал тебе об этом, и, может быть, ты смогла бы помочь каким-то образом Саре. Но ты была слишком занята, жалея саму себя. Ты провела всю свою жизнь, чувствуя себя несчастной, а теперь все кончено.

Я искал любой знак того, что она поняла меня. Ничего.

— Ты слышала то, что я тебе сейчас говорил? Слышали ли ты, мама?

В дверь постучали, и в комнату осторожно вошла одна из медсестер.

— Все в порядке? — спросила она. — Мне показалось, что кто-то кричал.

Мне потребовалось несколько секунд, прежде чем я понял, о чем она говорит. И вдруг я осознал, где я сейчас нахожусь, как будто только что пробудился от глубокого сна.

— Все в порядке, — успокоил я ее. — Пожалуйста, закройте дверь.

Она повернулась и вышла. Я встал с кресла и посмотрел на маму.

— Думаю, что теперь я чувствую себя немного лучше. Рад, что нам удалось поговорить.

12 апреля

16:00

Эрлин Барлоу ощущала отсутствие Гаса сейчас сильнее, чем когда-либо. Было бы лучше, если бы он присутствовал при встрече с агентом ТБР. Как только ей удалось избавиться от него на стоянке, она села в баре и задала себе вопрос, а что Гас бы сделал на ее месте. Она беспокоилась, так как агент ТБР не производил впечатления человека, от которого можно держаться на расстоянии достаточно долго. Она знала, что он вернется, и понимала, что это, вероятнее всего, произойдет довольно скоро.

Как она и сообщила агенту, Гас был избран главным шерифом округа Мак-Нэри, когда ему было всего лишь двадцать шесть лет. Это было почти тридцать лет назад. Двадцатидвухлетняя Эрлин была еще почти ребенком и ничего толком не знала о жизни. Ее дядя, работавший в Окружной комиссии, помог получить ей должность диспетчера в офисе шерифа. Они с самого начала полюбили друг друга.

Однако, она не упомянула агенту, что в то время Гас был еще женат на другой женщине, и его жена Баши поймала их в один из пятничных вечеров в Гатлинберге в номере мотеля. Через несколько месяцев она развелась с Гасом, и он подал в отставку с поста главного шерифа. Ползли слухи, что он покрывал азартных игроков и дилеров марихуаны, но Эрлин не верила ни единому слову.

В то время как он находился еще в должности шерифа, он встретил людей, которые помогли ему войти в бизнес развлечений для взрослых в округе Гамильтон после его отставки. Он попросил Эрлин поехать с ним, и она согласилась, так как была безумно влюблена, но скрывала это в глубине души. Гас был большим, сильным, красивым мужчиной и настоящим мужиком. Он относился к ней, как к принцессе. Они не могли иметь детей, потому что она сделала неудачный аборт в шестнадцать лет и осталась бесплодной, но они жили душа в душу почти на протяжении тридцати лет. Будучи женатыми, они владели

четырьмя клубами в разных штатах. Они либо покупали клуб, который не приносил прибыли, либо задешево строили его и налаживали в нем работу. Гас руководил бизнесом и решал проблемы с клиентами, а Эрлин имела дело с девушками. Они делали клуб прибыльным, управляли им некоторое время, а затем продавали, зарабатывая на этом кучу денег. И они помогли многим девушкам, попавшим в тяжелое положение.

Эрлин и Гас планировали держать «Мышиный хвост» еще лет пять, а затем прекратить работу и переехать в Южную Каролину. Но в сентябре прошлого года, однажды в воскресенье днем Гас косил газон перед домом, потом споткнулся и упал, и когда Эрлин нашла его, он уже, как оказалось, умер от коронартромбоза. Ее сердце разлетелось на миллион осколков. Ее любимый Гас. Вот, она только что взглянула на него через окно кухни, и он помахал ей рукой, управляя газонокосилкой, а через мгновение – конец! Вот так просто. Мертв. Единственное, что давало ей силы жить, была вера в то, что когда-нибудь они снова будут вместе. Ее Гас будет ждать ее в загробном мире.

После того, как агент ТБР ушел, она какое-то время раздумывала, а потом позвонила бармену и всем девушкам, которые работали вчера вечером, и приказала им явиться в бар к четверем, то есть за час до открытия ресторана. Бармена звали Ронни. Митци, Элизабет, Джули, Триша, Хизер и Дебби были танцовщицами. Остальные две, Эйприл и Александра — официантками. Все они были красавицами с прекрасными телами. Чем старше Эрлин становилась, тем больше ей нравилось находиться рядом с ними. Она пыталась научить их самоуважению и держаться подальше от плохих мужчин и наркотиков. Это была трудная задача, но она делала все возможное.

Вчера вечером, когда был убит мужчина, столики также обслуживала Энджел, но Эрлин не хотела, чтобы та присутствовала на этой встрече. Убитый отвратительно вел себя по отношению к ней, и Эрлин боялась, что если агент ТБР узнает об этом, то он может начать подозревать Энджел. Кроме того, Эрлин испытывала вину за то, что малышка работала в клубе. Энджел была не той девушкой, которая могла бы постоять за себя в таком месте, как «Мышиный хвост», так как была слишком уязвимой, но Эрлин никаким образом не могла этого знать, когда они встретились в первый раз.

Эрлин была в курсе, что некоторые из девочек считают довольно странным, что с самого начала она приняла Энджел под свое крыло. Но они просто не понимали. В значительной степени причина была в Гасе. От первого брака у него была дочь, красивая брюнетка по имени Элис. После того как Гас и Эрлин сбежали вместе, бывшая жена Гаса, Баши, возненавидела его настолько, что не позволяла ему увидеться с дочкой. Но он постоянно говорил о том, как хочет увидеться с ней, и каждый месяц посылал ей деньги. Он часто говорил, что в один прекрасный день она приедет, что Эрлин стоит подождать и она увидит.

Через неделю после семнадцатого дня рождения Элис Гас действительно получил по почте фотографию своей дочери в рамке. В конверте была записка: *«Папа, я скучаю по тебе. Увидимся в следующем году, когда мне исполнится восемнадцать»*.

Гас повесил фотографию прямо возле кухонной двери, и каждый раз, когда выходил из дома, посылал ей воздушный поцелуй.

А потом случилось непоправимое. Накануне Нового года, всего через несколько месяцев после того, как Гас получил фотографию, Элис и двое ее сверстника погибли в автомобильной аварии. Гас отправился на похороны, но Эрлин осталась дома, так как подумала, что будет неправильно, если она там будет присутствовать. В течение следующих

нескольких месяцев Гас был чрезвычайно подавлен. В конце концов, ему все-таки удалось выйти из депрессии, но он так и не снял фотографию со стены и не перестал посылать воздушные поцелуи Элис. После его смерти Эрлин оставила фотографию там, где она до этого висела. Она даже сама стала посылать поцелуи.

Когда Энджел прибыла на автобусе вместе с Джулией Хейс, у Эрлин прямо-таки чуть не отвисла челюсть. Энджел была так похожа на Элис, что она готова была поклясться — они могли быть сестрами, возможно, даже близнецами. Когда она впервые увидела Энджел, то ей на память пришли слова Гаса: *«В один прекрасный день она придет. Подожди и увидишь»*.

Эрлин знала, что она должна забрать Энджел к себе домой. Это ощущалось так, словно частица Гаса вернулась снова домой, будто Гас сам послал Энджел ей в утешение. Ухаживание за девушкой, помощь ей, на самом деле, принесли ей утешение. Это было исцеление, вот что это было. Это помогло залечить душевные раны от потери Гаса, и частично избавиться от того багажа, который она носила в себе с того момента, как врач сказал ей, что она никогда не станет матерью.

И когда они сидели, прижавшись друг к другу на диване напротив камина, и смотрели фильм, Энджел начала медленно открываться и поделилась некоторыми ужасными вещами, которые с ней произошли. И Эрлин поняла, что оказалась права. Она сделала вывод, что Гас или сам Бог послал Энджел к ней, хотя, на самом деле, для нее не имело значения, кто из них. Энджел стала для Эрлин дочерью, которой у нее никогда не было. Она должна была позаботиться о ней.

Девочки и Ронни начали приходить между четырьмя и четырьмя-пятнадцатью. Эрлин сказала им, чтобы они пока посидели в баре. После того, как Джули пришла самая последняя и как всегда опоздала, Эрлин встала за стойку бара и произнесла небольшую речь.

— Около полудня сюда приходил агент ТБР, — сказала она. — В связи с убийством. У него была фотография мужчины, который был убит, и он считает, что тот находился вчера вечером здесь. Возможно, он даже полагает, что любой из нас может быть к этому причастен.

Эрлин сделала паузу и посмотрела на их лица. Она предъявляла высокие требования к своим девочкам. Те должны были одеваться определенным образом, когда приходили в клуб, и Эрлин была крайне щепетильна в отношении их макияжа и причесок. Когда Эрлин упомянула про убийство, челюсти у девочек отвисли, и они начали пересматриваться между собой.

— Убийство, про которое говорили по радио? — спросила Хизер. — Говорили, что тот человек был проповедником. Мне пришло в голову, что это тот мужик, который вчера вечером разглагольствовал —...

Эрлин подняла руку.

— Я ничего не слышала по радио, — сказала она, — Однако я хочу, чтобы вы все забыли, что этот человек был вчера вечером здесь. Его здесь не было. Теперь я хочу, чтобы каждый из вас, посмотрел на меня и слушал очень внимательно то, что я сейчас скажу. Когда агент из ТБР придет сюда или к вам, начнет задавать вопросы, покажет вам фотографию, вы скажете ему, что человека с фотографии здесь не было. Все понятно?

Все, кроме Джули закивали. Та посмотрела на Эрлин.

— Значит, ты предлагаешь нам врать копу про убийство? — спросила она. — Это разве не противозаконно?

Джули! Вечно с ней проблемы. Красивая, зеленоглазая и рыжая с совершенным телом, отлично подходила для бизнеса, но она снова вернулась к кокаину, и ее состояние ухудшалось с каждым днем. Она всегда опаздывала, постоянно отвлекалась, и иногда, когда танцевала, делала вопиюще вульгарные вещи.

Кроме того, Джули запала на Гаса, хотя он ей в деды годился, и завидовала Эрлин. И в прошлом году она ее уволила после того, как поймала ту, нюхающую кокаин в одном из складских помещений. Джули закатила страшный, безобразный скандал и вопила во всю глотку, когда вылетела, как ошпаренная, из клуба. В течение восьми месяцев о ней не было ни слуха ни духа, а затем два месяца назад она позвонила Эрлин по телефону, была очень вежливой и привела кучу оправданий. Джули сказала ей, как сильно сожалеет о Гасе, и сообщила, что она чиста, как стеклышко, и хотела бы вернуться на работу. В то время она находилась в Техасе, и здравый смысл подсказывал Эрлин, что пусть она там и остается, но сердце шептало, что Джули была просто запутавшейся молодой девушкой, которая нуждается в работе. Кроме того, ее присутствие хорошо бы сказалось на бизнесе.

— Ничего не случится, если мы будем держаться вместе, — сказала Эрлин, продолжая свою речь. — Девочки, вы представляете себе, как повлияет убийство на этот бизнес? Люди будут держаться подальше от этого места. Мы все окажемся на улице, в том числе и вы, мисс Джули. Что случится со всеми деньгами, которые ты заработала? Испарятся. Кроме того, я уверена, что никто из здесь присутствующих не убивал этого господина, и сильно сомневаюсь, что любой из нас располагает информацией, которая могла бы помочь полиции. Этот парень был пьян и, кроме того, дурак. Все видели, как он себя вел. Вероятно, после того, как он ушел отсюда, то нарвался на того, кто не был так терпим к его поведению, как мы. Так зачем нам в это ввязываться? Если детектив спросит вас, просто скажите ему, что человека здесь не было, и пусть он имеет дело с людьми, которые действительно могли бы ему помочь.

— А где Энджел? — спросила Джули. — Она единственная, кто обслуживала его.

— Энджел дома. Мы с ней решили, что она, на самом деле, не создана для этой работы. Не беспокойся об Энджел. Она ничего не скажет.

Эрлин сделала паузу на минутку и посмотрела на них снова.

— Девочки, мы все на одной и той же стороне?

Она знала, что Ронни был с ней, поэтому она даже на него не взглянула.

Все молча кивнули. Эрлин знала, что упоминание о деньгах, которые они зарабатывают, привлечет их внимание, и к тому же она хорошо к ним относилась. Взамен от них она ожидала, по крайней мере, немного лояльности.

— Джули?

Джули надула жвачку и пожала плечами.

— Ладно, тогда давайте приступим к работе.

12 апреля

18:00

После того как покинул дом престарелых, я провел следующий час в поездке в Маунтин-Сити, где должен был защищать клиента, который собирался признать себя виновным в обмен на более мягкое обвинение в убийстве по неосторожности, которое изначально звучало как убийство со смягчающими вину обстоятельствами. Мой клиент,

тридцатилетний мужчина, по имени Лестер Хэнкок, однажды вечером неожиданно вернулся домой и застал своего лучшего друга в постели с женой. Он просто сказал своему приятелю убираться из его дома и никогда больше здесь не появляться. Его друг ушел, но через пятнадцать минут вернулся, и, стоя напротив дома через улицу, начал выкрикивать оскорбления. Лестер стал кричать ему в ответ. Тогда его друг схватил бейсбольную битку с сидения своего пикапа и пошел по направлению к дому. Лестер вышел на крыльцо и проделал в нем дырку из своего охотничьего ружья. Если бы он не затащил мужчину в дом, а затем солгал полиции о том, как все произошло на самом деле, то вероятнее всего, он бы не был обвинен.

На дворе был апрель, и путешествие в горы доставляло удовольствие. Солнце падало таким образом, что горные пики отражались в блестящих водах озера Уотога, а сами горы наполнялись жизнью. Склоны были усеяны розовыми и белыми цветами багрянника и брэдфордской груши. Пока я медленно ехал по красивой сельской местности, я раздумывал над вопросом, который ранее задала мне мама: «*Что же такого Раймонд сделал тебе?*»

Почти сразу же после изнасилования, я начал слишком остро реагировать на всех, кто пытался задирать меня. В следующем году меня три раза исключали из школы за драки, а я был только в третьем классе. Я боялся остаться в одиночестве, и мне постоянно снились кошмары. Спустя какое-то время кошмары прекратились, но когда я был в восьмом классе, и только вступил в период полового созревания, я швырнул свой шлем в тренера по футболу, который схватил меня за маску и накричал за то, что я допустил ошибку в игре во время тренировки. Шлем попал ему в голову. Они выкинули меня из команды и из школы на один месяц.

В первый год обучения в средней школе, в то время, когда во мне бушевали гормоны, я чувствовал, что не могу ничего проконтролировать, включая собственное тело, я не спал в течение нескольких дней и впал в глубокую депрессию. Тогда в первый раз мне приснилось, что бурные воды несут меня вниз по реке к водопаду.

А потом, на второй год учебы в средней школе я познакомился с Кэролайн. Она была красивая, умная и веселая оптимистка, и сначала я просто не мог поверить, что она хотела иметь со мной хоть что-то общее. Но это было так. Она видела во мне то, что не видел я сам, и хотя я ее не понимал тогда, но был благодарен. Она широко улыбалась мне или смотрела на меня украдкой, подмигивала, отчего мое сердце таяло. Постепенно ночные кошмары прекратились, и в течение нескольких следующих лет, я узнал, что значит по-настоящему наслаждаться жизнью.

Я и Кэролайн были неразлучны в школе. Мы оба усердно трудились. Я был спортсменом, она — танцовщицей, и оба хорошо учились. Я и она работали неполный рабочий день. В выходные дни я расставлял продукты в супермаркете, а она давала уроки танцев для детей в студии, где училась. Ее отец был дальнобойщиком и редко бывал дома, а ее мать была почти так же лишена эмоций, как и моя, но Кэролайн никогда не жаловалась ни на кого из них. Мы были друг у друга, и этого казалось вполне достаточно.

Единственная серьезная проблема возникла по окончании школы. Кэролайн хотела выйти замуж, да и я тоже был не против, но было кое-что еще, что я хотел сделать в первую очередь. Мне было трудно ей это объяснить, но я хотел отправиться служить в армию и стать рейнджером. Кэролайн сказала, что я сошел с ума, и пытаюсь каким-то надуманным способом укрепить связь с мертвым отцом. Скорее всего, она была права, но это не имело значения, так как я уже принял решение. Через месяц после того, как окончил школу, я

записался и отправился в тренировочный лагерь на той же неделе, когда Кэролайн поступила в колледж при Университете штата Теннесси в Ноксвилле. Она сказала, что будет ждать меня, и дождалась. Я писал ей почти каждый день, и приезжал домой каждый раз, чтобы увидеться с ней, как только мне давали увольнительную. Это оказались самые долгие три года в моей жизни.

К тому времени, как я уволился из армии, Кэролайн получила степень бакалавра свободных искусств. Мы поженились в методистской церкви, которую посещала ее мать в городе Джонсон-Сити, на той же неделе, когда я вернулся домой, а осенью я поступил изучать право. Кэролайн начала работать в танцевальной студии, принадлежавшей бывшей участнице группы поддержки «Далласских ковбоев». Она преподавала джазовый танец и чечетку, акробатику и хореографию для танцевальных концертов. Я специализировался на политологии и знал, кем хочу стать. Я учился на юридическом, и собирался стать прокурором. Я хотел отправлять таких людей, как мой дядя Раймонд, в тюрьму.

Мой брак с Кэролайн оказался лучшим решением в моей жизни. Она была так красива, так энергична, и, что самое главное, преподала мне самый важный для меня урок в мире — что значит любить. В ближайшие два года у нас родилось двое прекрасных здоровых детей, и Кэролайн помогала мне учиться воспитывать их. Она подталкивала меня, когда это было необходимо, сдерживала, когда мне это было нужно, делала все возможное, чтобы попытаться ослабить напряженность, которая сжигала меня изнутри.

К сожалению, из армии я принес большой багаж, нежели рюкзак. Рейнджеры — подразделение специалистов, преданные всей душой стране, гордящиеся тем, что способны воевать в любых условиях и в любой момент. На протяжении трех лет я тренировался по всему миру, но не участвовал в боевых действиях. За два месяца до истечения срока моего контракта, мой отряд был отправлен в Гренаду. Ужасающие образы коротких, но кровопролитных боев, в которых я участвовал, преследовали меня во время учебы в колледже и юридической школы. Я просыпался от крика посреди ночи, весь в поту, и моя жена мягко говорила со мной, стараясь успокоить.

Со временем мне удалось подавить воспоминания, как и в случае с изнасилованием Сары, по крайней мере, внешне. Мне даже посчастливилось получить отличные оценки и окончить колледж и юридическую школу, хотя все это время я работал неполный рабочий день и одновременно пытался делать все возможное, чтобы быть хорошим мужем и отцом. Я был так занят, что мне не оставалось времени думать о прошлом. Я полагаю, что на протяжении семи лет мне мало удавалось поспать.

К тому времени как я окончил юридическую школу, мой сын Джек пошел в первый класс. Когда я отправился на собеседование в офис окружного прокурора в округе Вашингтон, то с разочарованием обнаружил, что стартовая зарплата прокурора-новичка составляет менее 25 000 долларов в год, и мне потребуется, по крайней мере, десять лет, чтобы добраться до планки в пятьдесят тысяч. Казалось, что это пустая трата большей части времени и сил за такую жалкую зарплату. Кэролайн только что открыла свою собственную танцевальную студию, и мы понимали, что пройдет некоторое время, прежде чем она начнет достойно зарабатывать. Я полагал, что смог бы заработать, как минимум, вдвое больше, чем в офисе окружного прокурора, основав свою собственную практику, даже будучи новичком, так что я открыл свою фирму в Джонсон-Сити. Я сказал себе, что после того, как накоплю достаточно денег и приобрету опыт, закрою свой офис и начну работать в качестве прокурора.

Я сразу же начал браться за уголовные дела, думая, что этот опыт пригодится мне позже, когда пойду работать в офис окружного прокурора. Я прилагал такое же количество пота и усилий на свою юридическую практику, какое я прилагал бы, если бы решил стать спортсменом, солдатом или студентом, и очень скоро я стал довольно хорош в своем ремесле. Я обнаружил, что закон предоставляет достаточную свободу действий для проницательного и предприимчивого ума, и научился принимать даже самые убийственные доказательства и переворачивать их таким образом, что они становились удобны для моих доводов. Через пару лет я начал выигрывать судебные процессы. Победы в суде принесли мне известность, и вскоре я стал самым загруженным адвокатом по уголовным делам в этом районе. Хлынули и деньги.

Я защищал убийц, воров, торговцев наркотиками, проституток, белых воротничков, домашних деспотов и пьяных водителей. Единственными делами, от которых я отказывался, были случаи, связанные с сексуальными преступлениями. Я убедил себя, что я какой-то белый рыцарь, адвокат, защищающий права обвиняемого против давящего всех и вся правительства. Со временем я сделал печальное открытие, узнав, что многие сотрудники полиции и прокуратуры, которые находились по ту сторону баррикад, не сильно отличались от преступников, которых я защищал. Их не интересовала истина — их всех заботил только выигрыш. Тем не менее мысль о переходе в прокуратуру не покидала мою голову. Но деньги не позволяли мне сделать этот шаг. Я хорошо заботился о жене и детях. Я был горд тем, что являюсь главой семьи. Я испытывал гордость от того, что в состоянии дать своим детям материальные блага и возможности, каких не было у меня. И прежде чем я осознал это, прошло десять лет.

А потом появился Билли Докери. Билли, тридцатилетний маменькин сыночек, который обвинялся в том, что убил пожилую женщину после того, как ворвался в ее дом посреди ночи.

Он был длинноволосым, тощим, глупым, и заносчивым, он не понравился мне сразу, как только мы встретились. Но он клялся, что невиновен, обвинение против него было слабым, и его мать была готова заплатить большую сумму, так что я взялся за это дело. Год спустя присяжные признали его невиновным по окончании трехдневного судебного разбирательства.

На следующий день после того, как он был оправдан, Билли появился в моем офисе пьяным и бросил мне на стол конверт. Когда я его спросил что это такое, он ответил, что это премия в пять тысяч долларов наличными. Я объяснил, что его мать уже заплатила мне гонорар. Он был пьян и настойчив. Я знал, что он безработный, поэтому задал ему вопрос о том, откуда он взял деньги.

— У той женщины, — сказал он.

— У какой женщины?

— Которую я убил. У меня их куча. Я подумал, ты заслужил свою долю.

Я выбросил его вместе с деньгами на улицу. Не было никакого смысла рассказывать полиции о том, что произошло. Правило конфиденциальности между адвокатом и клиентом не позволяло мне публично разглашать его маленький грязный секрет, а закон запрещал повторное судебное преследование Билли за то же преступление. До истории с Билли я делал то же самое, что и все остальные защитники по уголовным делам — избегал обсуждать с клиентом то, что произошло на самом деле. Меня интересовали только процедуры и доказательства. Однако когда Билли ударил меня по лицу истиной, я понял, что

в течение многих лет обманывал сам себя. Я понял, что моя профессия, моя репутация, как я воспринимаю сам себя, являлись не более чем фасад. Я был шлюхой, которая продает свои услуги тому, кто больше заплатит. Меня не интересовала истина. Я был заинтересован в победе, потому что победа означала поступление денег. Я полностью потерял чувство чести. Я почти потерял чувство собственного достоинства.

Когда ко мне пришло осознание этого, я захотел полностью отказаться от юридической практики. Но мои дети еще учились в школе, и в скором времени должны были пойти в колледж. Кэролайн хорошо управляла нашими деньгами, но у нас не было достаточно накопленных средств, чтобы я мог отказаться от практики. Поэтому мы с Кэролайн обсудили все и решили, что я продолжу работать, пока дети не закончат школу и не поступят в колледж. Тогда мы и решим, чем я буду дальше заниматься в жизни.

Я сразу же начал сокращать количество дел, за которые брался. Дела, которые я вел, где подсудимым грозила смертная казнь, и которые мне были назначены судьей в качестве мести за те дни, когда я переворачивал факты и помогал выйти на свободу таким людям как Билли Докери. Мой сын уже учился в колледже, а дочери оставалось отучиться последний год в средней школе. Менее чем через год я надеялся покончить с делами, которые вел, и уйти из профессии, в которую пошел из-за дяди Раймонда, хотя это и не было основной причиной.

Уже почти стемнело к тому времени, как я вернулся из Маунтин-Сити. До сих пор мой день рождения казался мне полным провалом. Джонни Уэйн с кляпом во рту, то, как я практически развалился на части в комнате мамы, воспоминание об изнасиловании Сары снова и снова проигрывалось в моей голове. Кроме того, я не смог связаться с Кэролайн или с кем-то из моих детей по мобильному. Я десятки раз звонил им на обратном пути из гор.

Наконец, я въехал на подъездную дорожку к дому, и нажал на кнопку открытия двери гаража. Тот оказался пуст. Рио, моя десятимесячная немецкая овчарка, выскочила из гаража и начала обыденный ритуал наматывания кругов вокруг автомобиля. Я спас Рио из довольно плохой ситуации, когда ему было только два месяца, и стал его героем. Когда он видел меня, подъезжающим каждый день к дому, то испытывал волнение, которое в этот раз оказалось слишком сильным для его юного мочевого пузыря. Как только я вышел из машины, он написал мне на ботинок.

Где же они могут быть? Я не вижу машины моего сына. На прошлой неделе мы говорили с ним по телефону, и он обещал пойти вместе с нами на ужин в мой день рождения. Я всерьез задумался о том, чтобы плюнуть на все и пойти куда-нибудь, чтобы заглушить мои печали, но все же решил зайти и посмотреть, не оставили ли они мне записку. Конечно же, они не могли запомнить про мой день рождения. Это были люди, которых я любил больше всего на свете. Они бы никогда не забыли про мой день рождения. Мы всегда очень торжественно отмечали его.

Кэролайн ничего не сказала мне этим утром, но я вышел рано в 5:30 утра и помылся в тренажерном зале после того, как потренировался. Она и Лили все еще спали, когда я уходил. Может быть, они все-таки забыли?

Или, возможно, что-то не так? Что-то должно было быть не так. Я с минуту чесал Рио за ушком, затем пошел и открыл дверь, которая вела на кухню. Внутри было темно. Я впустил собаку вперед себя. Царила тишина.

— Привет! Кто-нибудь есть дома?

Я включил свет на кухне.

С потолка свисал огромный плакат, который простирался вплоть до пола, и был шириной не менее двух метров. Он походил на плакат, которые делают болельщики футбольной школьной команды, который держат на поле во время игры.

На нем ярко-синими буквами было написано:

«С Днем Рождения, папа!

МЫ ТЕБЯ ЛЮБИМ!»

Я рассмеялся, когда из-за угла гостиной на кухне появилось трио, распевавшее «С днем Рождения, тебя». Все трое были одеты в полосатые пижамы и улыбались, как чеширские коты. Они держались за запястья друг друга. Семейная банда Диллардов. Жалость к самому себе испарилась, и я раскрыл свои руки для дружеских объятий.

Кэролайн объявила, что они ведут меня на ужин, и затем отправились быстро переодевать эти дурацкие пижамы. Я решил пойти в «Кафе Пасифик» — тихое, маленькое местечко на окраине Джонсон-Сити, где подавали лучшие морепродукты в городе.

Пока я сидел в ресторане, поглощая креветки и гребешки в невероятном тайском соусе, я смотрел на их лица, остановившись, наконец, на Кэролайн. Я влюбился в самую красивую девушку, которую увидел много лет назад, но сейчас она стала еще краше. Ее волнистые каштановые волосы переливались в свете свечей. Ее гладкая, светлая кожа и глубокие карие глаза, которые засветились, когда она поймала меня за разглядыванием и застенчиво улыбнулась, отчего на ее левой щечке появилась ямочка. У Кэролайн было подтянутое, гибкое тело танцовщицы, но при этом мягкое и округлое там, где надо. Она занималась танцами всю свою жизнь и до сих пор работала в небольшой танцевальной студии. Лили была полной ее копией, за исключением того, что ее волосы были светлее, а глаза — орехового цвета. Ей — семнадцать и она училась последний год в средней школе. Она хотела стать танцовщицей, или фотографом, или художницей, или актрисой на Бродвее.

Джек очень похож на меня. Ему только что исполнилось девятнадцать, и он — высокий и мускулистый, с темными волосами и задумчивыми глазами, почти черными. Джек является одним из лучших студентов и очень хорошим спортсменом, целью которого — играть в профессиональный бейсбол, и он работает над этим с пылом фанатика. Мы вместе с ним провели бесчисленные часы, тренируясь на бейсбольном поле. Он бил, пока на его руках не образовывались мозоли, бросал, пока не начинала болеть рука, поднимал тяжести, пока его мышцы не начинали гореть, и бегал, пока держался на ногах. Его усилия окупались в виде стипендии в университете Вандербильта.

Когда официант принес шоколадный торт. Кэролайн начала рыться в сумке, достала свечу, воткнула ее в торт и зажгла.

— Загадай желание, — произнесла она.

— И не говорит нам какое, — добавила Лили.

Она повторяла это каждый год.

Я молча пожелал себе: одного невинного клиента. И чем скорее, тем лучше.

Джек сунул руку под стол и вытащил маленькую плоскую коробку, обернутую в подарочную бумагу.

— Это от всех нас, — сказал он.

Я открыл коробку. Там лежала записка, написанная рукой Кэролайн:

«Следуй за своим сердцем. Следуй за своими мечтами. Мы все будем там, куда бы эти мечты тебя не привели. Мы любим тебя».

Она не меньше меня хотела, чтобы я бросил профессию юриста, так как считала, что

моя работа заставляет меня воевать с самим собой. Не раз она говорила мне, что никогда не видела человека в большем противоречии с самой собой. Она подталкивала меня поступить в вечернюю школу, чтобы получить сертификат учителя средней школы и тренера.

Внутри коробки лежали билеты на игру «Атланта Бравс» в июле.

— Я освобожу твой календарь, — сказала Кэролайн. — Мы все пойдем. Не смей планировать ничего на выходные.

— Конечно, нет, — пообещал я. Это было чудесно.

Мы закончили с десертом и около девяти отправились домой. Когда я въехал на подъездную дорожку, свет фар скользнул по крыльцу, и в десяти метрах слева от двери гаража я заметил какое-то движение. Мы жили изолированно на десяти акрах земли на утесе с видом на озеро Бун. Когда мы отправились в ресторан, то оставили Рио в доме. Я остановился недалеко от гаража и вышел из машины. Я слышал, как Рио яростно лает внутри.

— Иди и включи свет над крыльцом, — сказал я Кэролайн. — А вы оставайтесь в машине.

— Нет уж, — возразил Джек, и вылез с заднего сиденья.

Я поднялся на крыльцо. Джек был рядом со мной. Кто-то поднялся с качелей на крыльце и встал.

— Кто там? — спросил я.

Тишина. Затем на крыльце вспыхнул свет. Рядом с качелями в шортах и зеленой футболку, на которой было написано «Возьми меня, я — ирландка», стояла моя сестра Сара.

12 апреля

23:00

К тому времени как Ландерс вернулся в свой офис, детективы Джонсон-Сити уже собрали больше информации о жертве убийства. Оказалось, что Пол Тестер был вдовцом и у него имелся взрослый ребенок — сын, который служил заместителем шерифа и капелланом в округе Кок. Тестер прибыл в Джонсон-Сити проповедовать Учение о пробуждении из Евангелия в небольшой церкви, находящейся рядом с Бунс Крик. Он выступил с проповедью, собрал почти триста долларов пожертвований на его нужды, около девяти вышел из церкви, и с тех пор его больше никто не видел. Выписка из банка показала, что он снял двести долларов наличными в банкомате в 23:45, расположенном внутри «Мышиного хвоста». Если Тестер потратил там триста долларов и около полуночи ему потребовались еще деньги, то Барлоу должна была его заметить.

Она солгала.

Ландерс провел остаток дня, составляя письменное заявление для получения ордера на обыск, а затем отправился к судье, которому объяснил, что владелица клуба, где жертву видели в последний раз, ввела следствие в заблуждение и отказывается сотрудничать. Судья подписал уполномоченному лицу ТБР ордер на обыск «Мышиного хвоста» для сбора возможных доказательств, имеющих отношение к убийству Джона Пола Тестера. И так как это был стрип-клуб, то судья ни минуты не колебался, чтобы позволить Ландерсу сделать это в рабочее время.

Ландерс лично планировал облаву. Примерно за час до того, как туда ворвется спецназ, он собирался войти внутрь и все проверить, а потом в назначенное время дать сигнал о

начале облавы. Он ждал этого с нетерпением, особенно момента проверки персонала.

Вскоре после девяти он отправился домой, чтобы принять душ и переодеться. Натянув джинсы, черную водолазку и сверху надев пиджак, он поместил свое оружие 38 калибра в кобуру на лодыжке, и около 22:15 поехал к «Мышиному хвосту».

Заведение снаружи выглядело простовато, выстроенное из бетонных плит и выкрашенное в бледно-голубой цвет. На стене здания со стороны улицы, была нарисована большая серая мышь с улыбкой от уха до уха и с изогнутым вверх хвостом, напоминавшим собой эрегированный фаллос.

На стоянке перед входом в клуб стояло двадцать или тридцать машин. Ландерсу пришлось заплатить десять долларов за вход, чтобы пройти в помещение мимо блондинки, выглядевшей как дорогая проститутка с хорошо продуманным макияжем и одетой в черный латекс. С огромной грудью. Банкомат, откуда потерпевший снял деньги, находился рядом с барной стойкой.

Блондинка впустила Ландерса в основную часть клуба, которая представляла собой большой зал длиной около тридцати метров и шириной — почти пятнадцать. В стенах главного помещения были углубления, напоминающие собой небольшие комнатки ожидания со входом, закрытым черными шторами. В помещении имелись три сцены, каждая размером с боксерский ринг, расположенные в виде треугольника и оснащенные бронзовыми столбиками. Все сцены были окружены зеркалами, и на каждой извивалась обнаженная женщина. Сигаретный дым висел облаком на высоте примерно трех метров от пола, а зеркальный шар разбрасывал свет по всему помещению. Музыка была настолько оглушительной, что Ландерс со стоянки слышал басовые ноты даже через стены. Он не узнал звучащую песню, но это был кто-то из дурацких рэперов.

Ландерс быстро посчитал посетителей. В баре слева расположились шесть мужчин, справа от него еще тридцать или около того сидели за столиками около сцены и барной стойки. За исключением танцовщиц и двух официанток, которые носили чрезвычайно привлекательные обтягивающие белые костюмы медсестер, в помещении не было других женщин. Ландерс нигде не видел Эрлин Барлоу.

Он присел за столик, находящийся в стороне. Рыженькая, танцевавшая на сцене, была великолепна. Она являлась красавицей и, при откидывании головы назад, ее волосы развивались. У нее были длинные ноги, подтянутая попка, небольшие, но упругие груди, и она умела хорошо двигаться. Ландерс, сидя здесь, предавался фантазиям, что вот бы ему забрать ее в ванную комнату с собой и показать, что значит хорошо провести время, и в этот момент одна из медсестер остановилась возле его столика. Ее крошечный топ на молнии был почти полностью расстегнут, и ее грудь чуть ли не выпадала из него.

— Дорогой, чем я могу помочь тебе?

— Содовую. Дольку лайма.

Медсестра посмотрела на него презрительно, когда он заказал содовую. Конечно, он предпочел бы виски, но неизвестно, что может случиться во время облавы. Он должен оставаться в трезвом уме.

Пару минут спустя медсестра Бетти принесла содовую. Напиток обошелся ему в пять пятьдесят. Она посмотрела на него с еще большим презрением, когда он не оставил ей чаевые. Ландерс позвонил Джимми Брауну в 22:45. Проверка должна была начаться ровно в одиннадцать. Из-за грохота музыки Ландерс едва слышал Брауна, который сообщил, что они только съезжают с автострады и будут на месте через пять минут.

В этот момент Ландерс увидел Эрлин Барлоу, одетую в кожаные штаны и блузку леопардовой расцветки, в которой она была ранее. Та стояла у стойки бара. Медсестра Бетти что-то говорила ей на ухо, и указала в направлении Ландерса. Музыка прекратилась, и диск-жокей объяснил клиентам, что к девочкам запрещено прикасаться. Эрлин заметила Ландерса и направилась прямо к нему.

— Красавчик, ты здесь, чтобы арестовать меня? — спросила она, подойдя к столу. — Или просто плохой мальчик, который ищет развлечений?

— Помнишь человека, о котором я спрашивал тебя? Мертвый парень, которого здесь не было? Вчера вечером он снял деньги из банкомата, расположенного там в фойе.

— Ну, дорогой, наверное, я его каким-то образом пропустила.

— Я не твой дорогой. Меня зовут Ландерс. Специальный агент Ландерс. И очень скоро ты поймешь, как я ненавижу сук, которые мне врут. — Ландерс достал свой мобильный телефон и набрал Джимми Брауна. — Вы готовы?

— Все на месте. Сейчас мы находимся перед главным входом.

— Давайте.

В фойе раздался истошный крик, и дверь с шумом распахнулась. Офицеры спецназа в черном боевом снаряжении и касках ворвались в помещение. Они выглядели как «морские котики» с оружием в руках. Они начали кричать:

— Полиция! Всем лечь на пол! Все на пол!

Ландерс встал, вынул оружие и направил его в лицо Эрлин Барлоу.

— Это облава, — сказал он. — Подними руки и положи их на стену. Не двигайся, пока я не скажу.

Выражение ее лица было бесценным.

26 апреля

11:00

Через две недели после моего дня рождения, я закончил слушание по делу о наркотиках в федеральном суде Гринвилля и уже сел за руль, чтобы вернуться в Джонсон-Сити, когда посмотрел на свой мобильный телефон и увидел текстовое сообщение от Кэролайн: *«Позвони мне. Срочно»*.

Два года назад, когда мы приняли решение, что я перестану заниматься юридической практикой, Кэролайн начала работать в качестве моего секретаря и помощника. Так как я стал брать меньше дел, то мне было необходимо сократить расходы. Так как занятия по танцам, которые преподавала Кэролайн в ее танцевальной студии, проводились по вечерам, то она сама предложила взять на себя эту работу. Когда договор аренды на офис в центре города истек, то я помог своему секретарю найти работу в другой юридической фирме и перевез все необходимое в свой дом. Это решение сэкономило мне почти шестьдесят тысяч долларов в год, а Кэролайн прошла онлайн-курс и получила удостоверение помощника адвоката. Она оказалась способной ученицей. Я все еще арендовал в центре небольшой конференц-зал для консультаций, где встречался с клиентами, но это обходилось мне всего в двести долларов в месяц.

— Что случилось? — спросил я, когда Кэролайн ответила мне на звонок.

— Это может оказаться, как хорошей новостью, так и не очень, — ответила она. — Рано утром звонила какая-то женщина, которая представилась Эрлин Барлоу. Она была в

бешенстве. Сказала, что полиция ворвалась к ней в дом, и они арестовали ее молодую подругу за убийство, и что ей необходимо нанять адвоката. Она не переставала уверять, что девушка не могла этого совершить.

— Конечно.

— Она хочет встретиться с тобой. Прошло много времени с тех пор, как тебя нанимало частное лицо по делу об убийстве.

— Мать Билли Докери наняла меня.

Я никому не говорил о признании Билли Докери. Даже Кэролайн.

— Ты хорошо заработал на не этом деле? Помнишь?

— Пятьдесят тысяч.

— Нам они пригодятся.

— Я думал, что у нас все хорошо в финансовом плане.

— Это так, но дело об убийстве? Это может принести хорошие деньги, дорогой. Речь идет об убийстве проповедника. Тот, которого нашли в номере мотеля.

— Кэролайн, я не хочу братья за дело об убийстве, независимо от того громкое оно или нет, так как оно может затянуться на несколько лет.

— Вот поэтому я не внесла ее в расписание, — в голосе Кэролайн звучало разочарование.

Я раздумывал несколько минут над этим, взвешивая все «за и «против». Любопытство, наконец, взяло вверх.

— Какого черта, я не сломаюсь, если, поговорю с ней. Позвони ей, и пригласи на встречу в центр города на час.

У меня заняло час, чтобы вернуться в Джонсон-Сити. Я съел обед в кафе расположенного в двух кварталах от моего конференц-зала, и вошел в дверь где-то около без десяти минут первого. Женщина уже сидела там за столом и ждала меня. Когда я вошел, она встала. Единственное, что я мог сделать, это попытаться не показать своего удивления. Она была одета в обтягивающие черные брюки из спандекса и топ черно-оранжевой тигровой расцветки, через который можно было довольно легко увидеть соски большого бюста. У ее волос был красный оттенок, который я никогда не видел раньше, в том числе и на голове у женщин.

— Джо Диллард, — представился я и пожал ей руку.

Ее ногти были, по крайней мере, два сантиметра длиной и окрашены в тон ее одежды.

— Эрлин Барлоу. Ты в жизни выглядишь даже лучше, чем по телевизору.

Она улыбнулась, и когда я посмотрел ей в глаза, то обнаружил, что, несмотря на шокирующий наряд, она была привлекательной женщиной. Я указал на стул.

— Миссис Барлоу, чем я могу вам помочь?

— О, дорогой, у меня самая кошмарная проблема. Просто ужасная. Очень близкая мне молодая подруга была арестована за преступление, которого не совершала.

— Близкая подруга?

— Скорее, почти дочь. Я вроде как присматриваю за ней примерно с месяц.

— Миссис Барлоу, давайте начнем с самого начала. Расскажите мне все, что вы считаете нужным, чтобы я знал.

— Пожалуйста, сладкий, зови меня Эрлин. Думаю, я должна начать с того, что у меня есть мужской клуб «Мышиный хвост». Мы владели им с мужем, но он умер в прошлом году, и теперь им руковожу я. Я не думаю, что видела тебя там.

Я рассмеялся.

— Не имел удовольствия, но много слышал о нем.

— Меня это не удивляет. У нас на протяжении многих лет приходят и уходят несколько адвокатов, а также парочка судей.

Каких судей? Хотел я спросить у нее, но потом решил, что не хочу этого знать. Меня не волновало то, что они делали. В скором времени я собираюсь закончить со всем этим и буду двигаться дальше.

— Расскажите о своей подруге.

— Ты слышал, что они произвели арест в связи с убийством пастора из Ньюпорта? Того, которого зарезали?

— Я думаю, все слышали.

— Она не делала этого, мистер Диллард. Я готова поклясться на стопке Библий. Я хочу нанять тебя для ее защиты.

— Откуда вы знаете, что она этого не делала.

— Потому что я была с ней всю ночь. Я отвезла ее домой из клуба после окончания смены. Она живет у меня, и она никуда не выходила. Она не могла этого сделать. А, кроме того, она самая милая и добрая маленькая штучка, которую я когда-либо встречала. Она даже мухи не обидит, не говоря уже о том, чтобы убить человека.

У Эрлин Барлоу был почти завораживающий южный протяжный и сладкий тип очарования. Тот факт, что она была простая на вид, даже в этой дикой одежде, делал беседу еще более приятной. Несколько раз у меня возникало ощущение, что у Эрлин есть больше того, чем она хотела мне показать, возможно, опасность, которая действительно заинтриговала бы меня.

Через полчаса я просмотрел свои записи. Она сообщила, что взяла Энджел Кристиан арестованную девушку, в свой дом после того, как та прибыла сюда на автобусе вместе с другой девушкой, танцовщицей по имени Джули Хейс, чуть больше месяца назад. Она отметила, что Энджел напомнила ей красивую молодую дочь ее покойного мужа, которая погибла в автомобильной аварии. У меня сложилось впечатление, что она убедила себя в том, что Энджел была реинкарнацией дочери. Она рассказала, что Энджел пострадала от серьезного насилия в семье и убежала из дома. Она упоминала что-то про ее руки.

Меня, мягко говоря, немного беспокоило несколько вещей в этой ситуации. Эрлин сообщила мне, что она изначально ввела в заблуждение агента ТБР по имени Фил Ландерс. Я знал Ландерса, и мне было плевать на него. Она сказала, что Энджел Кристиан не настоящее имя девушки. Она призналась, что полиция получила ордер на изъятие образца волос у Энджел, или как там ее звали, и у Эрлин. Это означало, что, вероятно, ДНК-тест будет участвовать в качестве доказательства, и эти тесты почти всегда имели катастрофические последствия для обвиняемого. У полиции, по всей видимости, имелись свидетели или другие доказательства, в противном случае они не смогли бы получить ордер. Она также сказала, что полиция разыскивает пропавший корвет.

Но она была убеждена в невиновности девушки, и если она говорит правду, то вряд ли у Энджел был мотив или возможность совершить убийство. Мне очень хотелось, но не настолько сильным было искушение взять на себя дело об убийстве, которое, вероятнее всего, дойдет до суда. Я не собирался больше тратить ее время, но и не хотел так прямо отказать, поэтому решил поднять планку настолько высоко, что у нее не будет возможности или желания, чтобы ее перепрыгнуть.

— Эрлин, вы хоть представляете, сколько будет стоить нанять меня в качестве защитника на такой случай, как этот? Умышленное убийство. По радио я слышал что-то о смертной казни, вы же знаете, и дело, скорее всего, дойдет до суда.

— Мистер Диллард, мой муж хорошо меня обеспечил, и пока был жив и после своей смерти. Деньги меня не волнуют.

Ей не следовало этого говорить, так как сумма, которую я держал в своей голове, сразу увеличилась в два раза.

— Я буду с вами откровенен, мэм, — сказал я. — Я планирую уйти из этого бизнеса в ближайший год. Если я возьмусь за это дело, это будет означать, что мне, вероятно, придется оставаться адвокатом гораздо дольше, чем я хотел бы.

— Пожалуйста, мистер Диллард, я заплачу столько, сколько захочешь. Ты самый лучший адвокат здесь. В течение многих лет я читала и слушала истории о тебе. Несколько лет назад ты даже защищал некоторых из моих девочек по разным мелочам, и все они очень высокого мнения о тебе. Я не хочу, чтобы кто-то другой защищал мою милую Энджел. Почему бы тебе не посмотреть на это как на последнюю лебединую песню? Ты можешь уйти с большим шумом.

Я сделал глубокий вдох.

— Вы знаете эту девушку чуть больше месяца, и говорите мне, что готовы отдать четверть миллиона долларов на ее защиту?

Она даже глазом не моргнула.

— Энджел никого не убивала, мистер Диллард. Я клянусь. Я сделаю все, что необходимо.

— Хорошо, вот условия, при которых я возьмусь за это. Двести пятьдесят тысяч наличными, авансом, и без возврата какой-либо части денег. Это мой гонорар. Кроме того, вы должны оплатить расходы. Нам будет нужен следователь, и, возможно, понадобится нанять экспертов. А они не из дешевых.

— Знаешь что, дорогой, — прервала она меня, — почему бы тебе не сходить в тюрьму и не встретиться с Энджел. Когда закончишь, позвонишь мне, а я приготовлю для тебя деньги.

26 апреля

15:00

По дороге в тюрьму я всерьез задумался о том, стоит ли мне браться за это дело. Я решил выйти из игры, и время пришло. Лили выпускается через месяц, и мне осталось закончить только пару дел. Но деньги ... Боже мой! Четверть миллиона? Неужели она заплатит? Эти деньги обеспечат Кэролайн и мне немного душевного спокойствия. Я решил подождать и принять решение после того, как поговорю с девушкой.

Как только дверь в комнату адвоката открылась, я понял, что Эрлин Барлоу сказала правду, хотя бы в одном. Девушка была красивой. Я встал, в то время как два охранника поддерживали ее за локти, когда она шагнула в помещение в кандалах на лодыжках. Они помогли ей сесть в кресло, как будто она села пообедать, а затем вышли за дверь. На мгновение я задумался, что они могли ей поклоняться. Дверь закрылась, и я снова сел.

— Ну, я никогда не видел ничего подобного, — начал я.

Она рассеянно улыбнулась.

— Охранники обычно не вежливы с заключенными независимо от пола. Я никогда не

замечал, чтобы надзиратель помогал заключенному сесть.

Ее волосы были цвета полированного красного дерева и спадали, как горный водопад, чуть ниже плеч. Ее нос был маленьким, тонким и слегка вздернутым. Ее миндалевидные глаза были насыщенного коричневого цвета. Ее левая бровь была немного выше, чем правая, придавая ее лицу выражение постоянного интереса или легкого недоумения. Губы ее были полными и слегка выпирающими, и даже под стандартным оранжевым тюремным комбинезоном было видно, что у нее идеальное тело.

— Меня зовут Джо Диллард, — продолжил я. — Я — адвокат. Эрлин Барлоу попросила меня приехать и поговорить с вами.

— Я Энджел, — ответила она. — Энджел Кристиан.

Ее голос был нежным сопрано.

— Мисс Кристиан, вы понимаете, почему находитесь здесь?

— Да, — короткая пауза. — Меня обвиняют в убийстве.

Она облокотилась на стол и начала тихо плакать. Я видел сотни рыдающих клиентов. Мужчин и женщин. Меня давно закалили слезы и сопровождающие их звуки, но плач этой красивой молодой девушки тронул меня. Я встал и постучал в дверь. Охранник сразу же открыл ее.

— Ребята, не найдется ли у вас какого-нибудь платка? — спросил я.

Охранник посмотрел мне через плечо на Энджел, затем взглянул исподлобья на меня.

— Что ты с ней сделал?

— Ничего. Есть ли у вас носовой платок или нет?

— Подождите, я найду что-нибудь.

Он ненадолго исчез и вскоре вернулся с рулоном туалетной бумаги, передал его мне, все еще хмурясь. Я закрыл дверь и вручил его Энджел.

— Боюсь, это лучшее, что смогли найти.

— Спасибо, — ответила она. — Мне жаль, что я расплакалась.

— Не волнуйтесь. Я часто вижу такие вещи.

— Не могу поверить, — сказала она сквозь рыдания. — Я должна оставаться здесь? Не могу ли я вернуться домой к мисс Эрлин?

— Мне очень жаль, но вам придется остаться здесь на некоторое время. Вы хотите поговорить о том, что случилось.

— Ничего не произошло, — она всхлипнула и высморкалась.

— Вы хотите сказать, что не имеете ничего общего с убийством преподобного Тестера?

— Я не убивала его. Я ничего не сделала ему.

— Вы его знали?

— Я никогда его не видела до того момента, когда он пришел в клуб в тот вечер. Я работала официанткой, и обслуживала, в том числе и его столик.

— Расскажите мне об этом.

Она прикусила нижнюю губу и собралась с мыслями.

— Он заказал двойной виски со льдом. С самого начала он начал заигрывать со мной. Пару раз он кричал мне со своего места, пока я была в баре, закатывая сцены. Затем, когда он опьянел, то начал цитировать Библию и вести себя очень странно. Каждый раз, когда я оказывалась рядом с ним, он пытался случайно задеть меня. Под конец, он попытался поцеловать и предложил мне уйти с ним. Тогда мисс Эрлин и Ронни подошли и попросили его уйти.

— И это все? Вы не видели его больше после того, как он ушел, и он был жив и здоров, когда вышел через дверь?

— Вот именно, я клянусь. Они сказали ему уйти, и я больше его не видела. Несколько дней спустя толпа полицейских пришли в дом мисс Эрлин. Она сказала мне не разговаривать ни с кем из них, и я послушалась, но у них была одна бумажка, в которой говорилось, что я должна дать ему несколько волосинок из моих волос. Они перевернули вверх дном дом мисс Эрлин. Этим утром они вернулись, посадили меня в машину и привезли сюда.

Пока она говорила, что-то не оставляло меня в покое. Мне потребовалось несколько минут, чтобы осознать, что это было, и когда я понял, то смог только удивиться. Напротив меня сидела одна из самых красивых молодых женщин, которых я когда-либо видел с таким сексуальным телом, что при нормальных обстоятельствах я бы или возбудился, или, по крайней мере, был бы рассеянным. Но, несмотря на удивительный внешний вид, Энджел не излучала даже намека на сексуальность. Разговор с ней был похож на то, как будто разговариваешь со своим ребенком.

— Задавал ли вопросы офицер полиции, когда арестовал вас? — спросил я.

— Он попытался после того, как нас привезли сюда. Он отвел меня в такую же комнату, как эта. Но мисс Эрлин сказала мне ничего ему не говорить, поэтому я молчала. Я думаю, что он немного разозлился на меня.

Либо Энджел и Эрлин были двумя лучшими лгуньями, которых я когда-либо встречал, либо полиция совершила огромную ошибку. Мне не нравился агент Ландерс, так как он был нечестным бабником, у которого было эго размером с небоскреб, но ТБР считалось лучшей следственной службой. Трудно было поверить, что они арестовали человека по обвинению в умышленном убийстве без веских доказательств.

— Мисс Кристиан, были ли у вас какие-нибудь проблемы с законом? Вас когда-нибудь арестовывали за что-нибудь?

— Нет.

— Даже штрафов за вождение?

— Я даже не умею водить машину.

Она снова начала всхлипывать. Энджел казалась абсолютно беспомощной и неспособной на насилие. Мое сердце сочувствовало ей, и я спрашивал себя, почему. Зачем ей убивать какого-то незнакомца? Что могло произойти, чтобы превратить эту молодую девушку в убийцу?

И пока я сидел и задавался вопросом, она отвела блестящие от слез глаза от куска туалетной бумаги и взглянула на меня, сказав:

— Помогите мне, мистер Диллард. Пожалуйста.

Вдруг я услышал голос, который не был ее. Голос из прошлого, голос беззащитной маленькой девочки... «Убери его от меня, Джо. Он делает мне больно».

Я посмотрел на нее и кивнул.

— Хорошо, Мисс Кристиан, — сказал я. — Я помогу. Теперь у вас есть адвокат.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

26 апреля

17:05

Когда я позвонил Эрлин Барлоу и сказал, что берусь за это дело, она попросила меня встретиться с ней на стоянке позади клуба. Я никогда не был в этом месте раньше, но проезжал мимо него сотни раз. Я прибыл как раз после пяти вечера и припарковался рядом с черным БМВ. День выдался прекрасный, небо ясное и температура — не более двадцати градусов. Солнце клонилось на запад к закату, но когда я посмотрел на северо-восток, то заметил, что там собираются огромные черные тучи, ползущие по вершинам гор. Я опустил окно и почувствовал, что в воздухе пахнет дождем.

Пять минут спустя Эрлин вышла через заднюю дверь клуба, неся спортивную сумку. Она переоделась в комбинезон с расцветкой под зебру, который облегал ее настолько плотно, что можно было разглядеть каждую складку на ее теле. Она осторожно ступала на своих каблуках по гравию, поглядывая при этом направо и налево, и остановилась у окна моей машины, затем наклонилась и бросила сумку мне на колени.

— Все в порядке? — спросил я. — Вы выглядите немного нервной.

— Эти типы из ТБР следят за мной уже неделю. Это заставляет меня нервничать. Деньги в сумке, сладкий. Как Энджел?

— Напугана.

— Бедная. Прямо не могу вынести мысли, что она заперта в этом ужасном месте. Ты должен пообещать мне, что вытацишь ее оттуда.

— Сделаю все возможное.

— Наверное, будет лучше, если ты уйдешь сейчас. Нужно доставить деньги в безопасное место. Мы поговорим позже.

Она послала мне воздушный поцелуй, и я отъехал. Когда я вел автомобиль по дороге, то начал думать о том, что же я вез. В прошлом я получал большие гонорары от людей, обвиняемых в торговле наркотиками, но среди сумм не было ни одной, которая даже немного приблизилась бы к четверти миллиона. Я продолжал посматривать в зеркало заднего вида, чтобы убедиться, что никто за мной не следил. Если Ландерс знал, что происходит, то мог придумать причину, чтобы остановить меня для обыска моего автомобиля и изъять деньги.

Примерно в полутора километрах от дома я остановился на парковке небольшого торгового центра, запер пикап и вошел в винный магазин, чтобы купить бутылку хорошего шампанского. Я не мог отвести взгляд от пикапа все то время, пока находился в магазине. После того, как расплатился, я поехал в сторону дома и повернул на грунтовую дорогу, которая вела через лес к моему дому. Я хотел пересчитать деньги сейчас, зная, что когда подъеду к дому, Рио поднимет такой шум, что Кэролайн обязательно выйдет посмотреть. В то время, пока солнце клонилось к горизонту слева от меня, я начал считать. Пятьдесят пачек стодолларовых купюр по пятьдесят в каждой пачке. У меня это занятие заняло почти час, но все деньги были на месте. Я не мог в это поверить. Я переложил их в свою собственную спортивную сумку и поехал домой.

Кэролайн была на кухне, разгружая посудомоечную машину. Я подошел к ней сзади и поцеловал за ушком.

— Привет, дорогой — сказала она. — Описал ли Рио твою обувь?

— Сегодня я был быстрее его.

— Ты не звонил весь день. Как прошла встреча с мисс Барлоу?

Кэролайн звонила, но я не стал ей перезванивать. Сначала не был уверен, что возьмусь

за дело Энджел, а потом побоялся, что не удержусь и все расскажу ей. Теперь же я поставил бутылку шампанского на кухонный стол, и спросил:

— Где Лили?

Кэролайн посмотрела на меня лукаво.

— На репетиции. Мама заберет ее и накормит. Она не приедет в ближайшие пару часов.

— Сара?

— Друг забрал ее, чтобы отправиться на встречу анонимных наркоманов.

— Хорошо. По крайней мере, она пытается.

Кэролайн посмотрела на шампанское.

— По какому поводу?

— Пойдем на веранду. Нам нужно поговорить.

— Буду через секунду.

Я взял два бокала под шампанское из шкафа, открыл бутылку и вышел на веранду. Я поставил бутылку и стаканы на стол и сунул сумку под него. Приближалась буря, и в воздухе посвежело, но у нас еще было немного времени. Только-только начинало темнеть. На юге Большая Медведица была еле видна, а приближающиеся облака освещала растущая луна. Отражение габаритных огней мелькали в озере, как светлячки. Понтон и катер двигались вверх и вниз по каналу в преддверии шторма.

Я зажег две масляные лампы, расположенные по обеим сторонам веранды и сел в тот момент, когда вышла Кэролайн. Она расположилась напротив меня. Я налил шампанского и пристально посмотрел на нее.

— Что? — спросила она.

— Я испытываю похоть, — ответил я. — Ничего не могу с этим поделать.

— Не сомневаюсь, что не можешь.

Когда она улыбалась определенным образом, то выше на ее левой щеке появлялась ямочка. Сейчас она улыбнулась именно так.

— Все прошло нормально, — начал я, — с мисс Барлоу.

— По телевизору я видела фотографию девушки. Она хорошенькая.

— И очень милая. Кроме того, есть большая вероятность, что она невиновна. Я сегодня говорил с ней.

Кэролайн ахнула.

— Ты общался с ней? Так вот где ты был весь день? Ты будешь ее защищать?

— Не думаю, что у меня есть выбор.

Глаза Кэролайн загорелись. Я точно знал, о чем она думает.

— Сколько? — спросила она.

— Как думаешь, сколько может стоить умышленное убийство и, возможно, смертный приговор, и, скорее всего, это мое последнее дело?

— Не знаю, — она потягивала шампанское и наклонилась ко мне. — Сколько?

— Угадай.

— Пятьдесят?

— Больше.

— Ух, ты, — сказала она. — Шестьдесят?

— Очень далеко. Бери больше.

— Прекрати, Джо. Семьдесят пять? Нет, ты выглядишь таким самодовольным. Не знаю, смогу ли я произнести это. Сто?

— Ты почти дошла до половины.

У нее отвисла челюсть.

— Ты же это не серьезно? — спросила она.

Не думаю, что она осознавала, что делала, когда подпрыгнула в своем кресле, как школьница.

— Очень серьезно. Ты на половине пути.

— До двухсот двадцати?

— Почти попала. Прибавь еще тридцать.

— Двести пятьдесят? — Она произнесла цифры, словно замороженная.

— Бинго! А что у нас есть для леди, которая угадывает сумму в двести пятьдесят тысяч долларов, дамы и господ?

Я наклонился, схватил сумку и бросил ее на стол.

Кэролайн сплюнула шампанское, которое только что глотнула.

— Это то, о чем я думаю...? Нет, это невозможно..., — она протянула руку и открыла сумку. — Джо! Это правда?

— Честное скаутское, — ответил я, держа руку на сердце.

Она начала подпрыгивать на крыльце, словно болельщица. Затем чуть ли не бегом обошла стол и обняла меня за шею так сильно, что едва не задушила.

— Немного сбавь обороты, Кэролайн. Я хочу пожить чуть подольше, чтобы иметь возможность их потратить.

Она остановилась как вкопанная, вернулась на свое место и сделала глубокий вдох.

— Я сейчас задохнусь. Или описаюсь. Расскажи мне, что произошло.

— Мне особо нечего поведать тебе. Женщина пришла, и мы немного поговорили, затем я отправился в тюрьму и пообщался некоторое время с девушкой. Кэролайн, я, правда, смог произнести эти слова. Я сказал ей: «Двести пятьдесят тысяч долларов наличными авансом», а она даже не вздрогнула. После того, как я побывал в тюрьме, я позвонил ей, и она заплатила мне.

— Хочу обцеловать все твое лицо прямо сейчас, — сказала Кэролайн. — хочу от тебя деток.

— У нас достаточно детей.

— О, Джо, невероятно. Это в значительной степени позволит уменьшить все наши тревоги.

— Это палка о двух концах, и ты это знаешь.

Она набросилась на меня прежде, чем я смог закончить свою речь, и стала целовать меня в лоб, губы, брови и уши.

— Мне нужно рассказать об этом кому-нибудь, — произнесла она, когда перестала целовать. — Где мой телефон? Я должна сообщить своей матери.

— Не делай этого, потому что зависнешь тогда на телефоне на час. Пей свое шампанское, давай просто понаслаждаемся им немного. У меня такое ощущение, будто мне предстоит отработать все эти деньги до последнего цента.

Я смотрел на нее, она сидела, усмехаясь, в мерцающем свете ламп. Кэролайн снова заглянула в сумку.

— Могу ли я прикоснуться к ним?

— Если хочешь. Теперь это твои деньги.

Она радовалась, как никогда ранее, и мне ничего не могло принести большего

удовлетворения.

— Джо, какое облегчение! Сейчас... что бы нам купить?

— О чем ты говоришь? Ты должна быть экономной. Нечего покупать. У нас есть все необходимое.

— Давай потратим совсем чуть-чуть. Мы должны что-нибудь купить.

— Нет, ничего не нужно.

— Наоборот, надо, — Ее глаза светились озорством. — Тогда мы должны куда-нибудь съездить.

— Нет.

— Когда процесс закончится, мы должны отправиться на Каймановы острова или куда-нибудь в другое место. Где ты хотел бы побывать. Перестань быть такой занудой.

— Может, подумаем о том, что мы будем делать с деньгами сегодня вечером?

— Я очень хорошо знаю, как мы поступим с ними. Мы будем спать с деньгами. Я не спущу с них глаз до завтрашнего утра, пока не положу их в нашу банковскую ячейку. Потом подумаю над тем, что такое можно с ними сделать. Расскажи мне о девушке. Какая она?

— Она ... славная, — сказала я. — Она кажется, по правде говоря, милым ребенком.

— Она такая же милая как я?

— Даже близко нет.

— Хороший ответ.

Она протянула пустой бокал, и я наполнил его. Потом она подняла его:

— Ура, красивым девушкам и их богатым друзьям.

— Ура, — ответил я и сделал большой глоток шампанского.

— Когда будет предъявлено обвинение?

— В понедельник. В девять часов в Джонсборо. Давай поговорим о чем-нибудь другом. Вечер прекрасен. Я при свечах сижу на веранде с видом на воду, и рядом со мной находится красивая и немного пьяная женщина. Я только что за один день заработал денег больше, чем другие зарабатывают за пять лет. Нарушение закона и убийства не кажутся мне подходящими темами для беседы.

— Ты прав, — Кэролайн встала из-за стола и протянула руку. — Пойдем со мной.

Она повела меня в спальню.

— Тяжелая, — сказала она, кивнув на сумку в руке. — Приятная тяжесть.

После того, как мы вошли в комнату, она бросила сумку с деньгами в угол, толкнула меня на кровать и начала расстегивать блузку. Кэролайн — единственная женщина, с которой я спал. Мы были вместе так долго, что она точно знала, на какие кнопки нажимать.

И в течение следующего часа, она делала именно то, что нужно.

27 апреля

18:00

Агент Ландерс пробежал по пять километров в день, по крайней мере, пять дней в неделю. Он поддерживал форму, а кроме того, это помогало от последствий похмелья. На следующий день после ареста девушки, он делал пробежку по авеню Уотога в Джонсон-Сити, размышляя над тем, что он предпочел бы заняться сексом с малышкой, вместо того, чтобы арестовать ее. Мужик, она была горяча.

Кроме того, она была достаточно умна, чтобы не раскрывать рот. После того, как

Ландерс арестовал ее, он провел с ней целый час в комнате для допросов. Единственное, что она сказала, что хочет поговорить с адвокатом. За пару дней до ареста Дикон Бейкер, окружной прокурор, вызвал Ландерса к себе в офис. Бейкер был жирным и тупым, разыгрывающим благочестие лицемером, но каким-то образом ему удалось добиться избрания на пост, так что теперь он командовал парадом. Он сообщил Ландерсу, что на него оказывают давление с целью, чтобы арест был произведен. Сын жертвы являлся заместителем шерифа и капелланом в другом округе и звонил по три раза на день. Кроме того, у покойного имелась кузина, которая жила в округе Картер и являлась активисткой Республиканской группы женщин, и также звонила каждый день.

— Подумаешь — сказал Ландерс Дикону, — пусть звонят.

У Ландерса не было особо много доказательств. В ночь, когда они провели облаву в «Мышином хвосте», они опросили сорок человек. Девять из них оказались сотрудниками, остальные — клиенты. Только один человек сказал, что видел Тестера. Ей оказалась стриптизерша по имени Джули Хейс. Она сообщила, что Тестер появился около девяти, просидел почти до полуночи, и сильно напился. Она призналась, что он цитировал Писание в одну минуту, а в другую уже получал приватный танец, и что он проявлял особый интерес к официантке по имени Энджел Кристиан. Хейс сказала, что около половины двенадцатого проповедник и Эрлин Барлоу беседовали около пяти минут, после чего тот вышел в переднюю дверь, а Барлоу и Энджел прошли через заднюю. В ту ночь ни Барлоу, ни Энджел больше не вернулись в клуб. Она также сообщила, что до дня убийства проповедника Барлоу водила корвет красного цвета, а на следующий день она уже была за рулем черного БМВ.

Никто из оставшихся в ресторане сотрудников не сказал ничего, что Ландерс смог бы использовать, поэтому он задал себе вопрос, а говорила ли Джули правду. Возможно, по какой-то причине она затаила злобу на Барлоу или на девушку, а может на обеих сразу. Однако Ландерс записал ее показания, и она их подписала, сказав, что готова давать показания.

Криминалисты нашли на рубашке Тестера несколько волосков, поэтому Ландерс взял показания с Хейс и на этом основании добился ордера на обыск дома Эрлин Барлоу на следующий день. Он также убедил судью подписать распоряжение о том, что Эрлин Барлоу и Энджел Кристиан должны были предоставить ему образцы своих волос для исследования. В доме Барлоу не обнаружили ничего, даже ни одного порно-видео. Однако Ландерс заставил фотографироваться девушку, так как у нее был жуткий синяк на лице.

Не было никаких следов красного корвета. Ландерс пробил имя Эрлин Барлоу по всем базам данным ТБР. Ни один корвет не был зарегистрирован на ее имя.

Через несколько дней ему позвонили из лаборатории. Два образца волос, обнаруженных на рубашке Тестера, принадлежали девушке. Это было самое серьезное доказательство, которое у них имелось, а насколько Ландерс мог судить, этого было недостаточно. Из лаборатории также сообщили, что в крови проповедника было обнаружено наркотическое вещество, которое используют при изнасилованиях, — Гамма-гидроксибутират (ГНВ), известное в народе как «земляк из Джорджии». Тот, кто убил его, до этого дал ему наркотик. Общеизвестно, что в любом стриптиз-баре, как правило, можно достать наркотики, но Ландерс не мог доказать, что препарат, обнаруженный в теле проповедника, был из «Мышиного хвоста».

Поэтому, когда Ландерс вошел в офис прокурора, он изложил состояние дела Дикону Бейкеру. Поведал о двух свидетелях: стриптизерше, которая могла иметь зуб, и портье в

мотеле, который видел корвет, прибывший после Тестера около полуночи, и, возможно, видевший, как женщина поднималась по лестнице в его номер. Все остальные сотрудники клуба отрицали, что видели Тестера там, или, по крайней мере, сказали, что не заметили его. Но он определенно снял деньги в банкомате в баре вскоре после одиннадцати тридцати. Эрлин Барлоу солгала. Ландерс был уверен в этом, и остальные, вероятно, так же лгали. У него было совпадение ДНК с Кристиан, жуткий синяк на ее лице, сморщенный пенис принадлежавший Тестеру (патологоанатом сказал, что он был отрезан после смерти). Не хватало только орудия убийства и автомобиля. Это все. Ах да, у них также был прекрасный образец жертвы. Проповедник в стриптиз-клубе. Присяжным это понравится.

— Позволь мне продолжить наблюдение за Эрлин Барлоу еще какое-то время,— предложил Ландерс. — Вдруг она совершит ошибку.

— Вот, как обстоят дела, Фил, — сказал Дикон. — Только между нами, ладно? Мне по барабану, что сын жертвы названивает и плевать на эту старую каргу из округа Картер. Так или иначе, мой секретарь общается с ними. Это не моя проблема. Однако, восемь лет назад, когда я баллотировался на пост окружного прокурора, мне пришлось конкурировать с действующим прокурором, и мне нужны были деньги, как толстому ребенку торт, и этот несчастный ублюдок, владелец «Мышиного хвоста», дал моему оппоненту пять тысяч наличными на его кампанию. А мне ни цента.

— И что?

— С тех пор у меня на него зуб. Ходили слухи, что Гас Барлоу промышляет наркотиками в клубе, но мы так и не смогли его поймать.

— Дикон, он же умер.

— Я знаю. Но его жена жива, не так ли?

— У нас нет никаких доказательств против нее.

Бейкер махнул рукой.

— Фил, ты же знаешь, как это бывает. У тебя имеются довольно сильные косвенные улики. Мы вынесем их на большое жюри присяжных, получим обвинительное заключение, и пойдем арестовывать девицу. Она, скорее всего, признается или начнет все сваливать на Барлоу. Если этого не произойдет, я подам прошение о смертной казни и этим плотно прижмем ее. Не беспокойтесь об этом. Иди, действуй дальше, потряси это дерево, и посмотри, что с него упадет. Черт возьми, в этом году будут проходить выборы. Если до августа я вытесню эту суку Барлоу из бизнеса, то это станет большим плюсом в глазах избирателей.

До августа. Год выборов. Вышвырнуть суку Барлоу из бизнеса. Ни одна из этих вещей не имела ничего общего с вопросом о смертной казни. Что на самом деле хотел сказать Дикон, так это то, что ему нужно, чтобы Ландерс кого-то арестовал. До тех пор, пока кого-то не посадили за убийство, не имело значения, виновата ли девушка. Не было никакого шанса предстать перед судом до выборов, и, если окажется, что она этого не совершала, ну так что ж, так тому и быть. По крайней мере, Дикон обеспечил бы себя едой за счет средств налогоплательщиков еще на восемь лет. Придурок. Он и его дерево.

Ландерс закончил пробежку и быстро принял душ. У него было свидание в восемь.

30 апреля

8:45

Я улыбнулся Тамми Льюис, красивой зеленоглазой блондинке с очень тонким чувством юмора и еще более острым язычком. Она работала секретарем окружного суда в течение двенадцати лет. Ее основной обязанностью было сидеть рядом с судьей Леонардом Грином во время судебных заседаний и заботиться о том, чтобы суд работал без сбоев. Уголовными делами занимались двое судей, чья юрисдикция распространялась на четыре округа, где проходила большая часть моей работы. Это были: Иван Грозный, как я называл Гласса, и Леонард Грин — танцующая машина. Я прозвал так Грина, потому что на рождественской вечеринке несколько лет назад он напился и начал танцевать на столе.

Дела распределялись по номерам. Нечетные числа отправлялись к Глассу, а четные — к Грину. На деле Энджел значит четный номер.

— Доброе утро, Тамми, — начал я. — Готовы к шоу?

— Что вы имеете в виду?

— Я представляю интересы Энджел Кристиан.

Тамми закатила глаза.

— Серьезно? Ну, что ж, вам повезло. Думаю, вопрос в том, готовы ли вы? Егс королевское высочество хочет заняться вашим клиентом в первую очередь. Около часа назад ее привезли из тюрьмы, и в настоящее время она находится в камере для подсудимых. В зале суда уже три телевизионные камеры, и, по меньшей мере, пять фотографов из газет. Полно репортеров. По крайней мере, вы получите бесплатную рекламу от этого дела.

При мысли о средствах массовой информации в зале суда у меня упало сердце. Перед камерами судья Грин всегда был весьма воинственным. Он часто заявлял, что избиратели хотят, чтобы судья был жестким по отношению к преступникам, и если средства массовой информации присутствовали в зале суда, он считал, что не должен разочаровывать избирателей.

Я прошел через кабинет секретаря суда и вышел в коридор, который шел параллельно залу суда. Когда я достиг двери, то остановился и заглянул внутрь. Судьи Грина еще не было на месте. С этим судьей у нас была издавна затянувшаяся история споров, а иногда наши препирательства становились откровенно угрожающими. Я думал, что он был напыщенным, мелочным и не слишком умным. Он же считал, что я — агрессивный неандерталец. Возможно, мы оба были отчасти правы.

Отделение для жюри было заполнено телевизионными камерами, фотоаппаратами из газет и репортерами. Они начали шептаться, как только увидели, что я вошел в дверь и сел за стол защиты. Шесть одетых в форму помощников шерифа округа Вашингтон расположились по углам зала. Присутствие шестерых предназначалось обычно для особо опасных подсудимых, а я, естественно, не думал, что Энджел подпадает под это определение. Галерея для зрителей была почти полной — около ста человек, большинство из них подсудимые и их семьи. Они будут ждать своей очереди, не жалуясь, надеясь предстать перед судом без публичности, после того как пресса соберет свои вещи и покинет зал.

Дикон Бейкер общался с телевизионным репортером из Бристоля вблизи присяжных. Бейкер редко появлялся в суде и еще реже участвовал в судебных разбирательствах, но никогда не упускал возможности проповедовать достоинства судебной системы и полиции в средствах массовой информации. Новый первый помощник Бейкера, Фрэнки Мартин умный, но еще неопытный малый, сидел за столом обвинения и рылся в файлах.

Ровно в 9:00 Уилки Бейнс, один из приставов уголовного суда, подошел к месту судьи Грина и повернулся лицом к толпе. Дверь офиса Грина открылась, и судья, казалось,

проскользнул в нее. Серебряные коротко стриженные волосы были идеально уложены, а его черная мантия развевалась за ним.

— Всем встать, — крикнул Бейнс своим голосом лучшего глашатая в городе. — Начинается заседание Уголовного суда округа Вашингтон. Председательствует distinguished судья Леонард П. Грин. Пожалуйста, сохраняйте тишину.

Судья Грин поднялся по ступенькам на свое место и сел в черное кожаное кресло с высокой спинкой, находящееся прямо под большим портретом умершего деда судьи Грина.

— Спасибо, заместитель шерифа Бейнс. Садитесь, пожалуйста.

И я вместе со всеми в зале послушно сел на место.

— Доброе утро, — поприветствовал всех судья Грин.

— Доброе утро, — ответили почти все в зале, как будто боялись, что будут последствия, если они промолчат.

— Первое дело, которое будет разбираться сегодня утром — это Штат Теннесси против Энджел Кристиан, — он повернулся к прокурору. — Я вижу, что окружной прокурор сегодня решил лично почтить нас своим присутствием. Чему обязаны такой чести?

Лицо Бейкера слегка покраснело, и он встал.

— Ваша честь, это серьезное дело. Я здесь, чтобы убедиться, что все пройдет хорошо.

— И полагаю, чтобы получить немного бесплатной рекламы. Выборы в этом же году.

Бейкер считал, что судья Грин был слишком мягким по отношению к сексуальным преступникам, но не заявлял об этом явно в присутствии местных СМИ. Кроме того, он также открыто и активно поддерживал противника судьи на последних выборах. Ему нравилось говорить, что он не стал бы мочиться на судью Грина, даже если бы тот был охвачен пламенем. В свою очередь, Грин не упускал возможности при каждом удобном случае притеснять и унижать Бейкера. Уже несколько раз я видел, что дело чуть ли не доходило до драки. Они действительно ненавидели друг друга.

— Не я приглашал прессу, — сказал Бейкер. — Думаю, что их присутствие здесь связано с первой поправкой (*прим.пер. В первой поправке Конституции США говорится о свободе слова и свободе прессы*).

— Может, и не вы их пригласили, но, наверное, у вас было много чего сказать по делу за последнюю неделю. Вас показывали по телевизору чаще, чем «Закон и порядок».

Бейкер опустил обратно в кресло. Он, то ли не хотел, то ли был не в состоянии спорить с судьей. Грин повернулся ко мне.

— Господин Диллард, что вы делаете за столом защиты?

— Представляю ответчика, судья.

Я знал, что он предпочитает «ваша честь».

— Она наняла вас?

Вопрос был глупый, и я боролся с искушением ответить на него должным образом.

— Да.

Судья Грин поднял брови, как будто хотел спросить меня: «сколько она тебе заплатила?». Потом повернулся к помощнику, который стоял ближе к двери, ведущей к камере для подсудимых, и рявкнул:

— Приведите обвиняемую.

Заместитель шерифа исчез в коридоре, а затем менее чем через минуту вернулся с Энджел. Кандалы на лодыжках вынуждали ее еле передвигать ноги. Вдруг все камеры направили на нее. В зале суда воцарилась полная тишина. За спинами заместителя шерифа и

Энджел вдруг оказались еще двое помощников и К.Д.Даунс, шериф округа Вашингтон. Все хотели поучаствовать в шоу.

Судебный пристав осторожно подвел Энджел к трибуне, расположенной перед присяжными и непосредственно прямо перед судьей.

Я заметил, что прежде чем отойти, он похлопал ее по плечу. Энджел выглядела усталой, напуганной, растерянной и очень красивой. Я подошел и встал с ней на подиум.

Грин повернулся к Тамми Льюис.

— Позвольте мне увидеть обвинительное заключение.

Она передала документ судье. Он изучал его в течение нескольких секунд, а затем передал его Уилки Бейнсу.

— Отдайте это мистеру Дилларду, и занесите в протокол, что адвокату ответчика была предоставлена копия обвинительного заключения. Мистер Диллард, вашему клиенту может быть предъявлено обвинение в умышленном убийстве и надругательстве над трупом. Вы отказываетесь от формального зачитывания обвинительного заключения?

— Да, судья.

— Каким же будет заявление вашего клиента?

— Невиновна.

— Очень хорошо, — судья посмотрел на Дикона Бейкера. — Полагаю, что вы просите смертную казнь, не так ли, господин Бейкер?

— Да, ваша честь. Сегодня утром я подал его.

По количеству ножевых ран дело, скорее всего, тянуло на убийство при смягчающих обстоятельствах в лучшем случае. Безусловно, это преступление выглядело как убийство в состоянии аффекта. Но Бейкер подписывал смертные приговоры, как продуктовые магазины раздают купоны. На самом деле, он хотел смертной казни для всех обвиняемых в убийстве. Он делал это потому, что это давало ему главный инструмент для обмена и торга. Бейкер был известен своим предложением отозвать требование о смертной казни в обмен на признание вины перед судом независимо от того, насколько серьезно было убийство.

— Есть какие-то предположения? — спросил судья.

— Мы хотели бы ускоренный судебный процесс, — заявил я. — Мисс Кристиан находится в заключении без права выхода под залог. Поскольку она обвиняется в преступлении, и так как она не из этих мест и не имеет здесь никаких связей, мне бы не хотелось напрасно тратить время, прося вас об освобождении под залог. Но она настаивает на своей невиновности и хочет, чтобы суд начался как можно скорее. Я думаю, что буду готов к суду через три месяца.

Бейкер вскочил.

— Ваша честь, Штат никоим образом не сможет подготовиться ранее, чем через девять месяцев. Я думаю, вы должны это понимать. Эта смерть —

Я прервал его.

— Судья, я не хотел углубляться в это, но поскольку мистер Бейкер выступает против ускоренного процесса, я думаю, что есть кое-какие вещи, о которых вы должны быть проинформированы. Как вы знаете, я уже давно занимаюсь защитой, но у меня никогда не была дела, похожего на это. Полиция и окружной прокурор позволили всем узнать, что жертвой в данном деле являлся проповедник. Но они никому не сообщили, что свою последнюю ночь на земле он провел, напиваясь в стриптиз-клубе. Никто не знает, где он провел время между тем, когда покинул клуб, и временем, когда был убит. Этот случай не из

тех, когда полиция сразу находит убийцу. Моя клиентка клянется, что не видела убитого после того, как тот покинул клуб. Она клянется, что не убивала его, и ей незачем ждать почти целый год, прежде чем суд присяжных будет рассматривать это дело.

— Протестую! — закричал Бейкер. — Мистер Диллард использует эту возможность чтобы сделать дело сенсационным, и тем самым повлиять на потенциальных присяжных.

Именно это я и собирался сделать, но не стал бы в этом признаваться.

— Все, что я делаю, — продолжил я, — это прошу вас рассмотреть этот случай в суде как можно быстрее, так как невинная молодая девушка не должна остаться в тюрьме дольше, чем это необходимо.

Судья Грин размышлял несколько минут, а затем посмотрел вниз на Бейкера.

— Мистер Бейкер, Бог создал землю и небо за шесть дней. Безусловно, вы сможете подготовиться к судебному разбирательству за девять дней. Если вы не были готовы возбудить дело против нее, то не должны были предъявлять ей обвинения. Сколько времени вам нужно, чтобы представить дело в суд?

— Может быть, неделю, — ответил я.

— Планируйте на 24 июля. Это немного меньше, чем три месяца, начиная с сегодняшнего дня. Мистер Диллард, поскольку вы единственный, кто просил об ускоренном судебном разбирательстве, я надеюсь, что не увижу вас здесь с просьбой о продлении срока. Мы вышлем вам постановление в отношении графика досудебных слушаний, результаты экспертных заключений и установленных сроков, а также сроков подачи ходатайств и жалоб. Что-нибудь еще?

— Нет, судья, только не со стороны защиты, — произнес я.

Дата была назначена на ту же неделю, когда мы планировали пойти на матч «Смелых», но я не сказал ничего. Это не имело значения. Слушания за десять дней до выборов 3-го августа. Это был не такой уж тонкий способ судьи Грина оказания давления на Дикона.

— Мисс Кристиан, — сказал судья, — 24 июля вас доставят из тюрьмы, и вы получите справедливое судебное разбирательство. Вы должны позаботиться, чтобы на вас была гражданская одежда. Я не позволю жюри думать, что вас в чем-то ограничивают. Тогда до встречи, если у вас нет предложений, или вы решили изменить свое заявление.

Судебный пристав взял Энджел за руку и повел к двери. Я последовал за ними. Прямо перед тем, как мы достигли двери, я заметил человека, быстро шагающего в сторону барьера, отделявшего юристов от галерки. Он был высокого роста, примерно метр восемьдесят, и носил синий костюм из полиэстера. Я видел фотографии Джона Пола Тестера в газетах, и этот парень выглядел, как его молодая копия. Волосы были короче и темнее, но он уже отрастил пузо и носил такие же бакенбарды. Тестер указал на Энджел.

— Огонь возгорелся от гнева моего и пылает до глубин ада преисподнего! (*прим.пер. Библия. Второзаконие, глава 32, стих 22*), — прокричал он.

Все замерли от силы его глубокого голоса. Я встал между ним и Энджел, скорее впечатленный, чем напуганный.

— И поедает огонь землю и плоды ее, и опалает уже подножия гор! Изнурят их муки голода, будут истреблены горячкою и лютою заразою. Обращу зубы зверей против них и яд змей, ползающих по земле. Ты забрала жизнь моего отца, Иезавель, и я клянусь отомстить тебе!

Я сделал пару шагов назад. Приставы уже медленно приближались. Они были осторожны и, очевидно, напуганы. Глаза Тестера были такими же синими, как яйца

малиновки, и потемнели от ярости.

— А ты, фарисей! — продолжил он, переключая свое внимание на меня.

Его голос отдавался эхом от стен, и я заметил, как вены вздулись на его шее. Он шагнул через барьер и толкнул меня своим брюшком. Он был так близко, что я мог чувствовать его дыхания.

— Как ты смеешь хулить моего отца! Клянусь, ты заплатишь за это!

Я толкнул его в грудь. Он попятился назад, и в этот момент голос судьи Грина прорвался через этот хаос:

— Приставы! Арестуйте этого человека!

— Она убила моего отца! — кричал он, пока боролся с судебными приставами. — Иезавель убила моего отца!

Истерично рыдавшую Энджел быстро провели в комнату для присяжных, находящуюся рядом с залом суда. Я догнал ее и осторожно взял за плечи.

— Я не убивала его! — ее плечи дернулись. — Пожалуйста, скажите этому человеку, что я не убивала его отца.

— Я передам, — произнес я, зная, что даже близко не подойду к нему. — Не беспокойся об этом. Такое случается. Люди расстроены. Просто попытайся успокоиться. Через пару дней я приду в тюрьму, чтобы увидеть тебя.

Судебные приставы увели ее, и я вернулся в зал суда. Теперь мужчина уже был в наручниках и стоял напротив судьи Грина с опущенной головой, глядя вниз на свою обувь. Судья, по-видимому, только что закончил читать ему нотацию.

— Я понимаю бурю чувств, которые вы испытываете, — сказал судья Грин, — но вы, будучи капелланом и помощником шерифа, должны понимать, что мы не можем терпеть такое поведение в суде. Теперь идите, но впредь не грешите в моем зале суда. Слушание закрыто.

Сын Тестера — капеллан и помощник шерифа? Все надежды, которые были у меня по поводу того, что офис окружного прокурора будет действовать разумно, испарились.

Как только Грин скрылся в свои покои, я оглядел зал суда. Эрлин Барлоу сидела в последнем ряду. Я жестом пригласил ее встретиться со мной в коридоре.

Сегодня она была одета в черный брючный костюм, и ее макияж подходил для зала суда. Если бы я не знал лучше, то мог бы принять ее за адвоката.

— Теперь, когда мы закончили с предъявлением обвинения, я сделал кое-какое открытие, — сказал я. — Почему бы вам не прийти в офис около четырех, и мы посмотрим на то, что у них есть.

— Я буду там, сладкий.

Пока мы стояли вместе, я посмотрел в зал и увидел, что сын Тестера, прислонившись к стене, глядит в мою сторону. Его взгляд нельзя было спутать ни с чем. Это была чистая ненависть.

26 апреля

16:00

Перед тем как вся семья Эрлин Барлоу отвергла ее из-за побега с Гасом, бабушка научила Эрлин пунктуальности. Бабуля говорила ей, что опоздание говорит о плохом воспитании, а людям с плохими манерами не хватает характера. Эрлин не хотела, чтобы

Диллард подумал, что ей не хватает характера, поэтому прибыла в его кабинет за десять минут до назначенного часа.

Как и Гас, Джо Диллард был крупным, сильным и красивым мужчиной. Если бы Эрлин была помоложе и не так предана Гасу, то могла бы всерьез задуматься над тем, как соблазнить мистера Дилларда. Он носил темные костюмы, цветные рубашки, однотонные галстуки, красивые туфли. Его волосы были черны, как смоль, и волнистые, то здесь, то там виднелись седые волоски. Глаза его были зеленые и на щеках имелись милые ямочки, которые Эрлин заметила. Кроме того, он хорошо говорил, и, очевидно, был умным человеком. Эрлин подумала, что он запросил немного завышенный гонорар за защиту Энджел, но если он ее вытащит, то это будет стоить каждого цента. Кроме того, эта плата не могла разорить Эрлин и отправить ее побираться. Если бы мистер Диллард знал, сколько денег у нее есть, то запросил бы вдвое больше. Гас заработал большие суммы сверх того, что он сделал на стрип-клубах, покупая и продавая различные вещи. Кроме того, он был застрахован, и когда умер, то адвокат сообщил Эрлин, что она богата как Джед Клампетт (*прим.пер. Вымышленный персонаж — нефтяной магнат Джед Клампетт (JedClampett) и телешоу The Beverly Hillbillie с состоянием \$9,5 млрд.*).

Мистер Диллард показал ей, куда она может присесть. По всему столу были разбросаны бумаги.

— Говорили ли вы с Энджел? — спросил он.

— Она позвонила мне некоторое время назад. Бедный ребенок напуган до смерти. Тот инцидент в зале суда еще добавил.

— Тестер — младший оказался жутким типом. Вы видели, как он посмотрел на меня в коридоре. Это выглядело так, будто он хотел перерезать мне горло. Вот почему мы пошли по задней лестнице.

Может быть, мистер Диллард и страшился его, но Эрлин он не напугал. Она никого не боялась. Если за эти тридцать лет она что-то и узнала о бизнесе развлечений для взрослых, так это то, как надо обращаться с мужчинами. Она знала, как заставить их чувствовать себя хорошо и как страдать.

Знала она и как справиться и с проповедниками. Когда они с Гасом впервые приехали на север Теннесси, все проповедники ополчились против них и не позволяли им открыть бизнес: оказывали влияние на местных предпринимателей, организовывали митинги, выступали в новостях. Они делали все возможное, чтобы дискредитировать Эрлин и Гаса. Но так как они уже сталкивались с таким уже раньше, то наняли хороших адвокатов. Это обошлось им порядка тридцати тысяч долларов на оплату юридических услуг, плюс еще двадцать тысяч в виде взяток. Потребовалось около года, но, наконец, лицензия и все необходимые разрешения были получены. Затем, как только они построили здание, черт подери, кто-то сжег его. Они выстроили еще одно и наблюдали за тем, как и оно исчезает в огне. Однако во второй раз у Гаса были установлены скрытые камеры видеонаблюдения по всему периметру территории. Оказалось, что человек, который поджег здание, являлся проповедником. Его звали Гастингс. Он отправился в тюрьму. После этого их оставили в покое, но это не изменило ее мнения по поводу проповедников. Они были, черт побери, сборищем мерзких лицемеров.

— Эрлин, — начал мистер Диллард, — я провел весь день, чтобы изучить открытые материалы. Теперь я знаю все, что у них имеется. Есть несколько вещей, о которых я хочу поговорить. Есть ли у вас красный корвет?

Черт! Почему он должен быть настолько тупым?

— Прошу прощения?

— Владеете ли вы красным корветом?

— Зачем, дорогой? Конечно, нет.

— Позвольте мне перефразировать вопрос. В день, когда был убит Тестер, вы были за рулем красного корвета?

У Эрлин было ощущение, что прежде чем все это закончится, они с мистером Диллардом будут понимать друг друга, как сиамские близнецы, но решила, что сейчас лучше держать некоторые вещи при себе.

— Почему? — спросила она.

— Потому что у полиции имеется свидетель, который заявил, что у вас имеется красный корвет, и что он исчез на следующий же день после убийства Тестера. Тот же свидетель рассказал им, что в ту ночь Энджел и вы покинули клуб сразу после того, как ушел Тестер, и ни одна из вас не вернулась. Есть и другой свидетель, который около полуночи видел женщину, выходящую из корвета у мотеля Тестера.

— Ну, дорогуша, клянусь. Кто мог сказать такую вещь?

Но она точно знала, кто это сделал. Маленькая мисс Джули.

— Есть ли в этом доля правды?

— Дорогой, это разговор только между нами двумя, не так ли?

— Эрлин, вы не мой клиент. На вас привилегия не распространяется, так что будьте осторожны с тем, что говорите.

Эрлин присела и сделала глубокий вдох, словно нервничала.

— Ты можешь сказать, кто свидетели? — спросила она.

— Ночной регистратор, которая была на смену в гостинице. Ее зовут Шейла Хант. Она утверждает, что около полуночи видела корвет, припаркованный следом за Тестером. Какая-то женщина вышла со стороны пассажира и поднялась по лестнице с ним. Шел довольно сильный дождь, поэтому на женщине было что-то вроде плаща или накидки с капюшоном, из-за этого свидетельница не разглядела ее как следует, и не видела, как та уходила. Она не запомнила номера машины и не смогла ничего сообщить о водителе.

— По мне, так это не похоже на твердое доказательство.

— Будет, в случае, если всплывет этот корвет. Появится ли он?

— Кто им сказал, что у меня имеется корвет? — спросила Эрлин.

— Одна из ваших сотрудниц. В ночь, когда они ворвались в клуб, она сообщила им, что вы были за рулем красного корвета до убийства Тестера, и что на следующий день ваш автомобиль исчез после того, как тот был убит.

— Полагаю, это была Джули Хейс, не так ли?

Мистер Диллард кивнул.

— Кто-нибудь еще из клуба сообщил полиции что-то подобное?

— Нет, мэм. Она была единственной.

— О чем это говорит, дорогой?

— Что-то подсказывает мне, что либо врет она, либо лгут все остальные.

— Как ты считаешь?

— Думаю, что хочу услышать, как вы скажите мне, что лжет она.

Эрлин улыбнулась. Мистер Диллард был очень привлекательным, и она ощущала, как он излучает доброту.

— Она лжет, дорогой.

Потом она поведала ему о Джули и ее проблемах с наркотиками, о том, что та была равнодушна к Гасу. Рассказала ему, как Джули вернулась сюда из Техаса на автобусе вместе с Энджел после того, как там они повстречались на автобусной станции. Джули заметила, что у Энджел не было никакого багажа с собой, даже кошелек, поэтому она сделала вывод, что девушка, наверное, беглянка. И поскольку Энджел была так красива, то Джули спросила ее, не хочет ли та отправиться с ней, и, возможно, поработать в клубе. Когда Эрлин встретила Джули на автобусной станции Джонсон-Сити, то Энджел уже была с ней.

— Значит, вы считаете, что Джули подставила вас и Энджел из ревности, обвиняя в убийстве? — спросил мистер Диллард.

— Не удивлюсь. Она проблемная девушка. Я слышала, как она упоминала о своем аресте. Она хвасталась этим, говоря Гасу, что на нее имеется файл такой же толстый, как его отросток.

— Такой же толстый, как его... что?

— Отросток. Так я называю такую штуковину у мужчин. Вы понимаете...

Эрлин указала себе между ног, и лицо мистера Дилларда покраснело и стало такого же цвета, как ее помада.

— Что еще вы знаете о Джули?

— Только то, что она мне рассказывала. Друг ее матери пытался ее изнасиловать, когда ей было шестнадцать. Когда она рассказала об этом матери, та обвинила ее во лжи и очень сильно избила. Джули собрала свои вещи, и с тех пор переезжает с места на место. Думаю, что в ее жизни не было ничего кроме наркотиков и проституции. Это одна из причин, почему ей нравится работать здесь. Денег достаточно, так что у девочки не было необходимости торговать собой. Но Джули, похоже, не может держаться в стороне от наркотиков. Она должна была знать, что я собираюсь ее снова уволить.

— Хорошо, — сказал мистер Диллард. — Это поможет. Похоже, мы сможем подвергнуть сомнению ее показания, если она решит их дать. Но вы так и не ответили на мой вопрос.

— Какой вопрос?

— Не случится так, что красный корвет появится неизвестно откуда и укусит нас за задницу непосредственно перед началом процесса?

— Милый, просто я не понимаю, как это может произойти.

— Хорошо. Я проинформирую следователя насчет Джули Хейс и соберу всю информацию о ее прошлом. Из того, что вы мне рассказали, думаю, у нас не должно возникнуть много проблем с тем, чтобы она выглядела опороченной перед жюри присяжных.

Мистер Диллард не знал, а Эрлин и не собиралась сообщать ему, что Джули Хейс не планировала предстать перед какими-либо присяжными.

— У нас есть еще одна проблема, — продолжил он. — Два волоса, которые нашли на рубашке Тестера, соответствуют ДНК Энджел.

— Это плохо, дорогой?

— Проблема, но не думаю, что не существует возможности ее преодолеть. Я предложу версию, что несколько волосков Энджел могли попасть на Тестера в то время, когда он был в клубе.

— Он ей проходу не давал, — сказала Эрлин.

— ТБР вы сообщили совсем другое.

Снова, черт!

— Этот тип из ТБР напугал меня до смерти, дорогой. Я не знала, что сказать ему.

— Отныне, Эрлин, я бы посоветовал вам придерживаться правды. В данном случае, похоже, что только правда поможет освободить Энджел.

Он был таким милым и благородным. Эрлин так хотела ущипнуть его за щечки.

6 июня

5:45

По утрам в выходные мне нравилось смотреть на восход солнца. В это воскресенье, после того как Энджел Кристиан было предъявлено официальное обвинение, я встал около пяти тридцати, заварил кофе и пошел босиком и в трусах по темноте забрать газету. Когда я дошел до конца подъездной дорожки, то заметил припаркованный серебристый автомобиль типа «пикап» с тонированными стеклами. Один из, так называемых, мачо-джипов «Додж». Он стоял на грунтовой дороге, ведущей в лес, через дорогу от почтового ящика. Автомобиль был припаркован на том месте, где я пересчитывал деньги, полученные от Эрлин. Фары не горели, и не было слышно шума работающего двигателя. Земля, где остановился джип, принадлежала мне. Еще не начался сезон охоты, и никто не просил у меня разрешения разбить лагерь, поэтому я решил проверить машину.

Я взял газету из почтового ящика и подошел по направлению к пикапу. Когда я приблизился к нему на три-четыре метра, двигатель взревел, и вспыхнули фары. Я решил, что это, вероятно, один из друзей Джека, так что я поднял руку в знак приветствия. Но автомобиль полетел прямо на меня. Я отпрыгнул в сторону прежде, чем он успел ударить меня. Когда я сделал прыжок, то мои ноги зацепились за небольшой куст и в итоге я упал на спину. Пикап вылетел на грунтовую дорогу, и дальше по дороге раздался визг шин. Из-за света фар я не смог разглядеть водителя, а мой неудачный прыжок помешал мне увидеть номерной знак.

Я выругался, поднялся с земли и пошел обратно вниз по дороге к дому, гадая о том, кто же мог находиться за рулем машины. Я подумал о взгляде, который на меня бросил сын Тестера, и подумал, что надо позвонить Диане Фрай, сотруднику полиции в отставке, работающей в настоящее время в качестве частного детектива. Я уже говорил с ней о том, чтобы взять на себя расследование дела Энджел Кристиан, но теперь мне необходимо было выяснить, имелся ли у сына Тестера серебристый «Додж», зарегистрированный на его имя. Если да, то я должен знать об этом и обо всем, что она смогла бы накопать на него.

Именно в это момент я заметил, что машины Лили не было на месте. В гараже помещались только два автомобиля, поэтому Лили оставляла свою снаружи в стороне на подъездной дороге. Я знал, что накануне вечером машина была на месте, потому что Лили вернулась домой из Ноксвилля где-то около полуночи, и я ждал ее.

Я вернулся в дом и поднялся в комнату Лили. Она была не таким ребенком, который способен улизнуть, но все же я надеялся, что это она. Я обнаружил ее спящей мертвым сном подростка.

Я направился в комнату Сары, надеясь, что автомобиль был украден незнакомцем, хотя знал, что это не так. Кровать Сары была застелена и пуста.

Учитывая обстоятельства, казалось, что она достаточно хорошо справлялась. Через пару дней после того, как она появилась, Кэролайн и Лили съездили с ней в город, чтобы купить ей одежду, а я принес каталог Северо-Восточного государственного муниципального колледжа. Она говорила, что собирается пойти учиться осенью, и что-то про изучение компьютерной графики. Она проводила много времени, гуляя по лесу вокруг озера, и смотрела телевизор. Четыре раза в неделю она посещала встречи анонимных наркоманов.

И тогда я совершил ошибку. В субботу я взял ее с собой, чтобы увидеться с мамой. Мама не узнала нас и была необычайно воинственной. Она сказала нам, чтобы мы вышли из ее комнаты и никогда не возвращались. Она закатила такой скандал, что одна из медсестер предложила нам уйти и вернуться в другой раз. Визит явно расстроил Сару, которая надеялась помириться с мамой прежде, чем та бы умерла. В субботу вечером Сара не демонстрировала никаких признаков того, что собирается совершить какую-нибудь глупость, но была более тихой, чем обычно, и легла спать пораньше.

Я пошел обратно в нашу спальню и дотронулся до плеча Кэролайн. Она медленно выходила из состояния сна.

— Ммм...что? Что-то случилось?

— Сара исчезла, — сказал я. — С автомобилем Лили.

Сначала она, казалось, не поняла. Потом села в постели.

— О нет, — произнесла она. — Прошлой ночью мне приснилось, что она сбежала.

— Лучше проверить и убедиться, все ли на местах.

— Как ты думаешь, что она взяла кроме автомобиля?

— Не знаю. Но тебе лучше проверить свой кошелек и драгоценности. Лили тоже. Я проверю электронику и оружие.

Тяжело было думать о сестре, как о воровке, но в прошлом она занималась именно этим. Она украла у меня деньги, а мама стала излюбленной ее мишенью. В течение следующих пятнадцати минут я ходил по дому, чтобы убедиться, не украла ли она компьютер, телевизор или музыкальный центр. Когда я закончил, то вернулся на кухню. Кэролайн сидела за столом и пила минеральную воду. Она посмотрела на меня, и я понял, что меня ждет плохая новость.

— Пропало мое бриллиантовое кольцо.

Пять лет назад я подарил ей его на Рождество. У нее никогда не было ничего дорогостоящего, и я почувствовал огромное удовольствие, увидев выражение ее лица, когда она открыла коробку. Она хранила его в шкатулке в шкафу в спальне. Раз его там не оказалось, значит, Сара пробралась туда ночью и украла его.

— Черт, — сказал я. — Черт возьми! Как она могла так поступить?

— Думаю, мы ожидали от нее слишком многого, — ответила Кэролайн.

— Я думал, что она готова к переменам. Полагал, что, может быть, смогу ей помочь.

— Когда она будет готова к переменам, если когда-нибудь это произойдет, она сделает это по-своему. Мы не можем заставить ее. Как ты думаешь, что нам теперь делать?

— Она забрала машину за десять тысяч долларов и кольцо за пять тысяч. Что ты думаешь, я должен сделать?

Кэролайн вздохнула.

— Не знаю, дорогой. Может быть, ты должен пойти и попытаться найти ее.

— Я уже делал это. Ты знаешь, она, вероятно, сейчас уже под кайфом. Уверен, она уже продала кольцо за гроши или обменяла его на кокаин. Если я найду ее в доме какого-нибудь

дилера, то в итоге мне придется защищать себя в суде, после того как я кого-нибудь убью. Думаю, что просто позвоню в полицию Джонсон-Сити и посмотрю, смогут ли они забрать ее прежде, чем она продаст машину какому-нибудь скупщику.

В этот момент зазвонил телефон. Возможно, это была Сара. Может быть, она решила вернуться прежде, чем окончательно пересечь черту.

Я взял трубку.

— Мистер Диллард? — спросил мужской голос.

— Да.

— Привет, это Мэтью Миллер из полицейского участка города Джонсон-Сити. Давно не виделись. Вы в порядке?

Я знал Мэтью Миллер. На самом деле я был знаком с большинством полицейских в городе. Мэтью был хорошим парнем.

— Я в порядке, офицер Миллер. Скажите, что вы нашли машину моей дочери.

— Бордовый Крайслер «Себринг», номерной знак округа Вашингтон KRS- 433?

— Ее украли прошлой ночью.

— Ну, сэр, боюсь, у меня плохие новости. Сегодня утром мы нашли ее на Ноб Крик Роуд, разбитую после аварии. Она, видимо, вылетела на насыпь и свалилась в ручей. Дерево ее остановило. Я бы сказал, что это восстановимо, и — ...

— Что с водителем?

— Водителя не обнаружили, — ответил Миллер. — Никаких следов. Можете предположить, кто находился за рулем?

— Наверное, моя сестра. Простой ночью она исчезла.

— Я думал, она в тюрьме.

Сара была печально известной личностью. Все знали ее.

— Она вышла пару недель назад и жила у нас.

— Ну, как говорится, ни одно доброе дело не остается безнаказанным, — заметил Миллер. — Мы здесь почти закончили. Я собираюсь транспортировать машину до сервисного центра «Милл Шеврон» в Брауне. Вы можете забрать ее оттуда. Подушки безопасности сработали, и нет никакой крови. Так что, если это была ваша сестра, то она, вероятно, обошлась без травм.

— Спасибо. Можете ли вы отправить сюда кого-то, чтобы я написал заявление? Она также захватила с собой и ювелирные украшения.

— Наверное, будет лучше, если вы просто позвоните в 9-1-1, — посоветовал он мне. — Они пришлют нужных людей.

Я поблагодарил Миллера и повесил трубку.

— Она разбила машину, — сообщил я Кэролайн. — Она испортила машину Лили. Звоню в полицию. Я больше не имею дел с ней.

— Я слышала это и раньше.

— Я серьезно. Она совершила два преступления под моей крышей. Сара украла и разбила машину моей дочери и стащила кольцо. С таким досье ее упрячут в тюрьму, где ей и место. Откуда она не выйдет в течение как минимум четырех лет, если не дольше.

— Ты уверен, что хочешь именно этого? — спросила Кэролайн. — Я не хочу, чтобы ты изводил себя этим потом.

Я взял телефон и набрал 9-1-1.

9 июня

10:00

Через два дня мне позвонил человек из Агентства по борьбе с наркотиками, которого я знал лет десять. Он сказал, что около полуночи в понедельник они задержали Сару в наркопритоне на Уилсон-Авеню. Он думал, что мне это будет интересно узнать.

Я сразу же направился в тюрьму. Пока я туда ехал, зазвонил мой сотовый телефон. Это была Диана Фрай.

— Ответ: да — начала она. — Джон Пол Тестер-младший владеет серебристым пикапом Додж «Рам».

Это был тот же цвет, марка, и модель автомобиля, который чуть не задавил меня.

— Что ты еще узнала о нем?

— Родился 1 декабря 1972 года в Ньюпорте, в семье Джона Пола и Дебры Джейн. Его мать умерла от рака, когда мальчику было всего два года. Его растил отец, который работал подмастерьем сварщика, когда не проповедовал Евангелие. Когда отец уезжал, что случалось довольно часто, мальчик оставался жить у своей тети. Я разговаривала с ней. Приятная женщина по имени Ванда Смитерс. С тех пор она переехала в Окала, штат Флорида. Она сказала мне, что младшенький боготворил отца. Она говорила, что его любимым занятием в детстве было ходить в церковь и слушать проповеди своего отца. Сообщила, что он сидел в первом ряду и не пропускал ни слова.

К тому времени, как ему исполнилось десять лет, он уже начал изучать Библию и «засвидетельствовал» свою веру перед отцом. Он начал проповедовать, когда еще был подростком. Когда же не проповедовал, то проводил почти все время в своей комнате. У него никогда не было девушки, он никогда не проявлял заинтересованность в любых школьных мероприятиях или спорте. Евангелие было его жизнью. Тетя сказала, что как только он окончил школу, отец и сын начали путешествовать вместе. Они проповедовали по всему юго-востоку. Она говорит, что они были легендой среди фундаменталистов.

— Диана, ты великолепна. Ты узнала все это за два дня?

— Это мой шарм и индивидуальность. Это и тот факт, что тетя прожужжала мне все уши.

— Что-нибудь еще?

— Тетя сказала, что побывала у них как-то в прошлом году на выходных. Младший остался в комнате и читал, так же, как обычно делал, когда был ребенком. Также она сообщила, что Тестер-старший не был так уж сильно предан своей вере в отличие от младшего. На самом деле, он много пил и любил дам.

— Интересно, а его сын знал об этом? — спросил я.

— Вероятно. Такое трудно скрывать всю жизнь. Кроме того, я пообщалась с несколькими людьми из офиса шерифа в округе Кок. Отец Тестера, видимо, имел некоторый политический вес, и нашел там работу для младшего. Он там работает уже больше десяти лет в качестве капеллана. Консультирует сотрудников, работает с заключенными в тюрьме, и все в этом духе. Люди, с которыми я разговаривала, все в один голос сказали, что считают его ненормальным. Он, видимо, не хочет говорить ни о чем, кроме Евангелия, а после убийства отца вообще перестал разговаривать.

— Какие-либо проявления насилия?

— Не имеет судимости. Тетя говорит, что он был кротким, и не помнит, чтобы он с

кем-либо дрался. Однако она заметила, что после смерти отца он изменился. На похоронах он вел себя очень странно.

— Спасибо. Отправь мне счет

— Уже идет по почте.

Через полчаса после того, как я поговорил по телефону с Дианой, охранник привел Сару в комнату для допросов. Она выглядела так, будто постарела лет на пятнадцать. Когда она увидела, что я уже нахожусь здесь, то даже не удосужилась сесть за стол, закрыла лицо руками и сползла по стене на пол. Единственное, что я чувствовал, был гнев.

— Хорошо повеселилась? — спросил я.

— Иди к черту.

— Идти к черту? Отлично. Ты хорошо потрудились над машиной Лилии. Я очень это ценю.

— Да, скажи ей, что мне жаль. Я не ездила некоторое время.

— Где колье Кэролайн?

— Ушло.

— Куда ушло? Кому ты его продала?

— Думаешь, я скажу тебе?

— Ты его продала или обменяла?

— Какая разница?

— Я хочу его вернуть.

— Ни за что.

— Ты действительно упала так низко, Сара Тебя действительно ничего не волнует? Для тебя это колье, возможно, ничего не значит, кроме быстрой дозы, но очень много значит для Кэролайн, и я хочу его получить обратно.

Она убрала руки от лица и взглянула на меня.

— Единственный человек, для которого это ожерелье значило хоть что-то, был ты. Ты показывал его всем, чтобы продемонстрировать, что ты — большая шишка, покупая такие дорогие безделушки. Ты, правда, думаешь, что оно что-то значило для нее? Ты пробовал ту же хрень со мной. Ах, Сара, живи с нами. Приди и останься в моей идеальной семье. Мы купим тебе вещи, если ты не будешь под кайфом. Мы позаботимся о тебе. Что за бред. Ты не можешь покупать людей Джоуи. Ты так жалок.

Я встал и, облокотившись на стену блока, рассматривал свои ногти. Сара давно усовершенствовала искусство ядовитых тирад наркоманки. Слова проплывали мимо меня, как маленькие призраки. Я не позволял им задерживаться в моем сознании.

— Я пришел сюда по нескольким причинам, — сказал я. — Во-первых, чтобы сообщить тебе о том, что ты сделала, в случае, если ты не полностью осознаешь ситуацию. Угон автомобиля является уголовным преступлением, и карается отбыванием срока как минимум — три и как максимум — шесть лет. Кража ожерелья также является уголовным преступлением, влекущим за собой наказание. С твоим прошлым и моими связями в прокуратуре, думаю, что смогу убедить их в том, чтобы добиться наказания для тебя, отбываемого последовательно в верхней части диапазона срока. Не будет больше шести месяцев в окружной тюрьме, после выхода из которой ты можешь снова совершить то же самое, Сара. Ты пойдешь в тюрьму на двенадцать лет. Тебе будет как минимум пятьдесят лет, когда ты выйдешь, если, конечно, проживешь так долго. Я лично прослежу за этим.

Я пять раз представлял ее интересы в прошлом, каждый раз говоря себе, что никогда не буду делать этого снова. Мне всегда удавалось смягчить для нее наказания, чтобы она смогла пережить их, как можно легче. Но на этот раз все было иначе. Я чувствовал себя по-настоящему преданным, и хотел небольшого возмездия. Кажется, слова, сказанные мной, начали медленно проникать в ее одурманенный мозг. Она подтянула колени к груди и начала раскачиваться. Потом захныкала.

— Ты не можешь сделать этого со мной, Джоуи. Не можешь. Я не выживу.

— Уверен выживешь. Всегда выживала.

— Я устала, Джо. Ты знаешь, что я больна. Скажи Лили и Кэролайн, что я сожалею. Я найду работу и расплачусь с тобой.

— Слишком поздно, это было последней каплей. Я не хочу иметь дела с тобой.

— Ты и раньше так говорил. Ты не это имел в виду. Ты — единственный человек, который никогда не отказывался от меня. Ты не можешь предать меня, Джоуи.

— Меня зовут Джо, — перебил я ее.— Я перестал быть Джоуи давным-давно, с тех пор, как вырос. Может, тебе стоит попытаться.

Плач перешел в жалобные рыдания. Слезы потекли по ее лицу, и она стала стучать головой о стену. Смотритель подошел к двери.

— Все в порядке?

— Да, я ухожу. Выпустите меня?

Он отпер стальную дверь, и я шагнул вперед. Рыдания Сары было почти невыносимо слышать. Я ускорил шаг, и, пройдя по коридору к лестнице, толкнул дверь. Прежде чем дверь закрылась за мной, я услышал ее крик:

— Джоуи! Ты должен меня защитить!

12 июня

14:15

В правоохранительных органах новости распространяются быстро, как хорошие, так и плохие. Были слухи, что сестру Джо Дилларда задержали снова, только на этот раз жертвами оказались сам Диллард и его семья.

Агент Ландерс считал Дилларда самодовольным придурком, который провел свою жизнь, защищая отморожков, которых Ландерс так старательно пытался упрятать. Он полагал, что Диллард был таким же, как те, кого он представлял. Когда агент узнал, что Дилларда наняли защищать Энджел Кристиан, его чуть не стошнило. Ему претила сама мысль, что придется иметь с ним дело, как при сборе доказательств, так и в суде. Но когда Ландерс услышал, что сестру Дилларда арестовали, то повеселел. Он сразу же позвонил в тюрьму и узнал, что под залог ее никто не освобождал. Затем он связался с администратором тюрьмы и попросил перевести сестру Дилларда в тот же блок, что и Энджел Кристиан. Администратор сообщила, что это будет нетрудно сделать, поэтому Ландерс подождал пару дней, а затем отправился нанести визит мисс Диллард.

Охранники привели ее в комнату для допросов. Она была вся согнута, с поникшими плечами, с абсолютно пустым взглядом. Тем не менее, мисс Диллард была, безусловно, привлекательной особой. Возможно, когда все это закончится, и если все пойдет как надо, он мог бы ее соблазнить. Разве не было бы замечательно уложить в койку сестру Дилларда?

Она сидела, похожая на изваяние, не глядя на Ландерса. Он рассчитывал, что сможет ее

пересидеть, и она начнет разговор первой, но через несколько минут стало понятно, что она не собирается говорить.

— Ты сестра Джо Дилларда, — сказал он, наконец.

— Ну, и что? — спросила она, не поднимая взгляд.

— Я слышал, он оставил тебя под замком.

Она не ответила. Ландерс внимательно наблюдал за ней, пытаясь понять, соглашалась ли она с ним своим молчанием или нет.

— Мисс Диллард, вы не спросили, кто я.

— Мне все равно, кто ты.

— А должно быть не все равно. Я человек, который может вытащить тебя отсюда.

Она подняла глаза.

— И зачем тебе это надо?

— Мне нужна помощь. И тебе тоже. Если ты поможешь мне, то я помогу тебе. Все просто. Я могу предложить две вещи: билет на волю и шанс отомстить брату. Мне продолжать?

Она прищурилась.

— Я не доверяю законникам.

— Я не адвокат. Я агент из Бюро расследований штата Теннесси.

— А ищейкам я доверяю еще меньше, чем адвокатам.

— Как угодно. Я уверен, что смогу найти еще какую-нибудь заключенную в блоке, которая захочет выйти на свободу. Я просто подумал, что ты могла бы отомстить своему братцу, — Ландерс встал со стула, подошел к двери, и сделал вид, будто собирается нажать кнопку вызова охраны.

— Подожди, — сказала она. — Чего ты хочешь от меня?

— Как я уже сказал, мне нужно немного помочь.

— Каким образом?

Ландерс снова сел за стол.

— Информация. Мне нужна информация. Твой брат защищает убийцу. Ее зовут Энжел Кристиан. Она сидит здесь, в том же блоке, что и ты. Встречала ли ты ее?

— Я практически ни с кем не говорю.

— Послушай, в чем проблема. Я ничего не знаю о ней. Мне нужно прощупать ее. Ты понимаешь, что я имею в виду? Для начала, Энжел Кристиан не настоящее ее имя. Мне нужно знать, как ее действительно зовут. Нужно знать, кто она такая, где училась, были ли у нее водительские права на другое имя, имела ли она раньше неприятности, кто были ее родители. Все эти вещи. И если она случайно упомянет про убийство, неплохо бы узнать об этом больше. Как думаешь, ты можешь помочь мне с этим?

Выходило так, словно девушки по фамилии Кристиан никогда не существовало. Единственная, кто хоть что-то знал о ней, была Джули Хейс и информация о том, что она в феврале забрала ее с автобусной станции «Грейхаунд» в Далласе. По словам Хейс, девушка не сообщила, как ее зовут, поэтому она сама дала ей имя Энжел Кристиан по названию автобуса. Хейс полагала, что это имя смешно и нелепо, так как Энжел предстоит работать в стрип-клубе. Ландерсу было отчаянно необходимо придумать хоть что-то. К черту все. Он знал, что Энжел может оказаться серийным убийцей. Но она не хотела говорить с ним, женщины Барлоу также не желали общаться, а люди, которых он опрашивал в стрип-клубе, оказались бесполезны.

— То есть ты хочешь, чтобы я шпионила для тебя? — спросила сестра Дилларда.

— Ты можешь называть это как хочешь. Я называю это – оказать помощь в ходе полицейского расследования убийства.

— А что я получу взамен?

— Люди, которые оказывают значительную поддержку в расследовании убийства, часто получают значительное сокращение своего срока. Например, включая время, что ты уже провела в тюрьме.

— Как тебя зовут? — спросила она. Ландерсу не понравился ни ее тон, ни выражение ее лица.

— Ландерс. Специальный Агент Филлип Ландерс.

Она начала смеяться.

— Что смешного? — спросил он.

— Я слышала, как мой брат говорил с женой о тебе после того, как его наняли на это громкое дело об убийстве. Он заявил, что ты самый большой лжец в мире. Ты будешь лжесвидетельствовать, фальсифицировать улики, вводить людей в заблуждение. Он сказал, что ты один из тех полицейских, которые сделают все, чтобы выиграть процесс.

— Твой брат — козел.

— Мой брат действительно может быть козлом, но он порядочный, — произнесла она.

— Я не хочу связываться с таким, как ты. Кроме того, я не стукач.

Тупая сука. Ландерс предложил ей выход, а она разыгрывает тут из себя святую. Он хотел спросить ее, неужели быть наркоманкой и мелкой шлюхой-воровкой лучше, чем быть стукачкой, но решил не сжигать мосты, так как позже, она, возможно, согласится ему помочь. Он проглотил свою гордость и улыбнулся.

— Хорошо, — сказал он. — Было приятно с тобой встретиться. Если передумаешь, сообщи мне.

Ландерс протянул ей свою визитную карточку и вышел за дверь. Придется подождать и вернуться через пару недель, а, может быть, даже месяц. Если ему повезет, то ее приговорят к тому времени и направят в женскую исправительную колонию в Нэшвилле. Ландерс бывал там пару раз. Жалкое и отвратительное место. Возможно, когда перспектива оказаться в тюрьме станет для нее реальностью, сестра Дилларда передумает.

13 июня

13.00

Эрлин Барлоу очень не хотела обращаться к Вирджелу. Он был таким милым, но в ночь, когда был убит проповедник, она совершила несвойственную ей ошибку, позволив чувствам заглушить разум и поставив любимую Энжел в безвыходное положение. Ее ошибка привела к аресту Энжел, и теперь Эрли была полна решимости сделать все, чтобы исправить положение.

Эрлин позвонила Вирджелу и попросила его приехать и встретиться с ней в клубе в обеденное время. По его голосу она поняла, что он испытывает неловкость, и заверила, что ей от него нужна совсем пустяковая услуга.

Вирджил Уотерсон появился вовремя. На вид он выглядел невзрачным мужчиной, невысокого роста и волосы на его седом парике торчали в разные стороны. Эрлин никогда не проявляла любопытство, почему, приходя в клуб, он всегда надевал галстук и подтяжки,

по крайней мере, до тех пор, пока одна из девушек не снимала их. У Эрлин уже имелась целая коллекция бабочек, которые Вирджил оставлял в ресторане.

Вирджил был настоящим богатеем. Гас рассказал ей, что он владел шестью ресторанами Макдональдс и еще множеством объектов недвижимости. Он посещал клуб в течение многих лет, но так как был женат и служил дьяконом в церкви, плюс являлся богатым бизнесменом и так далее, поэтому Эрлин и Гас предоставляли ему комнату для VIP-персон и позволяли выходить через заднюю дверь. Иногда он приводил друга или делового партнера, но обычно приходил один. Он всегда заказывал, по крайней мере, двух девочек для компании и платил только наличными. Вирджил и мухи не обидел бы, но у него имелись некоторые сексуальные наклонности, которые можно было счесть немного странными.

Ложа для VIP-персон была довольно большой, со своим собственным баром и сценой для танцев. На одной стороне находились три небольшие комнаты, которые Эрли называла «кабинеты». Если один из джентльменов хотел еще больше интимности, то мог взять с собой леди - или двух, или трех - в один из тех «кабинетов» и делать там то, что захочет.

Гас установил в них систему видеонаблюдения в качестве страхового полиса. Камеры снимали не все, что там происходило, но записей было достаточно, чтобы иметь возможность договориться, если когда-нибудь подобная необходимость возникла бы. Существовали записи с судьями, адвокатами, врачами и начальниками полиции, проповедниками, бизнесменами и политиками. Все записи были расположены в алфавитном порядке и хранились в несгораемом сейфе на небольшом складе на окраине города. Так совпало, что Вирджил был одним из тех, кого Гас заснял несколько раз в те времена, когда Вирджил был еще простым скромным человечком. Эрлин сочла, что он идеально подходит для того, что ей нужно сделать.

Они находились одни в клубе, и Эрлин провела Вирджила по коридору в примерную комнату для девушек. В ней находилась небольшая зона отдыха для девочек с телевизором со встроенным в него видеоплеером. Кассета, которую Эрлин хотела показать Вирджилу, уже была в нем. Она указала на кресло перед телевизором.

— Присядь сюда, дорогой. Я хочу показать тебе кое-что особенное, — сказала Эрлин.

Вирджил сел и Эрлин разместилась рядом с ним. Она положила одну руку на его колено, а другой направила пульт на телевизор и запустила видео.

Экран засветился и Вирджил предстал голым, сосущим свой большой палец и говорящим непристойности двум девушкам. Эрлин все время поглаживала Вирджила по колену, пока они смотрели, как он проделывал разные вещи, которые можно было счесть немного неловкими. Через несколько минут он попросил ее выключить запись, затем повернулся к ней с самым жалостливым выражением, которое она когда-либо видела, и почти прорыдал:

— Эрлин, не могу поверить, что ты делаешь со мной! После всех этих лет и всех денег, которые я оставил в твоём кармане. Я просто не могу в это поверить!

— Делаю что, дорогой? — спросила Эрлин. — Я ничего такого не делаю с тобой.

— Тогда для чего ты мне это показала?

— Мне просто нужно небольшое одолжение, дорогой. Совсем маленькое. И если ты мне окажешь пустяковую услугу, клянусь могилой Гаса, что отдам тебе все записи.

Эрлин внимательно наблюдала за Вирджилом, пока излагала ему свое предложение. Сначала он не соглашался, но чем дольше говорила Эрлин и чаще поглаживала по

внутренней стороне бедра Вирджила, тем больше он успокаивался. В конце концов, он согласился сделать то, что она от него хотела.

Он был таким милым.

15 июня

18.00

Утром того же дня, когда было запланировано танцевальное выступление моей дочери на концерте, я сидел за кухонным столом, завтракая и читая газету. Кэролайн вошла, потирая глаза, и сказала:

— Мне нужно кое-что рассказать тебе.

Я отложил газету.

— Начало не радует.

— Возможно. Вчера днем я заметила серебристый внедорожник, похожий на тот, который чуть не сбил тебя. Он дважды проезжал мимо дома. Затем, когда я отправилась в магазин, он оказался припаркован прямо рядом с моей машиной, но я не смогла разглядеть водителя за тонированными стеклами.

— Почему ты мне вчера об этом не рассказала?

— Я целый день была занята подготовкой к выступлению Лили, не забыл? Когда вернулась, ты уже спал. Я, было, подумала разбудить тебя, но решила, что это может подождать до утра.

— У сына Тестера, того, кто устроил сцену в зале суда, я тебе рассказывал об этом, как раз есть серебристый Додж. Должно быть, это был он.

— Джо, зачем ему это делать? Почему он хочет нас запугать? Ты просто адвокат, выполняющий свою работу.

— Ты не слышала его в зале суда. Что-то очень странное творится в голове этого человека.

— Что нам делать?

— У нас не так много вариантов. Если увидишь его снова, звони в полицию и сообщи, что происходит. Возможно, они проверят его. Не забудь предупредить Лили, чтобы она была внимательной. Покажи ей фотографию пикапа Додж, чтобы она знала, как он выглядит.

После завтрака я отправился в спортивный зал Джонсон-Сити и тренировался там около часа. Затем направился в округ Юникой, чтобы защищать Рэндалла Финча, одного из двух моих клиентов, приговоренных к смерти, для которых я был назначен адвокатом. Рэндалл был двадцатипятилетним необразованным белым мужчиной, который в наркотическом бреду убил тринадцатимесячного сына своей подруги. Рэндалл с подругой употребляли в течение двух дней метамфетамин и гидрокодон, а когда они закончились, женщина отправилась на поиски наркотиков, оставив ребенка с Рэндаллом. Пока ее не было, маленький мальчик, похоже, заплакал. Рэндалл сначала использовал его как пепельницу, тушил сигареты об его пятки. Потом, по известной только Рэндаллу причине, положил его на решетку раскаленного керосинового обогревателя, от которого на тельце ребенка остался ожег круглой формы. Но ребенок продолжал плакать, и Рэндалл швырнул его об стену, разбив ему голову.

Его подруга вернулась, увидела, что случилось, и вызвала полицию. Они также

арестовали и ее.

Рэндалл не отрицал, что убил ребенка, но утверждал, что ничего не помнит. Единственной защитой, которую я мог предложить, было снижение умственных способностей из-за наркотического опьянения, и что Рэндалл не осознавал, что делал. Но я знал, что это не сработает. Как только присяжные увидели бы фотографии со следами ожогов от сигарет и грелки на теле малыша, Рэндаллу очень сильно повезло бы, если он смог бы покинуть зал суда без линчевания. Когда я увидел их, мне захотелось его убить. Единственное, что мне было нужно — это веревка и на некоторое время остаться наедине с ним.

Предварительное слушание состоялось два месяца назад в Ирвине, и представленные доказательства оказались ужасающими. С тех пор прокурор Дикон Бейкер потратил много времени и сил, чтобы сообщить местным СМИ, какую судьбу он определил Рэндаллу Финчу. Тот заслужил только смертную казнь. И как можно скорее.

Дикон, однако, не удосужился подать просьбу о смертной казни — неизменное требование в случаях смертного приговора, поэтому я решил попробовать сделать хитрый ход. Я сказал Рэндаллу, что поскольку обвинение против него серьезное, но никто не подал уведомление о смертной казни, то ему следует признать себя виновным во время обвинительного акта. Насколько я знал, до сих пор никто не пытался повернуть такой трюк, и я понятия не имел, что скажет судья. Однако знал, что это, по крайней мере, приведет к чрезвычайно интересному апелляционному прецеденту. Рэндалл согласился.

Судьей был Эван Гласс. Я не ожидал теплых приветствий. Недавно у него развилась какая-то инфекция стопы, и он провел большую часть своего времени на судейской скамье на тех же болеутоляющих средствах, которые принимал Рэндалл перед убийством ребенка. Если бы судья во время предъявления обвинения Финчу находился бы под действием препаратов, то, как я догадывался, у меня могли быть проблемы.

Судья объявил о начале дела в десять утра. Судебные приставы привели Рэндалла на скамью подсудимых, и Гласс сердито посмотрел на него со своего судейского места.

— Итак, это тот человек, которого обвиняют в убийстве ребенка? — произнес он достаточно внятно, и его глаза казались ясными.

— Да, ваша честь, — подтвердил Дикон Бейкер, еще раз засветившись под камерами.

— В протоколе отмечено, что его защитником я назначил мистера Дилларда, и он сегодня присутствует здесь со своим клиентом.

После того как он назначил меня на это дело, я сообщил ему, что собираюсь подать в отставку, и был бы признателен, если бы он прекратил назначать меня на новые дела. Он фыркнул и сказал, что с нетерпением ждет, когда избавится от меня. Наши чувства были взаимными.

— Я передал мистери Дилларду копию обвинения, — продолжил он. — Вы отказываетесь зачитать его официально?

— Да, — подтвердил я.

— Каково заявление вашего подзащитного?

— Виновен.

— Хорошо. Что касается даты..., подождите. Господин Диллард, что вы только что сказали?

— Я сказал, что господин Финч признает себя виновным и не желает оспаривать

обвинение.

— Я никогда не слышал ничего подобного — отметил судья Гласс. — Признание вины во время официального оглашения обвинения и просьба о смертном приговоре?

— Ваша честь, смертный приговор — не этот случай, — произнес я. — Уведомление не было подано.

Я уловил тот момент, когда до судьи дошло, что я пытаюсь сделать. К моему облегчению, он выглядел скорее удивленным, чем сердитым.

— Мистер Бейкер, что вы об этом думаете? — обратился он к прокурору.

Бейкер вскочил, весь красный.

— Ваше честь, это беспрецедентно. Он не может этого сделать.

— В уголовно-процессуальных правилах нет ничего, что бы это запрещало, — возразил я. — В правилах сказано, что подсудимый может признать свою вину или не виновность в суде. Мы хотим заявить о признании вины. Мистер Бейкер не подал уведомления на смертную казнь, хотя у него было достаточно времени. Но при этом он позволил всем СМИ узнать о своих намерениях.

— Я собирался подать его сегодня, — заявил Дикон с более плаксивым, чем обычно, голосом.

Судья хмыкнул и посмотрел на Рэндалла.

— Мистер Финч, вы понимаете, что пытается сделать сегодня ваш адвокат?

— Да.

— Вы обсудили это с ним досконально?

— Да.

— Вы понимаете, что если я решу принять ваше признание, тем самым вы подтвердите свое согласие на отказ от своего конституционного права на разбирательство в суде?

— Да.

Судья Гласс откинулся на спинку стула и провел пальцами по своим белоснежным волосам. Я даже мог представить, как в его голове вращаются колесики. Через пару минут он наклонился вперед.

— Мистер Диллард, если я откажусь принять это признание, то полагаю, вы немедленно подадите апелляцию?

— Именно так, судья.

— А если я приму это признание, то думаю, то же самое сделает мистер Бейкер?

— Совершенно верно, судья, — подтвердил Бейкер.

— Хорошо.

— Если уж мне совершать ошибку, то я выберу меньшее из зол. Я собираюсь отказаться принять признание мистера Финча. Вперед, мистер Диллард, подавайте апелляцию. Мы определимся с датой, когда узнаем, что думают по этому вопросу мудрецы из Верховного суда.

— Спасибо, — ответил я.

Не было никакого смысла спорить с ним. Я не ожидал, что судья Гласс позволит убийце ребенка избежать возможности смертного приговора, но это стоило того, чтобы просто посмотреть на выражение лица Дикона Бейкера. Я сообщил Рэндаллу, что немедленно подам апелляцию, и наблюдал за тем, как судебные приставы вели его обратно в изолятор. Заключенные в тюрьме сообщили шерифу, что если Рэндалл попадет в общую камеру, то не проживет и часа.

Поскольку Лили в скором времени закончит школу и уедет, то выступление этим вечером может оказаться моей последней возможностью посмотреть на ее танец. Кэролайн сказала мне, что поставила номер для Лили на песню о сексуальном насилии. Какая ирония, подумал я, учитывая мою ситуацию с Сарой и некоторые из вещей, которые Эрлин рассказывала мне об Энжел.

Лиричный танец был поставлен на песню Кристины Агилеры «Я в порядке». Лили начала танцевать с тех пор, как научилась ходить. Она была сильна в акробатике, степе, балете и джазе, но лирический танец, на мой взгляд, у нее получался лучше всего. Мне нравились плавные движения, переходы, изящные повороты.

Лили была в белом закрытом платье с длинными, наборенными на плече рукавами. Шифоновая юбка создавала иллюзию полного круга, когда Лили поворачивалась. Наклеенные стразы сверкали синими и золотыми искрами в свете прожекторов. Ее длинные каштановые волосы были зачесаны назад, и она плавно двигалась взад и вперед по сцене, словно порхала. Я был поражен изменениями в ее теле и уровне мастерства, произошедшими за последние шесть месяцев, с тех пор как я в последний раз имел удовольствие наблюдать за ней. Она уже больше не была девчушкой, превратившись в красивую, талантливую молодую женщину.

Я почувствовал, как мое сердце парит, наблюдая, как Лили превращает свое тело в мощную форму выражения. Движения ее длинных стройных рук прекрасно подчеркивали тонкие акценты музыки, ее ноги были сильными и гибкими. Я понял, что улыбаюсь. Лили была столь чистой и прекрасной. Мой ежедневный мир был полон жестокости, зла и уродства. Я так редко сталкивался с чем-то возвышенным, что в какой-то момент понял, что у меня кружится голова, по-видимому из-за того, что задержал дыхание. Пока слушал текст песни, понял, что хотела сказать Каролина. Песня была о девушке, которая взяла на себя вину и стыд за сексуальное насилие со стороны отца.

Когда танец закончился, я быстро пошел за кулисы и попросил другого танцора позвать Лили из раздевалки. Когда она вышла, я поцеловал ее в щеку.

— Спасибо, дорогая! Это было невероятно красиво!

— Папа, что с тобой?

— Ничего, — ответил. — Я чувствую себя прекрасно.

— Ты уверен?

Она поднялась на цыпочках, поцеловала меня в щеку и прошептала в ухо:

— В первый раз вижу, как ты плачешь.

16 июня

18:00

Я бы предпочел сосредоточиться на деле Энджел, но мне пришлось иметь дело с Мейнардом Бушем. Помимо Энджелы и, возможно, Рэндалла Финча, он был моим последним клиентом, который мог получить смертную казнь.

Судьей мне было поручено защищать Мейнарда в суде по уголовным делам округа Салливан, и начало судебного разбирательства стремительно приближалось. Судья также назначил молодого адвоката Тимоти Уокера из округа Картер в качестве моего помощника,

но вскоре выяснилось, что тот не справляется с Мейнардом. Я не мог винить его, но визиты в тюрьму остались за мной.

Мейнард являлся одним из самых страшных и опасных людей, которых мне было неприятно защищать. Его история была наполнена криминалом, насилием, и он провел большую часть своей сознательной жизни в тюрьме. Мейнард был хищником, который постоянно искал слабости и способ получить преимущество. Работа с ним напоминала игру в кошки-мышки. Проблема заключалась в том, что и я, и Мейнард хотели быть кошкой. В результате мы не ладили друг с другом.

В ходе судебного заседания, проходившего тремя неделями раньше, Мейнард неожиданно заявил судье, что я не выполняю свою работу, и что он хочет нового адвоката. Судья прекрасно знал, что Мейнард просто пытался отложить свой процесс, и ответил ему, что тот застрял со мной. Однако судья удовлетворил наше ходатайство об изменении места проведения суда. Он должен был состояться в июне в Маунтин-Сити. У меня оставалось всего четыре недели для подготовки, а Мейнард никак не хотел сотрудничать. Я договорился, что судебный психиатр осмотрит его, но он не захотел разговаривать с ним. Я нанял детектива, чтобы расспросить свидетелей и проверить факты. Когда я отправил того в тюрьму, Мейнард бесцеремонно пожелал тому исчезнуть. То же самое он сказал и эксперту по смягчению приговора.

Три недели я не ходил к Мейнарду. Отчасти потому, что был занят, отчасти, чтобы заставить его думать, будто сцена, которую он разыграл в суде, оскорбила меня. Основная причина, однако, заключалась в том, что всякий раз, когда я находился рядом с ним, моя кожа покрывалась мурашками.

Вскоре после восьми часов трое охранников отвели его в комнату для допросов в тюрьме округа Салливан. Хотя у меня был долгий день, но я больше не хотел откладывать разговор с Мейнардом.

Он был высоким. Годы злоупотребления метамфетамином и кокаином сделали его тощим, словно страдающим анорексией. Его черные волосы до плеч, которые он укладывал на пробор, были такими же темными, как и его глаза. Сам он был довольно смуглый. Я никогда не спрашивал его, но предположил, что в его венах течет индейская кровь. Возможно, Чероки или Чикассо. Его руки и тело были покрыты татуировками — замысловатые изображения, которые для людей, понимающих такие вещи, сообщали, что он являлся членом Арийского братства. Большинство белых заключенных были его членами: это помогало им остаться в живых. Татуировки на груди и спине Мейнарда представляли собой религиозные символы. На груди имелась татуировка с большим голубем и еще больший крест на спине. Я видел их, когда однажды охранники привели его без рубашки.

Сегодня Мейнард был одет в обычную тюремную робу, слишком широкую для него. Он сел и положил свои длинные тонкие пальцы на живот. Казалось, он легко мог протащить свои узкие запястья сквозь наручники, которые были прикреплены к цепи, обвинявшей его талию. Надзиратели закрепили кандалы на его лодыжках к ножкам стула, прикрученного болтами к полу. Мейнард даже не взглянул на меня.

— Привет, Мейнард, — начал я. — Как поживаешь с тех пор, как попытался устроить мне шоу в зале суда?

Молчание.

— Сегодня нам нужно поговорить о нескольких вещах. Конечно, если хочешь. Готов?

Нет ответа.

— Я принимаю это за «да». Во-первых, я хочу знать, почему ты не хочешь проходить психиатрическую экспертизу. Мейнард, я не утверждаю, что у тебя имеются психические проблемы. Просто хочу проверить, сможет ли врач найти что-нибудь, что поможет нам.

Мейнард сидел неподвижно, как изваяние. Я даже не был уверен, что он дышит.

— Я также хочу знать, почему ты не хочешь разговаривать с детективом и специалистом по смягчению. Они пытаются помочь. Разве ты не понимаешь?

Молчание.

— Я просмотрел все доказательства, включая твои прошлые записи. Как насчет откровенного разговора? Ты провел большую часть своей жизни в тюрьме. Убил свою первую жену, но тебе скостили срок, убил парня, который крутился вокруг твоей девушки. Был осужден, отсидел пятнадцать лет. Ты убил, по меньшей мере, двух человек в тюрьме, но избежал наказания за оба убийства. Как только тебя освободили, ты начал употреблять кокаин и амфетамины. Пока ты сидел на них, ты продавал, нюхал и курил все, что можно было достать. Теперь ты убил и вырезал двух подростков. Они могут доказать, что ты связал девушку и трахнул ее, прежде чем застрелил. Они извлекли семенную жидкость из ее влагалища. Тест на ДНК показал, что она принадлежит тебе. У них имеется кровь двух жертв, разбрызганная по всему арендованному тобой дому. У них также есть твоя подпись на договоре об аренде склада, где ты прятал тела. Очень умно! Разве ты не подумал о том, что через несколько дней они начнут пахнуть? Они нашли кровь ребенка и отпечатки пальцев на бензопиле, которую ты использовал, чтобы расчленить их. И еще много каких улик.

— Мне все равно.

— Так ли? Почему?

— Потому что я знаю, что совершил плохие вещи и заслуживаю смерти.

Я чуть не упал со стула. Я защищал людей, которые решили принять свою судьбу и наказание, но в случае возможного смертного приговора это было не так-то просто. Обвинение не могло ничего предложить Мэйнарду. Он изнасиловал, убил, расчленил молодую девушку и ее бойфренда. Кроме того, он был закоренелым преступником. Единственное, что они могли принять, — это Мейнард, виновный в двух убийствах и согласившийся со смертным приговором. Но я не собирался позволять ему это делать. Если государство хотело убить его, я должен был сделать все возможное, чтобы власти смогли доказать свою правоту. Я не мог привести его в суд и сказать:

— Ладно, мы отказываемся. Вы можете убить моего подзащитного.

Мы собирались отправиться в суд, хотел ли Мейнард этого или нет.

— Я ценю это, — сказал я, — но ты должен понимать, что мы все равно предстанем перед судом. Мейнард, мы только что изменили место суда. В Маунтин-Сити, по крайней мере, будет беспристрастный процесс.

— Не хочу, чтобы выступали свидетели, — заявил Мейнард. — Когда я предстану перед судом, я скажу, что совершил это преступление.

— Что, черт возьми, я должен делать?

Стоять там, как идиот?

— Просто сделай то, что в твоих силах. Бог позаботится обо всем остальном.

— Не поступай так со мной, Мейнард. Только не говори мне, что нашел здесь Господа. Я знаю, что он здесь, потому что все, находясь внутри, открывают его, но раз уж я защищаю тебя, ты должен мне немного помочь. Не отдавай все в руки Бога. Господь помогает тем, кто

помогает себе сам.

— Я хочу, чтобы ты сделал только одно, — сказал он, — и это не имеет никакого отношения к процессу.

— И что же?

— Только немного личного пространства.

— В смысле?

— Я переписывался с женщиной извне. Бонни Тейт. Понимаешь, мы с ней очень сблизились. Она заставила меня понять, что мне больше не нужно лгать, Бог простит меня и примет на небеса. Мне кажется, я влюбился, Диллард. Ты можешь в это поверить? Старина Мэйнард влюбился в женщину, которую никогда не встречал. Я даже написал ей несколько стихотворений. Но в этом-то и проблема. Эти чертовы охранники, просматривающие мою почту. Они прочитали мои стихи и показали их другим. С тех пор эти парни надо мной издеваются.

Не в первый раз я слышал, что охранники часто пытались унижить и смутить заключенных содержанием их писем.

Вероятно, Мейнард говорил правду.

— Что ты хочешь, чтобы я сделал?

— Не много. Они не посмеют вскрыть их, если я напишу «юридические вопросы» сверху. Так ведь?

— Не должны. Связь между клиентом и его адвокатом защищена законом, даже если клиент является заключенным.

— Я хочу отправить письмо Бонни в конверте на адрес твоего офиса. На конверте я напишу «юридические вопросы» и ниже ее инициалы. Когда оно прибудет в твой офис, тебе придется либо позвонить ей, чтобы она забрала письмо, либо переслать ей его по почте. Я дам ее номер телефона и адрес.

Я раздумывал над его словами. Все, чего он хотел, — это писать любовные письма, не унижая себя. Но потом я вспомнил, с кем имею дело.

— Извини, Мейнард, но я не могу этого сделать.

— Почему?

— Потому что это, вероятно, незаконно, а мне нравится жизнь на свободе. Если кто-то узнает, что я делаю, меня, естественно, посадят.

— Ну, ты можешь организовать свидание с ней?

Я организовывал посещение тюрем для многих клиентов. Эта просьба казалось разумной.

— Ну, уж с этим я справлюсь. Включи ее в свой список гостей.

— Диллард, знаешь, что я хочу тебе сказать? Когда мы встретились, ты мне не понравился. Я думал, что ты похож на всех других болтливых адвокатов. Но, по крайней мере, ты пытаешься поступать правильно. Ты приходил ко мне регулярно, и был со мной честен. Я не говорю, что хочу жениться на тебе или нет, но ты довольно приличный парень.

Я не знал, что сказать. Злой, жестокий, безжалостный социопат и убийца попытался убедить меня, что я ему понравился — и я подумал, почему.

— Могу я задать тебе вопрос? — сказал он наконец.

— Конечно.

— Диллард, как ты можешь заниматься такой работой? Она же тебе не нравится, не так ли? Почему ты защищаешь таких людей, как я?

Вопрос застал меня врасплох, и я откинулся на спинку стула. Я не хотел обсуждать свои мотивы и не желал говорить ему, что ухожу с этой работы, поэтому я спросил его:

— Зачем тебе это знать?

— Давай, Диллард, повесели старину Мейнарда. Как ты можешь браться за дела со смертным приговором?

— В большинстве случаев меня назначают. Но если ты хочешь знать, Мейнард, полагаю, что придерживаюсь простой философии. Правительство не может принимать законы, в которых запрещает своим гражданам убивать друг друга, а затем все переворачивать и убивать своих же граждан. По-моему, это лицемерие.

Мейнард усмехнулся.

— Диллард, ты хороший человек. Да, именно так.

— Возможно. А может быть и нет.

— Тогда ты позаботишься о визитах? — спросил он, когда я промолчал.

— Да, Мейнард. Я постараюсь.

Я подумал, это меньшее, что я могу сделать для человека, который вскоре будет приговорен к смерти.

16 июня

21:15

Когда я закончил с Мейнардом, было уже девять часов. На улице потемнело, но погода была ясной и теплой. Звезды мерцали в небе над автостоянкой. Я устал и хотел быстрее добраться домой, поэтому выбрал кратчайший путь по проселочной дороге, проходившей вблизи озера Бун. Пока ехал в автомобиле с открытыми окнами, я задумался над тем, как Энжел живет в тюрьме. Она была заперта там с убийцами, насильниками детей, наркоманами, ворами, проститутками и мошенниками. То же самое касается и Сары, но та тверда, как камень. Для молодой девушки это, должно быть, невероятно сложно. Я представлял себе, каково это — находиться целый день за решеткой, а в остальное время чувствовать, что с тобой обращаются, как с животным: выгуливают, насмеваются. А также, каково это чувствовать себя подвергнутым издевательствам и насмешкам со стороны других заключенных и охранников, подвергаться всевозможным физическим унижениям, не иметь абсолютно никакого личного пространства. А если она действительно была невиновной? Эта мысль заставила меня съежиться.

На полпути к дому я заметил свет фар в зеркале заднего вида. Машина приближалась довольно быстро. Я подумал, что надо бы отъехать в сторону и пропустить ее, но в этот момент я находился на узком участке с крутыми склонами и резкими поворотами. Справа от меня были зубчатые скалы, а слева, около десяти футов под дорогой, растянулось озеро.

В пятнадцати метрах от меня автомобиль резко врубил яркий свет фар так, что мне пришлось опустить зеркало заднего вида вниз, чтобы не ослепнуть. Я слегка притормозил и посмотрел в боковое зеркало. Машина буквально сидела у меня на хвосте.

Я начал осторожно нажимать на газ, чтобы увеличить расстояние, чтобы тот отстал от меня. Не получилось. Я дал по газам на резком повороте и почти потерял контроль, так как оказался на гравии. Когда мне удалось почти выровнять машину, тот врезался в меня.

— Ты пожалеешь, грязный сукин сын ...

Я нажал на тормоза и со скрежетом остановился на небольшом прямом участке. Под

сиденьем я всегда держал старую алюминиевую бейсбольную биту, и сейчас действительно хотел использовать ее против задницы, сидящей в машине позади меня. Я потянулся, чтобы вытащить ее, и почувствовал себя прямо-таки бэтменом, надеясь, что у того, кто бы там ни был, не окажется оружия.

С внезапным громким скрежетом мой автомобиль двинулся вперед. Я обернулся и взглянул в заднее окно, но из-за ослепительного света фар я не мог разглядеть машину. По силуэту автомобиля я мог бы предположить, что это был пикап гораздо больше моего, но яркий свет фар в темноте, окружавшей меня, не давал возможности как следует разглядеть ее цвет. Он начал толкать меня по дороге.

Я схватился за руль и резко нажал на тормоз, пытаясь удержать автомобиль прямо. Шины визжали, но другая машина медленно продолжала подталкивать меня к озеру. Я попытался повернуть руль вправо, но грузовик позади меня врезался бампером в левое заднее крыло и мой автомобиль развернуло. С каждой секундой я двигался быстрее, потеряв всякий контроль над машиной.

Через мгновение я почувствовал, как правое переднее колесо соскочило с насыпи. Машину развернуло почти на сто восемьдесят градусов. Я посмотрел на него и, наконец, увидел машину, которая толкала меня. Серебряный Додж. Затем правое колесо моего автомобиля лишилось опоры, и машина полетела вниз. Я врезался головой в руль и увидел вспышку яркого света в своих глазах. На мгновение у меня закружилась голова. Я слышал что-то вроде всплеска, может быть, взрыва, и я подумал, что я умираю ...

Затем наступила тишина и покой. Я почувствовал, как пальцы нежно ласкают лоб.

— Джо, — произнес голос. — Джо, дорогой, пора просыпаться. Давай, детка, тебе нужно встать.

Голос принадлежал Кэролайн.

Я пришел в себя от звука шумящего водопада. Было темно, и образ моей жены уже испарился. Я огляделся. Я завалился вправо, и что-то сжало мою грудь. Я поднял руку, чтобы понять, что это такое. Ремень безопасности. Мое лицо упиралось непонятно во что. Воздушная подушка. Мои глаза привыкли к темноте, и я вспомнил, что Додж столкнул мою машину с дороги. Я находился в озере, и тот звук, что я слышал, было не шумящим водопадом, а всплеском воды, прибывающей через приоткрытое окно. Когда я попытался расстегнуть ремень безопасности, машина начала выравниваться, и вода стала заливаться в окно и со стороны водителя.

— Я не собираюсь утонуть, — произнес я вслух. — Не в этом чертовом озере!

Я отстегнул ремень, выбрался из-под подушки безопасности и пробрался между двумя сиденьями. Вода мощным потоком окружала меня так, что было затруднительно выбраться. Я знал, что должен подождать, пока машина не утонет. Я лихорадочно огляделся. Фары все еще горели. Я заметил поднимающиеся пузырьки, пока машина погружалась в воду. Я снял туфли. Вода продолжала прибывать в салон.

А потом наступила темнота. Вода уже подступала по самое горло. Было так холодно, что мое дыхание чуть не остановилось. Я поднял лицо к потолку, и, когда вода полностью заполнила пространство салона, сделал глубокий вдох и просунул голову через окно со стороны пассажира. Машина затонула, и я на мгновения растерялся, не зная, куда плыть.

И тут я подумал о пузырьках в фарах. Они поднимались вверх, Джо! Следуй за ними! Я выпустил немного воздуха из легких и почувствовал, как пузырьки скользят по моему лицу. Оттолкнувшись ногами, я через несколько секунд вынырнул на поверхность. Было до жути

тихо, но луна давала достаточно света, и я смог разглядеть, в какой стороне находится берег. Я находился всего в двадцати футах от крутого скалистого берега, с которого меня столкнули. Я посмотрел вверх, чтобы убедиться, что там нет убийцы. Я знал, что это был Тестер-младший. Сейчас на обрыве никого не было.

Бун представляло собой горное озеро, а вода в нем была ледяной. Мои зубы начали выстукивать дробь, руки и ноги дрожали. Я поплыл к берегу, схватился за свободный куст и зацепился за камни. Я посидел там пару минут, отдышался и попытался успокоиться.

У меня не было серьезных ран. Ребра и грудь побаливали, но кости, по всей видимости, сломаны не были. Все мои суставы, казалось, были в рабочем состоянии, и у меня не возникло никаких проблем сжать пальцы в кулак. Я ощутил, что по моему лицу стекает что-то теплое и прикоснулся проверить. Кровь шла из пореза над левым глазом. Место было нежным и уже стало отекает, но я не думал, что травма серьезная. Я посмотрел на берег и понял, как далеко упала машина. Мне повезло, что я остался жив.

Мне потребовалось десять минут, чтобы подняться по скалистому склону к дороге. Я потерял несколько минут, отсиживаясь в кустарнике. Несколько машин проехали мимо, но я боялся встать и попытаться их остановить, потому что испытывал страх, что Тестер-младший может вернуться. Наконец, я набрался мужества встать и пойти по асфальтированной дороге. Я знал, что до дома мне идти около мили. Я сильно пожалел, что избавился от обуви.

Пока я шел по дороге в хлюпающих носках и со стекающей по моему лицу теплой кровью, я задался вопросом, что если Младший решил, что ему все же удалось убить меня. А что насчет Кэролайн и Лили? Неужели он настолько сумасшедший, чтобы напасть на них? Мое сердце чуть не выпрыгнуло из груди. Я побежал.

Спустя какое-то время я добрался до фермы, расположенной примерно в ста метрах от дороги. Почти во всех окнах горел свет. Когда я поднялся по ступенькам, я осмотрел себя и увидел, что моя рубашка пропитана кровью. Я задался вопросом, как они встретят меня - незнакомца с рубашкой в крови, без обуви, но с галстуком.

Я постучал. Внутри залаяла мелкая собачка, и через некоторое время за стеклом у двери появилась женщина лет семидесяти. Она отодвинула оконную занавеску и посмотрела на меня через овальные очки. Ее седые волосы были стянуты в тугий пучок. В ее глазах отразился ужас. Должно быть, я выглядел еще хуже, чем себе представлял.

— Что ты хочешь? — прокричала она через дверь.

— Я попал в аварию, — ответил я. — Мне необходимо воспользоваться вашим телефоном.

— Ты пьян?

— Нет, мэм.

Она внимательно оглядела меня сверху донизу.

— Промокший насквозь. А где же обувь?

— В озере, — сказал я. — Моя машина упала в озеро. Мне пришлось искупаться.

— Тыть загнал свою машину в озеро? Что за глупости таковые?

— Я не хотел этого делать, мэм. Несчастный случай. Пожалуйста, просто принесите мне телефон к двери. Я буду вам очень признателен.

— Кровь бежит, как у раненой свиньи.

— Знаю. Я ударился головой.

— Как тебя зовут?

— Диллард. Джо Диллард.

— Диллард? Ты имеешь какое-то отношение к Хобби и Рине Диллард из Сулфур-Спрингс?

— Я так не думаю. Пожалуйста, мэ, у вас имеется телефон? Могу ли я воспользоваться им?

— Ну, — сказала она, подумав немного, — ты не похож на бандита.

Она открыла дверь и я вошел. Вероятно, надо было сказать спасибо за это галстуку.

16 июня

23:00

Я позвонил Кэролайн из дома женщины в горах, и они с Лили приехали забрать меня. Лили заплакала, как только увидела меня. После того, как я сел в машину и ситуация немного успокоилась, я рассказал им, что случилось, и кто, по-моему мнению, столкнул меня в озеро.

— Что ты собираешься делать? — спросила меня жена.

— Я не знаю. Думаю, начну со звонка в полицию.

На мобильном телефоне Кэролайн я набрал 911- мой остался в машине на дне озера. Я сообщил диспетчеру, что случилось, и что я направляюсь в больницу. Она сказала, что направит туда кого-нибудь.

Поскольку нападение произошло в округе, то данное преступление находилось в юрисдикции Управления шерифа округа Вашингтон. Когда доктор зашивал мою разорванную бровь, пришел детектив и встал рядом с кушеткой.

Мои травмы состояли из ушиба грудной кости, нескольких поврежденных ребер и пятисантиметрового пореза над левой бровью. Врач закрыл мой левый глаз, пока зашивал, поэтому своим правым глазом я мог разглядеть детектива, которого отправили поговорить со мной. Его звали Сэм Уайзман. Он был ростом под два метра и, вероятно, весил около двухсот килограммов. Кроме того, он был не приветлив и даже не потрудился скрыть, что я ему не нравлюсь. Причиной этой неприязни являлся ответчик, которого я защищал несколько лет назад. Группа подростков разгромила баптистскую церковь. Они разбили все стекла, по всему святилищу разлили краску и разбросали горчицу, а также все то, что смогли отыскать. Ущерб составил пятьдесят тысяч долларов. Сэм взялся за это дело, и к несчастью для моей клиентки, 15-летней девочки по имени Делорес МакКинни, церковь, которую они разрушили, оказалась церковью, в которую Сэм ходил каждое воскресенье со своей матерью.

Сэм настаивал на том, чтобы все участвовавшие в нападении несовершеннолетние были задержаны и помещены в тюрьму, как минимум на год. Такое требование я считал необоснованным, так как моя клиентка была хорошей ученицей, у нее не было никаких приводов, и она призналась во всем и раскаялась, а ее родители были готовы возместить часть ущерба церкви. Девочка признала себя виновной в вандализме, и я нанял психолога для участия в слушании при вынесении приговора. Узнав о том, сколько дети выпили, и услышав, что они похитили выпивку и таблетки у своих родителей, а также заявление психиатра о давлении сверстников и бандитском менталитете, судья приговорил всех к испытательному сроку. Сэм обвинил в этом меня.

Пока я лежал на кушетке, я рассказал о произошедших событиях Сэму, в том числе, и о сыне Тестера и о том, что произошло в зале суда после обвинения Энджелы. Проблема

заклучалась в том, что я, в действительности, не видел человека, управлявшего машиной. Я даже не знал номера машины.

— Я не смогу получить ордер на арест на основании того, что вы рассказали.

— Знаю.

— Я могу узнать, где он живет, и спросить шерифа, разрешит ли он мне поговорить с ним завтра.

— Я сомневаюсь, что он в чем-то признается.

— На его машине могут быть повреждения, но вы знаете, это будет очень сложно доказать. Если вы захотите обвинить заместителя шерифа в том, что он сделал что-то настолько безумное, вам понадобятся нечто большее, чем просто подозрения.

— Понимаю.

Сэм закончил писать свои заметки и грубовато сказал, что позаботится о том, чтобы моя страховая компания получила копию его отчета. Доктор закончил зашивать рану, и мы с Кэролайн и Лили выйдя, направились домой в полной тишине.

— Что ты собираешься делать? — спросила Кэролайн через десять минут.

— Я не решил. Но ты и Лили должны быть вдвойне осторожны. Ты понимаешь это? Возможно, неплохо было бы уехать отсюда на несколько недель.

— Я не позволю какому-то ублюдку выгнать меня из моего дома, — сказала Кэролайн.

— Кэролайн, этот парень опасный безумец. Неужели тебе ничуть не страшно?

— Да, немного. Но если он решит войти в дом, Рио съест его живьем, ... если ему удастся справиться с Рио, у меня имеется отличный рейнджер, который позаботится обо мне.

— Сегодня вечером он почти взял вверх над твоим большим и сильным рейнджером.

— Но он не сделал же этого? Мой рейнджер выжил и готов снова сражаться.

Когда мы вернулись домой, уже была полночь, у меня все болело, и я был уставшим. Лили была очень расстроена, поэтому я предложил ей лечь в нашу постель. После того как мы убедились, что Лили заснула, я снова проверил, закрыты ли все двери и окна. Кэролайн сидела на диване в кабинете, и я наклонился и опустил голову ей на колени.

— Ты спасла мою жизнь сегодня, — сказал я, пока она поглаживала мне лоб.

— Правда? Как?

— Когда машина упала, я ударился головой о руль. Я потерял сознание, но голос продолжал говорить мне, что я должен проснуться. Это был твой голос. Ты разбудила меня прямо перед тем, как я начал тонуть.

Она наклонилась и нежно поцеловала меня.

— Я всегда буду рядом, когда понадобится, дорогой. Всегда.

Я закрыл глаза, и с полевкусием ее поцелуя мне каким-то образом удалось заснуть.

17 июня

00:00

Утром я был настолько разбит, что едва смог встать с кровати, поэтому весь день провел дома, глядя в окно, тревожась и задаваясь вопросами. Незадолго до полудня я связался с Джеком, но ничего не сказал ему о Тестере-младшем. Его пригласили поиграть этим летом в бейсбольной команде Мартинсвилля в Лиге Прибрежной долины, и это был

счастливым момент в его жизни. Он рассказал, что все еще отлично бьет по мячу и что поговорил с несколькими искателями молодых талантов. Я пообещал ему, что найду время приехать и посмотреть, как он играет.

В четырнадцать тридцать мне позвонил Сэм Уайзман и сообщил, что связался с департаментом шерифа округа Кок и узнал, что Тестер-младший взял недельный отпуск.

— Я позвонил ему домой, но никто не взял трубку, — сказал Сэм.

— Ты планируешь съездить туда?

— Я поговорил об этом с боссом. Он сказал, что, раз ты не видел водителя и номер машины, то это будет пустой тратой времени.

— А что если передняя часть его машины повреждена, о чем я рассказал вам еще в больнице? Что если на нем окажется краска того же цвета, что и на моем автомобиле?

— Вы же знаете про нашу ситуацию. У нас есть только пять детективов на три смены. Мы работаем над серией краж со взломом, и босс хочет, чтобы я занимался этим. Он сказал, что не может позволить мне гоняться непонятно за кем в округе Кок, так как вряд ли удастся закрыть это дело.

— Просто чудесно, Сэм. Как насчет моей семьи?

— А что насчет семьи?

— Разве вы не можете выделить сотрудника присмотреть за ними? По крайней мере, на несколько дней.

— У нас не хватает даже патрульных. Кроме того, вы ..., — он затих, не закончив фразу, но его тон насторожил меня.

— Что еще, Сэм?

— Ну ... у вас мало друзей, знаете ли. Не многие здесь готовы приложить усилия, чтобы помочь вам.

— Значит, вы говорите мне, что офис шерифа не поможет мне, потому что я адвокат?

— Я говорю, что у нас всего пять детективов, охватывающих три смены, и что у нас недостаточно патрульных для защиты вашей семьи. Кроме того, у нас много других дел, и вы обвиняете полицейского в серьезном преступлении без реальных доказательств. Боюсь, но я ничем не могу помочь.

— И что же мне теперь делать? Ждать, пока он вернется?

— Может, стоит купить пистолет?

— У меня уже имеется оружие. Я надеялся, что вы сделаете хоть что-нибудь, чтобы мне не пришлось его использовать.

— Сожалею. Как я уже сказал, мы ничем не сможем помочь.

— Спасибо, Сэм. Благодарю за все.

Я повесил трубку, вошел в кабинет и сел за компьютер. Я был сердит, как никогда в жизни. У меня не заняло много времени найти адрес и номер телефона Тестера-младшего в интернете. С помощью Мэпквеста (*прим.пер. MapQuest - американский картографический сервис. Принадлежит компании AOL.*) я даже проложил маршрут к его дому. Распечатав схему маршрута, я запомнил номер телефона. Мне легко удавалось запоминать цифры. Стоило только цифре попасть в мою память, она оставалась там навсегда.

Я провел остаток дня, прокручивая различные ситуации, с которыми мог бы столкнуться, планируя сделать то, что намеревался.

В 23:30, когда все вечерние дела были завершены, и Лили снова легла спать в нашей

комнате, я попросил Кэролайн немного задержаться на кухне. Я рассказал ей о ее разговоре с Сэмом Уайзманом и о том, что полиция нам не поможет. Наконец, я глубоко вздохнул и сказал:

— Я собираюсь отправиться туда.

— Куда.

— В Ньюпорт, чтобы найти Тестера-младшего.

— Когда?

— Сегодня же.

— Нет, ты никуда не поедешь.

— Поеду.

— Нет. Ни в коем случае.

— Кэролайн, я поеду. Ты не можешь меня остановить.

— И что ты планируешь сделать, когда найдешь его? — ее голос звенел от напряжения и она встала. Назревала буря.

— Я не знаю, но не могу просто сидеть. Полиция и пальцем не пошевелит, поэтому я должен обо всем позаботиться. Садись и поговорим. Постарайся мыслить разумно.

— Разумно? Ты сказал «разумно»? Ты хочешь уехать посреди ночи и отправиться неизвестно куда, в дом какого-го сумасшедшего. И ты предлагаешь мне мыслить разумно? Ты такой же сумасшедший, как и он!

Я встал и направился в спальню. Кэролайн пошла за мной.

— Джо, он полицейский! У него будет пистолет, понимаешь?

Я слышал такой тон всего несколько раз за все годы, прошедшие с тех пор, как мы были вместе.

— Тише! Лили спит.

— Нет не «тише»! Лили, проснись! Твой отец сошел с ума! Давай, поцелуй его, потому что ты можешь его больше не увидеть!

Лили шевельнулась и что-то пробормотала, но она спала так крепко, что и ураган ее бы не разбудил.

— Не впутывай ее в это, — сказал я.

Я подошел к шкафу и вытащил черные джинсы, темно-синюю толстовку с капюшоном, старую солдатскую обувь и черную вязаную шапку. Затем я направился на кухню и начал одеваться. Кэролайн вертелась вокруг меня, как вертолет.

— Я должен что-то сделать, — заявил я, сняв рубашку. — Иначе до конца жизни нам придется жить оглядываясь. Подумай, Кэролайн, подумай о том, что он сделал: следил за нами, преследовал тебя, последовал за мной и столкнул мою машину в озеро. Он пытался убить меня. Что мне делать? Просто сидеть и дать ему еще один шанс? Я уверен, что он попробует снова, когда узнает, что я выжил. Может быть, в следующий раз он попытается убить тебя. Или Лили. Черт, он может даже подождать, пока у него не появится возможности убить нас всех. Как говорится, три в одном.

— Меня это не волнует, Джо. Я...

— Нет, волнует. Потому что ты любишь меня и Лили, и ты хочешь жить. И как бы ты ни считала, что мы должны вести себя цивилизованно, независимо от того, что ты хотела бы подойти к этому вопросу рационально, всегда наступает момент, когда лучший способ — реагировать на насилие насилием. Иногда это единственный путь.

— Значит, ты собираешься навредить ему?

— Я не планирую убивать его, но он не будет рад встрече. Я хочу объяснить ему, что если он совершит что-то плохое в отношении любого из нас, то будут последствия. Я должен показать ему, что готов пересечь ту черту, которую пересек он.

— Я поеду с тобой.

— Нет. Ты должна остаться с Лили. Мы не можем оставить ее здесь одну. Обещаю держать тебя в курсе. Я ...

— Нет, Джо. Все это слишком странно.

Я посмотрел ей прямо в глаза.

— Ты знаешь, что я люблю и уважаю тебя, но ...

— Не надо меня опекать.

— Я не опекаю. Я просто сообщаю, что уезжаю. Ты можешь ругаться сколько угодно. Можешь звонить в полицию, мне все равно. Я принял решение, Кэролайн, и я еду.

Она медленно вздохнула.

— Ты все хорошо обдумал?

— Конечно, я все просчитал. — Я присел на стул и стал зашнуровывать ботинки — Я размышлял над этим весь день, и, честно говоря, понятия не имел, что произойдет, когда доберусь туда. Может, ничего и не случится.

— Я слишком молода, чтобы становиться вдовой.

— И я слишком молод, чтобы сделать тебя ею.

Я встал и взял зажигалку из ящика и бутылку воды из холодильника. Затем открыл бутылку и вылил воду в раковину, потом завинтил крышку и пошел в гараж. Около стены стоял старый деревянный мушкет — я привез ее несколько лет назад из поездки на Грантатар-Маунтин в Северной Каролине. Он была около метра в длину и твердый, как сталь. Я взял его в руки и огляделся. Кэролайн стояла у двери и смотрела на меня.

— Мне нужен твой мобильный телефон.

— Зачем?

— Затем, что мой находится на дне озера Боун. Принеси его, пожалуйста.

Она вошла в дом и через мгновение вернулась, бросив мне свой телефон.

— Ты берешь его, чтобы стрелять? — спросила она.

— Если все пройдет хорошо, у меня не будет повода стрелять.

— Иногда все идет не так, как планируешь. Кстати, о плане, он у тебя есть?

— Вроде того.

— Как это?

— Ты не захочешь этого знать.

— Захочу.

— Поверь, не захочешь.

Я подошел к 10-литровой канистре с бензином для газонокосилки и наполнил бутылку.

— Ты собираешься бросить в него в коктейль Молотова, да? — спросила Кэролайн.

— Не совсем.

— Тогда для чего бутылка?

— Отвлекающий маневр, если понадобится. Или приманка.

Последнее, что я взял — был маленький фонарик с полки в гараже. Рио следовал за мной по пятам повсюду, поскуливая. Он знал, что я куда-то направляюсь, и не хотел пропустить веселье. Я бросил оружие, пластиковую бутылку с бензином и фонарик на пассажирское сиденье Хонды Кэролайн и закрыл дверь.

— Держи Рио поблизости, пока меня не будет, — сказал я. Кэролайн все еще стояла у двери со сложенными на груди руками. — Оружие на предохранителе, я оставил его за дверью спальни. Ты знаешь, как им пользоваться.

Она вцепилась зубами в свой кулак, я увидел слезы в ее глазах.

— Я хочу пойти с тобой. Не могу сидеть здесь и ждать. Когда ты вернешься, я сойду с ума.

— Все будет хорошо, — сказал я. — Не волнуйся.

— Да, конечно.

— Я должен это сделать.

— Нет.

— Я могу постоять за себя, Кэролайн. — Я подошел к двери и обнял ее. — Как только закончу, позвоню тебе домой. Пожалуйста, не звони мне. Не хочу волноваться из-за того, что мобильный зазвонит не вовремя.

— Вернись к четверем, — сказала она. — И смотри, чтобы остался целым и невредимым.

— Ты говоришь, как моя мать.

Я поцеловал ее и сел в машину.

Дом Тестера-младшего располагался почти в ста километрах отсюда. Пока я ехал по шоссе №81 к Ньюпорту, я перебрал в уме различные варианты. Чем больше я думал об этом, тем больше понимал, что Кэролайн права. Я собирался сделать что-то сумасшедшее и опасное. Пока у меня не было четкого плана, и я не знал, как смогу подобраться к нему, если он окажется дома. Время уже перевалило за полночь, поэтому я не мог просто постучаться у дверь. После его попытки убить меня, у него, наверняка, паранойя. И, если я заявлюсь сейчас, то, вероятнее всего, он откроет дверь с пистолетом в руке. И что еще хуже, я ничего не знал о его доме, окрестностях, была ли у него собака... Черт. Я ничего не знал. Когда я был рейнджером, то участвовал в нескольких разведывательных миссиях, где моя задача состояла в оценке сил и позиций противника, чтобы командиры знали, с чем им предстоит столкнуться. Было бы неплохо иметь такую информацию перед тем, как отправиться к Тестеру-младшему, но мне предстояло действовать вслепую.

За окном быстро пролетали километры, а я в своей голове мысленно вел спор между Кэролайн и собой.

«Поверни и возвращайся домой. Тебя могут убить.»

«Он пытался тебя убить, преследовал твою жену.»

«Следующими могут оказаться твои дети. Полиция и пальцем не пошевелит.»

Я продолжал ехать.

Через час я был в Ньюпорте, небольшом городке, поэтому мне понадобилось всего несколько минут, чтобы найти дом Тестера-младшего который находился приблизительно в километре за пределами города. Меня порадовало, что место было относительно уединенное, и ближайший дом находился, по крайней мере, в ста метрах.

В первый раз я проехал мимо его дома очень медленно. В начале подъездной дорожки находился черный почтовый ящик с кривоватой надписью «Тестер». Небольшой фермерский кирпичный дом расположился на прямоугольном запущенном участке с соснами. Нигде не было видно света, в том числе и доме. Одна из двух небольших хозяйственных построек напоминала гараж. После того как я сделал первый осмотр территории, я проехал еще

немного по дороге, развернулся и осмотрелся еще раз. Я подумал, что Тестер-младший так же проезжал мимо моего дома, чтобы преследовать Кэролайн. Теперь настала моя очередь.

В восьмистах метрах от дома был многоквартирный дом, и я припарковал машину на стоянке перед ним. Я взял мушкет, бутылку, фонарик, и пошел. Улицы были пустынные. Температура воздуха была около десяти градусов, луна почти взошла. Было бы здорово, если на небе были облака, рейнджеры научили меня использовать тени. Они научили меня становиться невидимыми во всех местностях и условиях, а также обучили использованию элементу неожиданности в засаде и множеству приемов рукопашного боя. Если б только мне удалось неожиданно застать его и добраться до него, я знал, что смогу справиться с Тестером-младшим.

Я добрался до дома и двигался в тени сосен к задней части участка. Я продвигался по местности, выискивая свет в доме или хоть какие-то признаки человеческого присутствия. Ничего. Из того, что мне сообщила Дайана Фрай, я знал, что у Тестера-младшего нет жень или детей, но у меня не было уверенности насчет собаки. Я почувствовал облегчение, когда никто не отреагировал на мое появление. Я вышел из тени деревьев и направился в сторону гаража. Он был достаточно большим для одной машины, и был пуст. Другое здание, находившееся с домом, оказалось сараем для хранения, где лежали инструменты и кучи различного барахла, которое можно было использовать в качестве топлива для небольшого костра. Я прокрался к задней части дома и постоял несколько минут, прислушиваясь. Внутри было тихо.

Я обошел дом, пытаясь что-то разглядеть в окнах. Ни радио, ни телевизор не работали, нигде не было света. Ничего. Когда я вернулся к задней двери, то медленно поднялся по бетонным ступенькам и повернул дверную ручку. Дверь была не заперта. Я замер на несколько секунд, раздумывая, следует ли входить и добавлять взлом и проникновение в чужое жилище в список совершенных мной преступлений. Я решил не делать этого. Если Тестер-младший находился внутри, мне следовало вытащить его. Пришло время воплотить в жизнь мой «план».

Я направился к сараю и вошел в него, зажег фонарик, схватил несколько тряпок и одну или две доски, выключил фонарик и вышел. Я сложил тряпки и доски примерно в трех метрах от сарая, место видное от задней двери. Затем достал мобильный телефон Кэролайн, включил его и набрал номер. Менее чем через десять секунд в доме раздался звонок. Один. Два. Три. Четыре.

В одном из окон загорелся свет. Я быстро вылил на тряпки и деревяшки бензин из пластиковой бутылки, сделал небольшую дорожку и щелкнул зажигалкой. Куча вспыхнула со свистом моментально.

Восьмой гудок. Девятый.

Я побежал обратно к дому и присел на корточки у заднего крыльца.

Ответь на звонок! Возьми трубку!

Десятый гудок.

Наконец, в мобильном раздался щелчок.

— Алло?

— Тестер, — сказал я, — Похоже, что твой сарай горит.

— Что? Кто звонит?

— Похоже, твой сарай в огне. Я звоню в пожарную часть.

Я закончил разговор, сунул телефон в карман и стал ждать. Через секунду я услышал

быстрые, тяжелые шаги в направлении задней двери. Я встал и прижался спиной к стене дома.

«Выйди на улицу. Пожалуйста, выйди на улицу!»- мысленно просил я.

Я услышал, как повернулась дверная ручка, и дверь открылась. В полутора метрах от меня обозначился силуэт мужчины. Это был он.

— Что за черт...? — пробурчал Тестер-младший.

Он начал спускаться по ступенькам. Как только он ступил на землю, я схватил оружие обеими руками и оторвался от стены. Я опустил на одно колено и со всей силы ударил ему по ногам. Послышался громкий треск, когда удар пришелся на его голень. Он взвыл и упал на колени.

Я отбросил оружие и напал на него. Мне удалось сзади обхватить его шею и навалиться на спину. Я стал его душить, сдавливая горло, что есть силы. Он попытался вырваться. Тогда я обернул ноги вокруг его тела и потянул его назад на себя.

Он попытался дотянуться до моего лица, но чем больше он сопротивлялся, тем сильнее я сжимал горло. Примерно через пятнадцать секунд его сила начала ослабевать.

— Хорошо, что я умею плавать, — я тихо произнес ему в ухо.

При звуке моего голоса он напрягся.

— Видишь, насколько это просто? — сказал я, немного ослабив хватку. — Если ты еще хоть раз приблизишься ко мне или к кому-нибудь из моей семьи, клянусь, я убью тебя. Твой труп никогда не найдут.

Я снова сжал его горло, и он потерял сознание. Как только я почувствовал, что тело обмякло, я отпустил его и начал обыск. Передняя часть его пижамы оказалась мокрой, и я почувствовал запах мочи. К моему удивлению и большому облегчению, моя хитрость сработала лучше, чем я надеялся. Пистолета у него не было. Я поднял оружие и сел ему на грудь.

Минуту спустя он открыл глаза и увидел, что я оседлал его. Я прижал коленями его плечи к земле и крепко прижал мушкет к его горлу. Он смотрел на меня с той же ненавистью, которую я видел в суде.

— Считаю тебя, живым, дышащим запретительным ордером, — сказал я. — Никогда больше не приближайся ко мне и моей семье. Понял?

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Он начал тяжело дышать и его голубые глаза выглядели так, словно сейчас выскочат из орбит. Он походил на вулкан, готовый взорваться от ярости.

— Ты забрал у меня отца! — закричал он.

Что? Я забрал у него отца? Станный комментарий удивил меня.

— Я ничего не сделал твоему отцу.

— Ты сказал людям, он был в том ужасном месте! Ты говорил, что он потонул в грехе! Я слышал тебя в зале суда.

— Я сказал людям правду. Твой отец взял деньги, полученные от проповеди и потратил их в стриптиз-клубе.

— Лжец! Богохульник!

Он попытался подняться, но я сильнее надавил на мушкет на его горле, перекрывая дыхание. Он снова замер, и вдруг ко мне пришло осознание. Выражение его лица, нелепый комментарий, боль в голосе, сказали мне, что я разрушил мощный образ отца. Что сказала Диана? Он боготворил своего отца.

Слова, которые я произнес в суде, по-видимому, оставили зияющую рану в его душе, и рана нагноилась.

Я надавил на оружие и наклонился к нему поближе.

— Твой отец не был тем, кем ты его считал. Я в этом не виноват. И я не забирал его у тебя — он сделал это сам. Запомни, что я сказал. Если еще раз приблизишься ко мне, то присоединишься к своему отцу. Я пристрелю тебя на месте.

Он сузил глаза и взглядом впился в меня.

— Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла....

— Закрой рот! — рявкнул я с такой силой, что обрызгал его слюной.

Я схватил Тестера за подбородок левой рукой, повернул голову в сторону и сильно надавил на сонную артерию. Пятнадцать секунд спустя он снова был без сознания. На мгновение я представил себе, как я разношу его череп. Если убить его, то больше не придется о нем беспокоиться. Но я не смог бы этого сделать. Я встал, повернулся и побежал прочь.

Полчаса спустя, управляя машиной в темноте и тишине, гнев и возбуждение от того, что произошло, вместе с адреналином, начали утихать. В своем воображении я представлял, как голова Тестера-младшего взрывается, когда я бью его мушкетом, и от этой фантазии я ощутил удовлетворение. Я вспомнил запах мочи и его затрудненное дыхание на моем лице. Меня начало трясти, и вскоре я дрожал так сильно, что мне пришлось свернуть на обочину дороги и остановиться.

Что я только что сделал? Посреди ночи явился в дом к человеку, напал на него, угрожал, и даже подумывал об его убийстве. Мысли не давали мне покоя:

«Но он пытался убить тебя».

«Это не имеет значения, и ты это знаешь. Ты не убийца. Сколько людей ты защищал, совершивших что-то глупое и жестокое, потому что они думали, что это правильно? Будь разумен».

Я думал о его взгляде, пока сидел верхом на нем. Я хотел напугать его так сильно, чтобы он оставил меня и мою семью в покое, но этот взгляд, этот злой, наполненный болью, безумный взгляд сказал мне, что я потерпел неудачу. Он не боялся меня. Либо он слишком ненавидел меня, чтобы бояться, или просто был совершенно сумасшедшим. Пока я пытался унять дрожь, я взглянул на себя в зеркало заднего вида.

— Кэролайн была права — громко сказал я вслух. — Ты такой же сумасшедший, как и он.

23 июня

9:20

Голова агента Ландерса раскалывалась, болели спина и плечи. Маленькая чирлидирша из колледжа, с которой он развлекался всю прошлую ночь, оказалась более спортивной, чем он себе представлял. Не то чтобы он ее запомнил. Причина заключалась в том, что он выпил почти целую бутылку «Джим Бима».

Ландерс сидел за столом, перебирая коробку с вещественными доказательствами по делу Энджел Кристиан. Позже он должен был встретиться с Джо Диллардом, который имел право ознакомиться с вещественными доказательствами. Ландерс не пошел бы в офис Дилларда, а адвокат не пришел бы к нему, поэтому они договорились встретиться в одном из

залов в здании суда сегодня днем.

Ландерс волновался из-за этого дела. Дикон Бейкер предъявил обвинение девушке без достаточных доказательств, надеясь, что либо она признается сама, либо свалит все на Эрлин Барлоу. Но она не сделала ни того, ни другого, и теперь ее интересы представлял Диллард. Диллард был еще той сволочью, но знал свое дело. Ландерс подозревал, что они с Диконом скорее всего проиграют дело, и с учетом того, что судья Грин назначил суд за пару недель до выборов в августе, все могло только ухудшить ситуацию. Если Дикон проиграет это дело, то, вероятнее всего, проиграет и выборы.

Ландерс не беспокоился о Диконе, но он долгое время был в игре и знал, что дерьмо всегда тянет за собой вниз. Если они проиграют дело, прокурор немедленно начнет искать виновных. И так как именно Ландерс проводил расследование, Дикон обвинит его в первую очередь. Прокурор стал бы говорить всем подряд, что это вина Ландерса, и что именно он убедил его предъявить обвинения против Энджел без достаточных доказательств. Если это произойдет, то Ландерс может попроситься с шансом на повышение, когда его босс, наконец-то, уйдет в отставку.

Только он взял в руки фотографию Энджелы с синяком на лице, как раздался звонок от секретаря.

— Звонит человек, который утверждает, что у него имеется информация по убийству Тестера, — сказала она.

Ландерс нажал на мигающую кнопку линии.

— Это кто?

— Меня зовут Вирджил Уотерсон. У меня имеется информация, которую вы можете использовать.

— Какая информация?

— Насколько я понимаю, часть человеческого тела была обнаружена возле моста Пикен? Не так ли?

Пустой звонок. Какой-то извращенец хочет поговорить о члене мертвого проповедника.

— Так. И что?

— Около часа ночи в день убийства я ехал по мосту. Где-то на его середине стояла машина. Когда я подъехал ближе, то увидел женщину, стоящую возле перил. Возможно, она что-то бросила в воду.

Что это? Свидетель? Где он был до сих пор?

— Вы ее рассмотрели?

— Да! Ее машина находилась на противоположной от меня полосе, и она возвращалась к ней. Она попала в свет моих фар. Женщина средних лет, одета в пиджак с каким-то звериным принтом, и на ней были такие обтягивающие брюки, которые я никогда не видел. Ярко-рыжие волосы.

Эрлин Барлоу. Это должно быть она. Ландерс начал делать заметки.

— Вы узнаете ее, если увидите снова?

— Наверное.

— А машину? Сможете?

— Да, сэр. Мост узкий, поэтому мне пришлось притормозить, чтобы проехать мимо нее. Это был Корвет. В отличном состоянии.

— Вы рассмотрели номер машины?

— Нет. Простите.

— А цвет?

— Было темно, но я почти уверен, что она красного цвета.

— Кто-нибудь еще был на мосту?

— Не было ни души.

— А кто-нибудь сидел в машине?

— Я не заметил.

— Почему вы не позвонили сразу и не рассказали нам об этом, мистер..., как вы сказали, вас зовут. Уотерсон?

— Да. Вирджил Уотерсон. Боюсь, ситуация немного неловкая.

— Неловкая?

— Не хотелось бы, чтобы это выплыло наружу.

— Почему?

Голос мужчины стал тише, как будто он не хотел, чтобы его услышал кто-то рядом.

— Из-за моей жены. Я женатый человек.

— И что?

— Я был в командировке и вернулся немного раньше. Я направлялся кое к кому.

— И к кому?

— Я бы предпочел об этом не говорить.

В голове у Ландерса раздался сигнал.

— Значит, вы вернулись из командировки раньше и собирались навестить какую-то другую женщину?

— Ну ...

— И вы собирались вернуться домой только на следующий день.

— Совершенно верно.

— А потом вы узнали об убийстве и сложили два плюс два.

— Точно.

— Понимаю, — сказал Ландерс. — Так почему же вы вдруг передумали? Почему позвонили сейчас?

— Я все время об этом думаю. Каждую ночь мне снится эта женщина на мосту. Боюсь, вы, возможно, арестовали не того человека. Моя совесть просто не может этого вынести.

Ландерс откинулся на спинку стула и потер лоб тыльной стороной ладони. В его висках нарастало давление.

— Мистер Уотерсон, есть еще что-нибудь, что вы хотели бы мне рассказать?

— Не думаю.

— Готовы ли вы дать письменные показания, если понадобится?

— Да, при необходимости.

— Согласны ли вы дать показания в суде?

— Я бы предпочел этого не делать.

Ландерс записал адрес и номер телефона Уотерсона и сказал, что позвонит ему. Если Уотерсон говорил правду, возможно, Эрлин Барлоу вполне могла бросить интимную часть преподобного Тестера в озеро. Возможно, вместе с пистолетом. Ландерс записал себе напоминание, что нужно позвонить в офис шерифа, чтобы повторно обыскать озеро под мостом. Они уже сделали это, когда кошка нашла член, но ничего не нашли.

Поскольку Уотерсон утверждал, что женщина на мосту была одна, то, возможно в это время Энджел Кристиан либо все еще находилась в клубе, либо Эрлин уже отвезла ее к себе

домой. В любом случае, она, вероятно, вывела ее из игры, по крайней мере, до убийства. Эта глупая задница Дикон Бейкер! Ландерс сказал ему, что он торопится. Он же предупредил его, что доказательств недостаточно. И вот теперь Уотерсон, вероятно, оказался прав — они арестовали не того человека

Ландерс сидел и думал, что ему делать дальше. Он мог получить письменные показания от Уотерсона и подшить их в записи прокурора округа. Но если бы он это сделал, то Диллард получил бы право на получение копии текста показаний, а Диакон обвинил бы Ландерса в саботаже дела. Расплата была бы страшной. Он решил, что лучше сказать Бейкеру о звонке Уотерсона и заставить его решить, что делать. Он был почти уверен в том, что сказал бы прокурор. Тот не был одним из тех людей, кто открыто мог признать свою ошибку.

Он позвонил в офис Бейкеру, тот оказался на месте, и Ландерс рассказал ему об Уотсоне и женщине на мосту.

— Он не похож на очень надежного свидетеля, — заявил Дикон.

Ландерс знал, был уверен, что тот скажет нечто подобное.

— Ты же понимаешь, что это означает? — сказал Ландерс. — Если Эрлин Барлоу находилась в ту ночь на мосту, и она была одна, то, вероятно, мы арестовали не того человека.

— Я не помню, чтобы на теле были обнаружены следы ДНК Барлоу — возразил Диакон, — а кроме того, было темно. Сомнительно, чтобы этот человек смог опознать ее.

— Ты не слышал его описания. Это была она.

— Хорошо. И что ты хочешь, чтобы я сделал? Желаете, чтобы я публично заявил, что мы обвинили невиновного в преднамеренном убийстве? И что я должен сказать? Ой, извините? За шесть недель до выборов? Ты совсем из ума выжил?

— Правильно ли я понимаю, что ты хочешь проигнорировать важного свидетеля в деле об убийстве?

— Я прошу тебя проигнорировать ненадежного и не имеющего отношения к делу свидетеля, который только мутит воду и даст Дилларду больше шансов выиграть, когда начнется судебное разбирательство. Насколько мне известно, у нас есть тот, кто нам нужен. Ее ДНК была обнаружена на трупе, она контактировала с жертвой ранее вечером, у нас имеется свидетель, который утверждает, что она покинула клуб в то же время, что и проповедник, и она отказывается давать показания. Что будет, если мы отпустим ее и арестуем Барлоу? Какие у нас есть доказательства, что именно она совершила убийство?

— Она лгала мне с самого начала, и у меня не выходит из головы эта машина. Уотерсон сказал, что видел на мосту красный Корвет.

— Тогда найди эту чертову тачку! А пока этого не произойдет, я буду признателен, если ты перестанешь помогать другой стороне!

И повесил трубку. Ландерс скомкал свои записи и выбросил их в ведро.

23 июня

15:30

Я позвонил в офис Фила Ландерса в понедельник, чтобы назначить время для ознакомления с вещественными доказательствами, которые они собирались представить на суде по делу Энджел Кристиан. Это было мое право как адвоката, и я всегда тщательным образом использовал его, но эту встречу можно было приравнять к походу к стоматологу для удаления нерва.

Неприязнь между нами существовала уже более десяти лет, с тех пор, как я начал выступать защитником по уголовным делам в округе Вашингтон. Ландерс тогда спал с женщиной, которая только что пережила тяжелый развод. Женщина сказала ему, что ее бывший муж приторговывает травкой и попросила Ландерса арестовать его в качестве одолжения ей. Она указала Ландерсу марку и модель автомобиля бывшего мужа, а также тот бар, в котором он, вероятнее всего, будет зависать. Она объяснила, что если он подождет ее бывшего мужа на парковке возле бара, то ему удастся произвести арест не только за вождение в нетрезвом виде, но и за хранение марихуаны.

Ландерс выполнил все, что она просила. Он дождался его на стоянке, когда тот выйдет, а потом без законных оснований остановил машину по выдуманной причине. Затем он арестовал его за вождение в нетрезвом виде, обыскал машину и нашел тридцать пять граммов марихуаны.

Шейн Бойд, бывший муж, нанял меня защищать его интересы. Он даже не подозревал, что его подставили, пока дочь через две недели после его ареста, разозлившись на мать из-за наказания, которое она получила, вернувшись слишком поздно в субботу вечером, позвонила отцу и рассказала, что они со своим парнем слышали, как ее мать и Ландерс обсуждали, как его посадить. Подростки пришли в мой офис и подписали показания под присягой. Я подал ходатайство об отмене всех доказательств, представленных Ландерсом, так как у него не было законных оснований останавливать машину.

Во время слушаний, Ландерс солгал, когда давал свидетельские показания. Он даже отрицал, что знал бывшую жену Шейна Бойда. Он заявил, что остановил машину, потому что тот не включил сигнал поворота, прежде чем повернуть налево. Я знал, что агенты бюро расследований, как правило, не занимаются контролем движения, знал это и судья. Я вызвал в качестве свидетелей дочь и ее друга, а также бывшую жену Бойда. Она испугалась быть обвиненной в даче ложных показаний, поэтому призналась в романе с Ландерсом, призналась, что попросила его арестовать ее бывшего, но поклялась, что никогда всерьез не думала, что он это сделает.

Судья был настолько возмущен, что Ландерс совершил преступление в зале суда, что прекратил дело и написал письмо руководителю Ландерса но, естественно, ничего не произошло. Это было мое первое столкновение с тем фактом, что полицейские занимались лжесвидетельством. С тех пор я сомневался во всех делах, которые вел Ландерс, и где я участвовал в судебном процессе. Я не доверял ему и не скрывал этого.

Мы договорились о встрече для ознакомления с уликами на 15:15, но зная, что Ландерс с удовольствием заставит меня ждать, поэтому подошел только к 15:30. Его еще не было, поэтому я сел за стол и начал сердиться. Я как раз собирался уходить, когда он, наконец, вошел, одетый в дорогой шелковый костюм, держа под мышкой картонную коробку. Ландерс был примерно моего возраста, на несколько сантиметров ниже, в довольно хорошей физической форме, каштановые волосы и голубые глаза. Полагаю, его можно назвать красивым, и он, конечно, думает именно так, но у него были под глазами темные круги, и я ощутил запах перегара — запах, от которого невозможно избавиться, потому что он выходит из всех пор твоего тела.

— Опоздал на полчаса, — заметил я.

— Да? — ответил он, ухмыляясь, — подай на меня в суд.

Он начал доставать доказательства из картонной коробки. Последним, что он вытащил, была фотография Энджел. Она сидела за столом и смотрела в камеру, на ее левой щеке было

что-то похожее на синяк. Снимок был сделан через два дня после убийства Тестера. Энджел ничего не сказала мне о фотографии, сделанной полицией, и этого снимка не было в первоначальном пакете материалов, которые я взял в офисе окружного прокурора. Как только я увидел его, то понял, что мне придется ходатайствовать перед судом о запрете использовать его во время судебного разбирательства. Если у них, конечно, нет никаких конкретных доказательств того, как Энджел получила эту травму. Потому что иначе фотография могла бы настроить жюри против моей подзащитной.

— Итак, я слышал, что Билл Райт собирается уйти в отставку, — сказал я, пытаюсь сохранить подобие цивилизованных отношений. — Кто будет его преемником?

— Преемников нет, — ответил Ландерс. — Должность получит тот, кто лучше всего для этого подходит.

— И кого, по твоему мнению, назначат?

— А тебе не все равно?

Он посмотрел на меня, словно я был мухой на его запястье, ничтожная неприятность.

— Просто пытаюсь поддержать дружеский разговор. Нет никакого смысла в том, чтобы всегда быть в состоянии перегрызть друг другу глотки.

Он потянул носом воздух, словно обнюхивая меня, а затем сморщился, как будто запах ему не понравился.

— Мне жаль тебя разочаровывать, — сказал он, — но я не думаю, что мы сможем стать друзьями. Не люблю адвокатов, особенно тех, кто защищает преступников и прилагает все усилия, чтобы избавиться от некоторых незначительных формальных ошибок.

— Ты не правильно понимаешь мою роль, — возразил я. — Я просто пытаюсь убедиться, что вы, ребята, придерживаетесь правил, установленных вами самими. Если бы вы были на месте моих клиентов, вы бы настаивали на том, чтобы все играли по правилам, не так ли?

— Если бы я был в той же лодке, что и твои клиенты, то я потопил бы ее и уплыл. Теперь ты собираешься смотреть улики или пришел сюда поболтать? Потому что, честно говоря, я сегодня не в настроении для разговоров.

Я положил вещи на стол и начал их изучать.

— Зачем ты сделал эту фотографию? — спросил я, взяв фотографию Энджелы. — И что она делает в доказательствах?

— Как ты думаешь, зачем я ее сделал? Посмотри на нее. Кто-то ударил ее по лицу. Мы покажем это присяжным.

— Есть доказательства, откуда у нее синяк? Что если она поскользнулась на банановой кожуре?

— Она сможет объяснить это в суде.

— Если судья это примет. — Я бросил снимок на стол. — Я подам ходатайство о не допущении его в качестве доказательства.

— Вот видишь? — сказал Ландерс. — Вот о чем я говорю. Этот снимок был сделан через два дня после убийства. Ее волосы найдены на мертвом человеке, и у нее на лице случайно оказывается синяк. Логичен вывод, что она получила его во время борьбы с жертвой. И вдруг появляется такой помощник, как ты, и хочет, чтобы присяжные не увидели его.

— Это все, что у вас есть? — спросил я. — Я вижу несколько фотографий Тестера, снимок чего-то, что выглядит как морщинистой пенис, фотографию Энджел, несколько

волосков, несколько лабораторных отчетов и распечатку с банковского счета, которая показывает, что Тестер снял деньги из банкомата в стрип-клубе. И это все?

— Достаточно, чтобы осудить маленькую сучку за убийство.

— Этого недостаточно, чтобы осудить ее даже за простое нападение, а тем более за убийство.

— Это я и хотел услышать, — усмехнулся Ландерс. — Просто продолжай так думать.

— Доказательства по этому делу настолько слабы, что дальше ехать некуда.

— С каких это пор тест на ДНК считается слабым доказательством?

— Ее волосы, вероятно, прилипли к нему, когда он находился в клубе, — сказал я.

— Может быть. Ты можешь попытаться донести эту мысль до присяжных, но факт остается фактом, что ее волосы были найдены на его трупе в комнате мотеля.

— Этого недостаточно.

— Наш свидетель утверждает, что девушка и Барлоу последовали за жертвой, когда он покинул клуб той ночью. Они последние, кто видел его живым.

— Ваш свидетель — лживая проститутка, имеющая проблемы с наркотиками.

— А твой клиент — таинственная женщина, работающая в стрип-клубе. Неизвестно кто и откуда. Жюри не вспыхают к ней нежностью, особенно когда увидят этот синяк.

— У вас нет ни орудия преступления, ни мотива.

— А мне и не нужно. У нас достаточно косвенных доказательств, чтобы добиться обвинительного приговора. И знаешь, что? Я думаю, что до окончания приговора всплывет еще что-нибудь.

— Кое-что уже всплыло. Ты слышал о Вирджиле Уотерсоне, не так ли? Полагаю, ты говорил сегодня с ним утром, да?

Наступило длительное и напряженное молчание.

— Откуда ты знаешь, черт возьми?

— Сначала он позвонил мне. Описал то, что видел в ту ночь. Он сказал, что арестовали не того человека. Он просто пытался поступить правильно. Я предложил ему позвонить и рассказать тебе, что он видел, и, может быть, ты попытаешься исправить ситуацию. Он перезвонил мне после разговора с тобой и сообщил, что ты не проявил большого интереса к этой информации. Я должен был догадаться.

— Он ненадежный свидетель. Он ждал два месяца, прежде чем даже потрудился позвонить.

— Он беспокоился о своем браке.

— Там было темно, полночь. Он никак не мог нормально разглядеть.

— Он видел Эрлин, и она была одна. Он видел корвет. Это совпадает с тем, о чем рассказывала Джули Хейс. В чем твоя проблема, черт побери? Может быть, тебе стоит более внимательно присмотреться к Эрлин Барлоу.

— Занимайся-ка лучше своими делами. Мне не нужны твои советы.

— Значит, ты проигнорируешь свидетеля?

— Проигнорирую кого? Что касается меня, он никогда мне не звонил.

Кто-то постучал в дверь, и она открылась. Вошел полицейский по имени Гарольд «Бык» Дикинс. Они с Ландерсом были собутыльниками и легендарными скандалистами, поэтому это прозвище было очень уместно для него. Его плечи едва поместились в дверную раму.

— Мне сказали, что я найду тебя здесь, — сказал он Ландерсу.

Ландерс остался неподвижным, я тоже. Дикинс посмотрел на нас.

— Все в порядке, ребята? Мы ведем себя любезно?

Его слова не уменьшили напряжение.

— С твоим приятелем мы говорили об аресте невиновных людей, — сказал я, все еще глядя на Ландерса.

Он тоже смотрел на меня, но не ответил.

— В эту ночь Уотерсон видел Эрлин Барлоу на мосту, — продолжал я. — Она была одна. Моей клиентки там не было. Ты же знаешь, что это означает, да?

— Ничего не значит, — ответил Ландерс. — Думаю, ты общался с этим парнем и заплатил ему, чтобы он сказал, что видел Корвет.

— Прости, — я ухмыльнулся, — но это больше в твоём стиле.

— Диллард, знаешь что? Не трать зря время на разговоры. Моя задача заключалась в том, чтобы расследовать это дело и произвести арест. Что я и сделал. Теперь моя задача — подготовиться к процессу, дать показания и убедиться, что твоя клиентка получит то, что заслуживает, — иглу в вену.

Он начал складывать вещи в картонную коробку. Дикинс навис над моим плечом. Я повернулся, чтобы уйти. Когда я переступил порог, то остановился и повернулся к Ландерсу. Он только забрал со стола коробку с собранными вещественными доказательствами и посмотрел на меня.

— Она невиновна, — сказал я. — Она никого не убивала.

Его плечи слегка вздрогнули. Что это было? Он пожал плечами?

— Ты меня слышишь? Она никого не убивала!

Ландерс это знал. Он оглянулся на стол, а я повернулся и ушел.

25 июня

13:00

Раз в неделю я ездил к Энджел, но мы с ней вели разговоры в большей степени на личные темы, чем профессиональные. Я уже слышал ее версию того, что произошло в ночь убийства Тестера, поэтому проводил время с ней, пытаюсь получить немного информации о ее прошлом. Она была скрытна, но во время моего второго посещения, похоже, решила, что доверяет мне настолько, чтобы назвать свое настоящее имя и сказать, откуда она.

Я передал информацию Диане Фрай — она работала уже несколько недель по этому делу. Я также трижды посылал судебного психиатра Тома Шорта, которого я привлекал в особых случаях, в тюрьму для проведения беседы с Энджел. Я уговорил ее встретиться с ними в один и тот же день.

Диана отправилась в Оклахому и Огайо разыскивать свидетелей и документы. Я с тревогой ждал, что она скажет. Весь стол был завален документами, когда я вошел в совещательную комнату.

— Твоя малышка — призрак, — сказала Диана, растягивая слова на манер южного акцента.

Ей было почти шестьдесят, ее каштановые волосы были коротко пострижены и аккуратно уложены, на лице вечно сияла улыбка. Как обычно она была одета в спортивную оранжевую футболку с эмблемой Добровольного общества Теннесси, страстной поклонницей которого была, и в короткие камуфляжные шорты, обнажавшие шишковатые колени и варикозные вены. Образ довершали оранжевые высокие баскетбольные кроссовки — конверсы.

— У нее нет ни номера социального страхования, ни водительских прав, полное отсутствие информации в архивах школ и кредитной истории. Нет ничего, словно ее не существует, по крайней мере, на бумаге. С кем только я не общалась, но думаю, мне удалось кое-что найти. По крайней мере, ты будешь знать немного больше о том, с чем ты имеешь дело.

Дайна рассказала, что Энджел родила молодая женщина по имени Грейс Родригес 15 марта 1989 года в городе Колумбус, штат Огайо. Ее биологическая мать передала ее в тот же день в Колумбусовский Баптистский детский дом «Добрая воля» для усыновления. Пять месяцев спустя Энджел забрали в семью солдата военно-воздушных сил Томаса Родеса и его жены Бетти. Они назвали ее Мэри-Энн Родес. Диана отправилась в Оклахома-Сити, чтобы поговорить с усыновителями Энджел. Они сообщили ей, что, когда они приняли в семью Мэри, то думали, что не могут иметь своих собственных детей, но через год миссис Родес забеременела. Затем она родила еще троих детей.

— Они сказали, что относились к ней, как к принцессе, — сказала Диана. — Мать назвала ее жесткой неблагодарной сукой. Она сказала, что ее муж хранил наличные в коробке на чердаке, и Энджел забрала все деньги, прежде чем ушла. Я всегда оставляю визитную карточку и говорю людям, что если они еще что-то вспомнят, чтобы позвонили мне. Через несколько часов раздался звонок. Это была одна из их дочерей, семнадцатилетняя Ребекка. Она была напугана до смерти, но я не могла долго с ней разговаривать. Она сказала, что ее родители не сообщили мне всю правду.

Она замолчала и уставилась в потолок. Ей нравилось вносить драматические ноты в повествование.

— И что? — спросил я. — Давай, продолжай.

— Сказала, что ее отец делал разные плохие вещи с Энджел.

— Какие плохие вещи?

— Сексуальное насилие. Она сказала, что это продолжалось годами, и, наконец, Энджел не выдержала. Она также рассказала, что ее мать била Энджел довольно сильно.

— Почему Энджел никому не рассказала?

— Мать — религиозная фанатичка. Их гостиная выглядела как святилище. Она сказала, что воспитывала детей дома, и подчеркнула, что строго следила за тем, что они смотрели по телевизору и что читали. У меня сложилось впечатление, что им не позволено было даже иметь друзей. Вероятно, у Энджел не было никакой возможности пожаловаться кому-либо. Или она просто боялась. Ее сестра сказала мне, что Энджел сбегала несколько раз, но полиция возвращала ее домой, поэтому я отправилась в департамент полиции Оклахома-Сити и получила копии отчетов. В первый раз ей удалось преодолеть десять кварталов. Она заперлась в туалете в супермаркете. Приехала полиция и отвезла ее домой. Через пару лет она снова сбежала. Ее обнаружили идущей вдоль шоссе в десяти километрах от города и снова вернули домой. И она рассказала им о сексуальном насилии, но, вероятно, ей не поверили.

Затем Диана переключила свое внимание на Эрлин Барлоу. Я попросил ее проверить кое-что без лишнего шума и заплатил ей за это из своего кармана.

— Судимостей не имеет. Ее муж был шерифом округа Мак-Нэри с 1970 по 1973 год. Он ушел в отставку при весьма подозрительных обстоятельствах и стал заниматься стриптиз-клубом. Она постоянно была с ним рядом, пока он не умер от сердечного приступа в прошлом году. Кажется, у нее нет врагов, по крайней мере, я не смогла их найти. Я

пообщалась с несколькими ее сотрудниками, все они верны ей.

— Корвет?

— Корвета нет. Или, правильнее сказать, нет документального следа такого автомобиля.

— А что насчет Джулии Хейс?

— Очень плохая девочка. Три раза ее обвиняли в хранении наркотиков, двух кражах, три обвинения в проституции. Большинство арестов проходило в районе Далласа и Форт-Уорта. Никто не сказал о ней доброго слова. Она большая проблема.

— Ты разговаривала с ней?

— Пыталась. В первый раз, когда я пришла к ней домой, она была под кайфом, что едва могла говорить. Во второй мой приход она сказала мне отвалить, что меня разозлило.

Через час я отправился на встречу с судебным психиатром, которого нанял оценить состояние Энджел. Том Шорт возглавлял факультет психиатрии в Государственном университете Восточного Теннесси. Невысокого роста и неуклюжий ученый, он, казалось, провел много времени в мире, который никто не понимал. Я познакомился с ним пять лет назад на одном семинаре по смертной казни в Нэшвилле, где он читал лекцию о роли психиатрической экспертизы в поиске смягчающих вину обстоятельств. С тех пор я привлекал его по семи делам, и мы стали друзьями. До того, как я познакомился с Томом, я не слишком верил в психиатрию, но его необыкновенная способность диагностировать расстройства личности и психические заболевания заставила меня изменить свое мнение. Я полностью доверял ему.

— ПТСР, — сказал он, как только я вошел в его офис.

Он сидел за своим столом и пожевывал мундштук трубки. Я никогда не видел его без нее, но при этом никогда не видел, ее раскуренной.

— Посттравматическое стрессовое расстройство?

— Хроническое и очень тяжелое. Но она уклончиво отвечает про причину стресса. Я подозреваю, что ее изнасиловал приемный отец.

— Почему?

— Потому что, если причиной стресса была катастрофа или что-то, чему она была свидетелем, она бы рассказала мне. Энджел была взволнована и начала уклончиво отвечать, когда я спросил ее об отце.

— Смогла бы она совершить убийство?

— При подходящих обстоятельствах каждый способен. К сожалению, у меня нет хрустального шара.

— Я не понимаю, как она могла убить Тестера, — сказал я. — Во-первых, он, по крайней мере, весит сто двадцать килограммов. Сколько она весит? Пятьдесят две — пятьдесят три? Я просто не понимаю, как она могла справиться с таким человеком.

— Уровень алкоголя в его крови зашкаливал, и он также находился под действием наркотиков. И десятилетний ребенок мог убить его.

— Понимаю, но когда я говорю с ней, она не похожа на убийцу.

— Я смотрю на нее с медицинской точки зрения, — сказал Шорт, — а ты — с эмоциональной. Ее красота и ранимость влияют на твой рассудок.

— Так ты думаешь, она убила его?

— Я этого не говорил, но это возможно. Некоторые жертвы ПТСР впадают в

диссоциативное состояние, если фактор стресса достаточно серьезный и повторяющийся. Допустим, ее приемный отец сексуально издевался над ней в течение многих лет, что я подозреваю. Она убегает. Затем внезапно она подвергается сексуальному насилию со стороны Тестера. Возможно, она потеряла связь с реальностью и убила его. Это также может объяснить необычно большое количество ранений и увечий.

— Она может это помнить?

— Это похоже на сон, но она бы запомнила.

— Будет ли она юридически отвечать за свои действия, если это произошло на самом деле?

— Наверное, нет. Думаю, я мог бы засвидетельствовать, что при таких обстоятельствах она не могла нести ответственность за свои действия. В тот момент она не была способна отличить правильное от неправильного.

— Проблема в том, что для обеспечения этой линии защиты она должна признать, что убила его.

— Это так.

— Она говорит, что не убивала.

— Я знаю.

— И что же нам все это дает?

— Она не сказала мне, что сделала это. Но, на мой взгляд, она этого не делала. Все, что я тебе сказал, это чистая теория.

— Ты делал какие-нибудь заметки?

— Конечно.

— Уничтожь их.

Поскольку у меня была возможность проконсультироваться у Тома, я решил спросить его о Тестере-младшем. Я описал ему в мельчайших подробностях все, что произошло между нами, в том числе выражение муки и ненависти на лице Тестера-младшего в ту ночь, когда я отправился к нему домой.

— Я совершил ошибку? — спросил я.

— На самом деле, — начал он, — поехать к нему не было такой плохой идеей, как может показаться. Ты показал ему, что его действия могут иметь серьезные последствия. Возможно, этот страх вернул его к реальности или, по крайней мере, на некоторое время. Ты видел его с тех пор?

— Нет.

— Ты, должно быть, напугал его.

— Он не испугался. Как ты думаешь, он появится снова?

— Не могу сказать точно.

— Но это возможно?

— Я бы сказал, что это зависит....

— От чего?

— Как ты представишь его отца, когда начнется суд. Возможно, тебе стоит серьезно подумать над этим.

25 июня

16:00

После встречи с Дианой и Томом, я находился в замешательстве и был обеспокоен. Я

решил, что пришло время серьезно поговорить со своей клиенткой. Я хотел обсудить с ней некоторые наиболее компрометирующие доказательства, но что более важно, мне необходимо было проверить, как Энджел будет вести себя на перекрестном допросе. Если бы я смог поймать ее на лжи, то и окружной прокурор мог бы сделать это с легкостью.

Когда охранники привели ее в комнату для допросов, на ней уже не было наручников и кандалов, очевидно, что ее более не считали опасной. После того, как узнал настоящее имя Энджел, я спросил ее, как теперь к ней обращаться. Она сказала, что хочет, чтобы ее называли Энджел и что Мэри Энн больше не существует.

— Как дела? — спросил я.

— Нормально. Охранники хорошо со мной обращаются.

Каждый раз, когда я навещал ее, меня поражало что-то новое в ней: гладкость кожи, контур лица, полнота губ. Она была очень красивой девушкой — факт, и без того усложнявший то, о чем я собирался ее спросить.

— Мне нужно кое-что узнать. Меня смущают некоторые детали.

Я хочу, чтобы ты рассказала мне правду.

На ее лице появилось удивленное выражение, но она кивнула.

— Во-первых, мне нужно знать о твоих отношениях с Джулией Хейс.

— Что именно?

— У тебя есть идеи, почему она сказала полиции, что в ту ночь, когда был убит преподобный Тестер, ты и Эрлин покинули клуб сразу после него?

Я открыл свой портфель, достал копию свидетельских показаний Джулии и положил их перед Энджел.

— Это копия ее показаний, данных агентам Бюро расследований. Прочти их.

Энджел быстро просмотрела бумаги, потом снова взглянула на меня.

— Почему она так сказала?

— Хороший вопрос. Как думаешь, почему?

— Я не знаю.

— Ты покинула клуб с Эрлин сразу после Тестера?

— Нет.

— Ты уверена?

— Да.

— Но, Джули утверждает, что вы ушли сразу после, и поскольку она подписала свои показания, то я уверен, она даст их и на суде. Она зла на тебя из-за чего-то?

— Я так не думаю.

— Могла ли она злиться на Эрлин по какой-то причине?

— Я не знаю.

— Ревниво ли она относилась к твоим отношениям с Эрлин?

— Она никогда ничего не говорила мне об этом.

— Ты когда-нибудь видела, как Джули и Эрлин спорили или ссорились из-за чего-то?

— Нет.

— В ту ночь Эрлин отвезла тебя домой?

— Да.

— На какой машине?

Она колебалась.

— Что?

— Какую машину вела Эрлин в ту ночь?

— Я не разбираюсь в машинах.

— Ты представляешь, как выглядит Корвет?

— Нет.

— Да ладно, Энджел, это спортивный автомобиль. Блестящий и быстрый. Он, вероятнее всего, был красного цвета.

— Я действительно ничего не понимаю в машинах.

— На следующий день Эрлин была на той же машине?

Она снова колебалась и попросила меня повторить вопрос.

— Эрлин доставила тебя домой ночью, когда Преподобный Тестер был убит, так?

— Да.

— Она отвезла тебя домой на своей машине. Правильно?

— Да.

— На следующий день у нее был тот же автомобиль или другой?

— Я не знаю. Полагаю тот же.

Она смотрела вверх, когда отвечала, поэтому я подумал, что возможно, Энджел солгала, и продолжил спрашивать о машине.

— Джули сказала полиции, что в ночь смерти Тестера, Эрлин вела красный Корвет. Она сказала, что Эрлин избавилась от него, и на следующий день у нее была уже другая машина. Это правда?

— Я так не думаю.

Я вздохнул. Я хотел ей поверить, но расплывчатость ее ответов мне не помогала.

Я решил надавить на нее сильнее, поэтому слегка повысил тон и хлопнул ладонью по столу.

— Именно это, ты собираешься сказать прокурору? Он задаст тебе тот же вопрос на свидетельской трибуне. Ты планируешь отвечать: «Я так не думаю?» Если ты это скажешь, то он разорвет тебя на части. А теперь отвечай честно! Эрлин вела другую машину на следующий день или нет?

Хлопок по столу испугал ее, и от тона моего голоса она начала нервничать.

— Нет. Мне кажется, она была за рулем той же машины.

— Кажется? Как ты думаешь, она ехала на той же машине? Энджел, это недостаточно убедительно. Очень уклончивый ответ. Присяжные не любят уклончивые ответы.

— Что я должна сказать?

— Может, правду? Это только между нами. Если ты скажешь мне, что Эрлин вела другую машину на следующий день, то я не собираюсь выбегать и докладывать об этом полиции, и не планирую сообщать Эрлин, что это ты мне сказала.

Она сложила руки на груди и скрестила ноги, классическая защитная поза, и начала раскачиваться взад-вперед на стуле. Она явно боролась сама с собой, пытаясь принять решение.

— Мисс Эрлин никого не убивала, — наконец сказала она.

— Я этого и не говорил.

— Но ты так думаешь. Я знаю.

Она была права. Я начал верить, что Энджел защищала Эрлин. Если это так, то это было ошибочным решением, которое могло стоить ей жизни.

— Джули говорит, что Эрлин сменила автомобиль на следующий день после убийства

Тестера. Она утверждает, что вы с Эрлин покинули клуб сразу после его ухода. Так что либо Джули лжет, либо вы с Эрлин. Если врет Джули, то мне нужно знать, почему. Если вы обе лжете, мне все равно необходимо понимать, почему. Итак. Кто лжет?

— Джули.

— Почему?

— Я не знаю.

— Тогда расскажи мне о машине Эрлин. На следующий день после убийства Тестера она сменила машину?

— Нет.

Мы вернулись к исходной точке. Джули лгала, и единственной причиной, которую я мог предложить присяжным, был тот факт, что она являлась наркоманкой, которая могла быть обижена или завидовать отношениям между Эрлин и Энджел. Я не знал, поверят ли присяжные такому объяснению.

— Теперь ты можешь опустить свои руки.

— Что?

— Энджел, люди скрещивают руки, когда чувствуют угрозу или нападение. Это признак защитной реакции, и я не хочу, чтобы ты так делала, когда будешь давать свидетельские показания. Теперь расскажи мне о синяках на твоём лице. Те, которые засняла полиция.

Она снова заколебалась и бессознательно коснулась пальцами щеки. Затем она начала быстро моргать.

— Я врезалась в дверь, — произнесла она, наконец.

— Когда?

— Думаю, на следующий день.

— Где?

— В клубе. Я как раз собиралась войти в дверь, и кто-то открыл ее с другой стороны. Она ударила меня прямо по лицу.

— Эрлин сказала мне, что после убийства Тестера ты не возвращалась в клуб.

— О, точно. Должно быть, это было накануне.

— В день смерти Тестера?

Она кивнула.

— Ты уверена?

— Да.

Кто был по другую сторону двери?

— Я не помню.

— Ты не помнишь человека, который так сильно ударил тебя, что на щеке остался синяк?

— Я вспомнила. Это была Хизер.

Маленькие капли пота выступили у нее на лбу, и я решил ослабить напор. Я задался вопросом, может ли Хизер подтвердить, что та ударила Энджел дверью, и сделал пометку, чтобы Диана Фрай поговорила с ней. Энджел осознанно убрала руки с груди и положила их на стол. Я заметил, что кожа на них была обесцвечена — несильно, но слегка бледная примерно на пару сантиметров выше запястья. Я вспомнил, что Эрлин сказала мне спросить ее о ее руках. Очень нежно я коснулся одной из них.

— Что у тебя с руками? — спросил я.

— Я обожгла их, когда была маленькой.

Она произнесла ровным, монотонным голосом, и выражение на ее лице стало совершенно пустым.

— Как?

— Я готовила овсянку для моих братьев и сестер. — Она замолчала надолго. — И я уронила ложку в кастрюлю... нечаянно.

Она снова сделала паузу.

— И?

— Мама Бетти всунула мои руки в кастрюлю и заставила вытащить ее.

— И твои руки выглядят так из-за ожогов?

Она кивнула.

— Сколько тебе было лет?

— Я не уверена. Пять, может быть, шесть.

Я вздрогнул. Она рассказала, что произошло, словно описывала прогулку в парке. Внезапно она стала далекой и безразличной, как будто кто-то закрыл створку.

— А твой приемный отец? Он также причинил тебе зло?

Второй кивок.

— Ты хочешь рассказать мне об этом?

В ее глазах появились слезы. Она не ответила, да ей и не надо было.

— Такое часто случалось?

Она снова кивнула, и слезы начали течь по ее щекам.

— Энджел, ты что-то скрываешь от меня?

Она начала говорить, но остановилась. Я вдруг понял, что участвую в конкурсе по перетягиванию каната, в котором Энджел играет роль веревки. Кто-то еще тянул на другую сторону, и я подозревал, что это Эрлин. Она заплакала, встала и прислонилась к столу. Ее плечи начали вздрагивать, губы дрожали. Рыдания усиливались с каждой секундой, и, прежде чем я это понял, она впала в истерику.

— Пожалуйста, — сказал я, когда она остановилась, чтобы перевести дыхание после одного особенно пронзительного рыдания. — Энджел, постарайся успокоиться. Единственное, что я хочу, это узнать правду.

Она посмотрела на меня и сказала, что я зашел слишком далеко, и сделала глубокий вдох.

— Почему ты не хочешь мне верить? — закричала она. — Я же сказала, что не убивала его! Почему ты задаешь мне все эти вопросы? Я думала, ты на моей стороне. Я думала, ты друг!

Она повернулась и начала бить кулаками в дверь.

— Подожди. Расслабься, Энджел. Я на твоей стороне.

Я встал со стула и потянулся к ее плечу.

— Не трогай меня! Держись от меня подальше!

Дверь открылась, и она почти рухнула в руки охранника.

Я подошел к ней, но второй надзиратель ткнул мне пальцем в грудь и сказал:

— Назад.

Он был совершенно серьезен и вооружен, и у меня было чувство, что он готов сделать все, чтобы защитить именно эту конкретную заключенную.

Я поднял руки и отступил назад в комнату, и он захлопнул дверь перед моим лицом.

28 июня

13:30

В субботу утром Ронни вошел в офис, расположенный в задней части клуба, в то время как Эрлин занималась документами. Она сразу поняла, что его что-то беспокоит. У Ронни на подбородке была такая милая маленькая ямка, что когда он был чем-то расстроен, то особенным образом сжимал губы, и ямочка становилась глубже и заметнее. Ямочка напоминала Эрлин о Гасе, что было вполне естественно, так как Ронни был его племянником. Он не был таким же красивым, как Гас, но все равно выглядел красавцем: высокий, хорошо сложенный, с темными волосами и голубыми глазами. Единственное, что не нравилось Эрлин, — это уродливые татуировки по всему телу, тянущиеся от шеи по его рукам вплоть до пальцев. Из-за них он походил на бандита.

— Что случилось, дорогой? — спросила Эрлин. — Ты выглядишь так, будто кто-то пристрелил твою собаку.

— Опять нас кинули.

Эрлин тихо выругалась. Эрлин не доставляли удовольствия такие неприятные новости, особенно после посещения милой маленькой Энджел в тюрьме. Энджел была такой разбитой, как никогда прежде. Бедная девочка. Она сказала, что мистер Диллард накинулся на нее с вопросами, смутившими ее. Она даже спросила у Эрлин, не думала ли та, что нужно нанять другого адвоката. Но Эрлин ясно дала понять, что мистер Диллард — это именно тот, кто им нужен. Она говорила с Энджел столько, сколько ей позволили там оставаться. Когда она уходила, малышка чувствовала себя намного лучше, и даже улыбнулась Эрлин несколько раз. Но Эрлин все еще переживала из-за Энджел. Бедная, она так много пережила. Ее сердцу было больно видеть, как та снова страдает.

— На сколько? — спросила Эрлин у Ронни.

— Чуть больше шестидесяти граммов.

Эрлин не нравилось заниматься распространением кокса, но Гас за эти годы сделал так много денег на этом, что нужно быть большим глупцом, чтобы не продолжить то, что он начал. Это был доходный бизнес, и поскольку Ронни участвовал в поставках, получении и продаже товара в клубе, то Эрлин это не слишком затрудняло. Проблема, с которой она столкнулась, заключалась в том, что люди, у которых они покупали, были подлыми и жадными. Они всегда пытались обмануть ее, словно думали, что она не заметит и ничего не предпримет, даже если бы знала, что они обманули ее. Она подумала, что, вероятно, после смерти Гаса, они решили, что им все сойдет с рук. Черт возьми, почему они не могут честно играть?

— Есть ли у нас другие поставщики? — спросила Эрлин.

— Кроме этих еще четверо. Один в Атланте, д...

— Ничего не говори, милый. Я не хочу ничего о них знать, ни кто они, ни где находятся.

— Прости, — сказал Ронни.

Он был таким чутким мальчиком.

— Я скажу тебе, что нужно сделать, — начала Эрлин. — Во-первых, ты не ждешь и начинаешь вести дела со своими людьми в Атланте или где-то еще. Могут ли они дать нам такую же цену?

— Цена будет такой же, а качество лучше, — ответил Ронни. — Единственная причина, по которой я работал с этими юродивыми, заключалась в том, что они находились гораздо ближе и согласились встретиться на полпути. Это сэкономило мне кучу времени.

— Я думаю, что это того не стоит, так ведь? — Эрлин подняла глаза к потолку и поджала губы. — Теперь, — продолжила она, — что нам делать с остальными?

Она знала, что у Ронни в характере превалировала злость, столь же большая, как река Теннесси, но в остальном он был действительно хорошим мальчиком. Он несколько раз сбился с пути, хотя Эрлин должна была признать, что намного сильнее, чем большинство мальчиков. У него были неприятности с законом, и он провел несколько лет в тюрьме округа Морган. Когда он вышел, ему некуда было идти, и он не мог найти работу, поэтому позвонил своему дяде. Гас был очень привязан к мальчику, и пригласил его работать к себе в клуб. Когда Ронни приехал, Гас усадил его и объяснил, что если тот будет осторожен и честен, то Гас позаботится, чтобы старший сын его брата заработал хорошие деньги.

Эрлин должна была признать, что тот серьезно относился к этой работе. Первое, чему Гас научил его, что люди, продающие наркотики, не должны их употреблять сами. Одна из самых больших проблем Ронни в молодости заключалась в том, что он нюхал и курил множество наркотиков, из-за которых не мог трезво думать. Вот почему Гас сказал ему, что, если будет хоть какой-то намек, что Ронни употребляет наркотики, тот сразу вылетит. Второй урок, который преподавал ему Гас, заключался в том, что если тот что-то украдет, то должен будет заплатить. Между прочим Ронни сидел в тюрьме по нескольким статьям, включая кражу. Гас сказал ему, что не потерпит кражи и цента.

Ронни начал работать в клубе барменом, заодно продавая наркотики. В первый год Гас внимательно наблюдал за ним, но тот очень хорошо зарекомендовал себя и вскоре начал вести весь бизнес Гаса с наркотиками. Гас так доверял ему, что если что-то шло не так, то он просто отступал и позволял Ронни позаботиться об этом. И из того, что рассказывал ей Гас, она понимала, что Ронни отлично справлялся с проблемами, особенно если была возможность причинить кому-то боль.

Но лучше всего было то, что Ронни не крал ни копейки. Эрлин гордилась мальчиком, хотя подозревала, что честность Ронни была вызвана, по крайней мере, отчасти из-за страха, что дядя Гас убьет его, если он что-нибудь возьмет. Гас не был тем, с кем можно шутить, особенно, когда дело касалось денег.

После смерти Гаса Ронни спросил ее, сможет ли он продолжать работать по-прежнему.

Эрлин подумала об огромной сумме денег, которую Гас сделал на наркотиках, поэтому ответила:

— Конечно, дорогой. Я должна быть душой, чтобы остановить тебя.

Каждую ночь, как часы, Ронни отдавал Эрлин наличные. Он оказался действительно хорошим парнем, и у Эрлин было чувство, что, по крайней мере, частично в этом есть ее заслуга.

— Знаешь что, — сказала Эрлин, — почему бы тебе не сделать то, что, как ты считаешь, мог сказать тебе сделать Гас? Мне даже не нужно об этом знать.

— Звучит заманчиво.

— Замечательно, — улыбнулась Эрлин, — и если говорить о плохих людях, у меня имеется небольшая проблема, в решении которой мне понадобится твоя помощь.

Была девушка по имени Джули, о которой ей нужно позаботиться, и Ронни был подходящим человеком для этой работы.

Мейнاردу Бушу совершенно неожиданно написала женщина по фамилии Тейт. Он предположил, что, должно быть, ее возбуждают убийцы. Так как ему нечем было заняться, поэтому он ответил. Мейнارد не очень хорошо писал, но что с того? Зато он знал достаточно, чтобы уметь выжить. Она снова написала ему, а он опять ответил, и прежде чем он это понял, у них завязалась переписка. Они писали друг другу каждые несколько дней.

Мейнارد намазал толстый слой желе на печенье. Он играл с женщиной в кошки-мышки. Сначала он просто дурачился, но потом ему в голову пришла блестящая идея. Он понятия не имел, сработает ли, но это определенно стоило попробовать.

Первое, что он сделал, поговорил со своим адвокатом — Джо Диллардом, чтобы заставить того сделать так, чтобы он смог встретиться с Тейт. Затем он стал обрабатывать ее, вывалив на нее столько лжи, что она должна была просто утонуть в ней. Он сказал ей, что ему одиноко и ему нужен друг. Это была откровенная ложь. У Мейнарда никогда не было друзей, и они были ему не нужны. Обычно все заканчивалось тем, что они начинали его раздражать, а потом умирали. Для Мейнарда убийство человека ничем не отличалось от убийства собаки или кролика.

Когда он сказал Бонни Тейт, что ему нужен друг, то заметил, что стена вокруг ее сердца начала рушиться, и он продолжил ее обрабатывать. Мейнارد говорил ей, что когда был маленьким, мать сидела на наркотиках, а отца посадили в тюрьму. Из того, что он рассказывал Бонни, только это являлось правдой. Он сообщил ей, что каждую ночь ложился спать голодным, что было выдумкой. Добавил, что у него не было обуви. Еще одна ложь, которая заставила ее заплакать, что напомнило Мейнاردу о том, как он доводил до слез свою маленькую кузину. Как только ее мать отворачивалась, Мейнارد как можно сильнее щипал кузину за попку, и она начинала плакать и выть, как скорая, спешащая на ночной вызов. Мейнарда так и не поймали. Он был слишком умен и быстр.

За четыре дня до начала суда над Мейнардом он позаботился о том, чтобы Бонни навестила его. Пришло время сделать свой шаг.

— Знаешь, ты мой единственный посетитель, — начал Мейнارد, уставившись на полную и некрасивую брюнетку. — Ты единственный человек, которому я доверяю.

Он внимательно наблюдал за ней. Она заглотила наживку.

— Я хочу поблагодарить тебя за все, что ты сделала для меня, Бонни, — сказал Мейнارد. — Ты дала мне надежду, когда ее почти не осталось.

Ему пришлось напрячь все свои силы, чтобы не расхохотаться. Он сказал паре своих сокамерников, что Бонни Тейт была настолько уродлива, что от ее вида тянуло обильно блевать.

— Бонни, я думаю о тебе все время. Каждую ночь я мечтаю о тебе. Я думаю, возможно, я люблю тебя.

Он наблюдала за ней, и заметил, что ее глаза наполнились слезами. Сработало!

— Бонни, как ты думаешь, ты любишь меня тоже?

Она кивнула.

— Да, Мейнارد, думаю, возможно, я тоже тебя люблю.

— Бонни, если я когда-нибудь выберусь отсюда, ты останешься со мной? Пожалуйста, скажи да. Это будет так много значить для меня.

— Да, я останусь с тобой.

— Бонни, мне нужно у тебя кое-что спросить. Это очень важно, и ты не должна никому рассказывать. Могу ли я доверять тебе?

— Мейнард, ты знаешь, что можешь доверять мне.

— Если я скажу тебе, что знаю, как выбраться отсюда, ты сможешь мне помочь? Скажи, Бонни, ты сделаешь это? Это единственный шанс, который у меня есть. Если ты не поможешь, они убьют меня.

Ей не потребовалось много времени, чтобы сказать «да».

— Хорошо, — улыбнулся Мейнард. — Теперь слушай очень внимательно. Ты должна делать именно так, как я тебе говорю.

2 июля

9:05

Вскоре после девяти я вошел в зал, где проводил заседание судья Гласс, и сел в конце зала за одну из колонн, где он не мог меня увидеть. Сара и ее защитник достигли соглашения с помощником окружного прокурора, и она собиралась сделать заявление. К моему облегчению в отсеке для присяжных не было журналистов.

Я мало спал, размышляя и волнуясь за Сару. Со временем мой гнев прошел. Я все еще считал, что Сара должна была заплатить за то, что сделала, но знал, что тюремное заключение не принесет ей никакой пользы. Я никогда не видел, чтобы тюрьма кому-нибудь помогла.

Она согласилась признать себя виновной в двух кражах и принять минимальный срок наказания в три года за каждое из них, а также отказаться от слушаний по условно-досрочному освобождению. Два трехлетних приговора должны были исполняться одновременно. По закону штата Теннесси она имела право на условно-досрочное освобождение через десять месяцев, и я намеревался выступить от ее имени на первом же рассмотрении ее ходатайства о помиловании. Из-за переполненности в государственных исправительных учреждениях приговоренные к лишению свободы на срок менее трех лет отбывали наказание в окружных тюрьмах. Это означало, что Сара не будет направлена в женскую тюрьму Нэшвилла, а останется в окружном следственном изоляторе в Вашингтоне. Я мог бы посетить ее и попытаться исправить положение. Мне следовало пойти, чтобы увидеться с ней, но я боялся, что опять ничего не получится.

Как всегда судья Гласс был сварлив, ругался на адвокатов и язвил в отношении подсудимых. Какая-то женщина в зале забыла выключить телефон, и когда он зазвонил, Гласс приказал ей выйти вперед и так яростно ее отругал, что довел до слез.

Он объявил о деле Сары через двадцать минут после того, как я сел, а судебный пристав привел ее в зал. В мешковатой тюремной робе моя сестра выглядела маленькой и хрупкой, и я подумал, что наручники и кандалы совершенно здесь не нужны. Она подошла к трибуне и устала в пол.

— Штат Теннесси против Сары Диллард, — объявил судья. Он посмотрел на Лизу Мейс, помощника окружного прокурора, и спросил. — Это сестра Мистера Дилларда?

— Да, Ваша честь.

Я надеялся, что Гласс не будет использовать свою неприязнь ко мне в качестве причины для отклонения соглашения о признании вины и вынесения Саре более сурового приговора. Я занял свое место.

— Что она совершила на этот раз? — спросил Гласс.

— Она украла машину дочери Дилларда и ожерелье его жены, — сказала Мейс. — Она

обменяла ожерелье на кокаин и разбила машину.

— Значит, она ворует без разбора, — заявил Гласс. — Она обкрадывают свою семью. Как у нее оказались ключи от машины? Она разбила стекло?

— Нет, Ваша честь. Насколько я понимаю, ее недавно выпустили из тюрьмы, и мистер Диллард приютил ее. Он пытался помочь ей. И она отплатила ему таким образом.

Я надеялся, что Гласс просто посмотрит ходатайство и не будет задавать вопросов. Это было самое распространенное соглашение. Каждый год он принимал их сотни.

— В этой форме для суда указано, что ей инкриминируются две кражи, — сказал Гласс. — Я прочитал предварительный отчет вчера вечером. Она ворует и употребляет наркотики почти двадцать лет. Почему вы согласны на слитие сроков?

— Мы согласились по просьбе жертвы, Ваша честь. Мы всегда так делаем.

— Вы имеете в виду, что мистер Диллард попросил, чтобы она отсидела только три года за то, что сделала? После всего, что она натворила?

— Да, сэр

— Где он?

— Вероятно, где-то в здании суда.

— Ладно. Найдите и приведите его сюда. Я хочу поговорить с ним.

Я встал с пылающим лицом и пошел вперед.

— Я здесь, судья.

— Что ж, мистер Диллард, я рад, что вы смогли прийти после того, как умело манипулировали системой.

— Я ничем не манипулировал, — ответил я.

Лиза Мейс выглядела удивленной, увидев меня. Сара с надеждой посмотрела на меня. Я остановился справа от стола защиты.

— Я просто не хочу ее крови, судья. Это ее первое уголовное преступление.

— Первое обвинительное заключение за уголовное преступление, — возразил Гласс. — В прошлом ее трижды обвиняли в уголовных преступлениях, но все сводилось к мелким правонарушениям. Полагаю, мистер Диллард, вы не имели к этому никакого отношения, не так ли?

— Вы меня в чем-то обвиняете?

— Совершенно верно. Вы манипулировали правовой системой, чтобы добиться благосклонного отношения к члену вашей семьи.

— А разве вы не сделали бы то же самое?

— Думайте, что говорите, сэр! Я не намерен терпеть неуважение по отношению к себе.

— Окружной прокурор, адвокат и моя сестра, по-видимому, достигли соглашения, которое считают справедливым, — продолжил я. — Я не имею к этому никакого отношения. Единственное, что я сказал мисс Мейс, это то, что не собираюсь настаивать на максимальном наказании. Как сейчас обстоят дела, она и так просидит почти год.

— Мистер Диллард, позвольте мне задать вам вопрос, — сказал судья. — Если бы эта молодая женщина была вам совершенно незнакома и украла машину вашей дочери и драгоценности вашей жены, вы бы попросили меня о минимальном наказании? Особенно учитывая ее досье с прошлыми приводами? Скажите правду для разнообразия.

— Она не незнакомка, она моя сестра. Так что данный вопрос не имеет смысла, — ответил я. — Кроме того, я всегда говорю правду в зале суда. Проблема в том, что иногда вы не хотите ее слышать.

— Следите за своим тоном, мистер Диллард. Вы находитесь на грани обвинения в неуважении.

Его голос начал дрожать, верный признак того, что гнев сейчас затмит его разум.

— Судья, мой тон ничем не отличается от вашего, — ответил я. — Это слушание о принятии ходатайства моей сестры или о чем-то другом? Потому что, если это из-за вашей личной неприязни ко мне, возможно, вам следовало бы взять самоотвод с этого дела и позволить ей признать себя виновной перед беспристрастным судьей.

Гласс был хулиганом и, как все хулиганы, он был зол и смущен, когда кто-то противостоял ему. У него действительно была возможность посадить меня в тюрьму, но я был уверен, что не сделал ничего, чтобы заслужить это. Если бы он приказал арестовать меня, я бы унизил его в апелляционном суде.

— Не льстите себе, — сказал он. — Я сохраняю личную неприязнь к важным людям, и вы, безусловно, не входите в эту категорию.

— Хорошо, тогда давайте покончим с этим, — заметил я.

— Я не принимаю судебную сделку в таком виде, — заявил Гласс. — Она может ходатайствовать о двух последовательных трехлетних приговорах или двух одновременных шестилетних, или она может предстать перед судом. Она не покинет мой зал суда, если в тюрьме пробудет менее шести лет.

— Почему? — спросил я.

Это простое слово из шести букв было самым ненавистным у судей. Большинству из них не нравилось, что им необходимо давать объяснения. В конце концов, они были судьями. Они носили мантию и полагали, что эта мантия дает им возможность делать все, что хотят.

— Почему Диллард? Почему? Потому что я так говорю. Потому что ваша сестра — отброс общества. Она не работает, не платит налоги, принимает наркотики, как пылесос, и ворует. Она расходует ресурсы общества и ее место в тюрьме. Если бы вы не хотели, чтобы она попала в тюрьму, то не следовало сообщать о ее преступлениях в полицию. Разве не вы позвонили в полицию?

Как бы мне было неприятно это признавать, он был прав. Когда я поднял трубку, то понял, что подвергаю Сару риску длительного тюремного заключения. В то время я хотел, чтобы ее посадили в тюрьму. Но мой гнев поутих, и я убедил себя, что то, на что она согласилась, было более чем достаточно.

— В чем дело, мистер Диллард? — спросил Гласс. — Кошка язык проглотила?

— Это дело между вами, окружным прокурором и ее адвокатом, — произнес я. — Я ухожу.

— Хорошего дня, — сказал Гласс.

Я повернулся и вышел за дверь, злой и униженный. Через час я позвонил Лизе Мейс, и она сообщила мне, что адвокат отвел Сару в дальний конец комнаты и объяснил ей, что, если она предстанет перед судом и будет обвинена, а судья Гласс может — и, вероятно, сделает именно это — приговорит ее к двенадцати годам тюрьмы.

— Она согласилась на шесть, — сказала Мейс. — Но судья ввел ее в курс дела, что это ты позвонил в полицию. Она злится на него, но больше всего она обижена на тебя.

5 июля

8:20

Мы сидели вместе с Томасом Уокером II, помощником окружного прокурора Фреда Джулиана, и двумя судебными приставами в Маунтин-Сити, готовясь к судебному заседанию по делу Мейнарда Буша. Судебными приставами были Даррен и Дэвид Бауэрс, веселые и неразлучные близнецы возрастом чуть старше пятидесяти лет. Каждый раз, когда я их видел, они смеялись. Окончив среднюю школу в Маунтин-Сити в конце 60-х годов и думая, что будут призваны, они добровольно завербовались в армию, чтобы оставаться вместе. Даррен, одетый в коричневую форму заместителя шерифа, рассказывал историю о войне. Дэвид, также одетый в форму, сидел с покрасневшим лицом в другом конце комнаты.

— А потом после почти месяца, проведенного в джунглях, мы входим в этот крошечный публичный дом в Сайгоне, — рассказывал Даррен, его акцент напоминал выговор американского комика Джеффа Фоксворти, пародировавшего городских ковбоев, — мы оба возбуждены больше, чем трое сморщенных козлов. Пьяный в стельку Дэйви, шатаясь, подходит к старой вьетнамской мадам и кладет руки себе на бедро, как Джон Уэйн, и спрашивает: «Сколько стоит покувыркаться в постели, мисс узкие глазки?»

— Теперь-то, я думаю, что та немолодая женщина знала английский лучше, чем полагал, потому что она посмотрела на него таким взглядом, который смог бы разьесть весь хром на бампере автомобиля. Затем она внезапно улыбается ему и спрашивает:

— У тебя большой дружок?

Сначала Дэйви не понял, о чем она говорит, но она указала на его промежность и повторила:

— Покажи. У тебя большой дружок?

Даррен усмехнулся, попытался что-то сказать, но остановился и снова захохотал. Наконец ему удалось продолжить:

— Тогда Дэйви начинает говорить:

— О, так ты хочешь взглянуть на мужское достоинство старого вояки, да? Ты боишься, что оно может оказаться слишком большим для твоих девочек? А потом Дэйви, он...он... — Даррен снова засмеялся. Он хохотал так сильно, что слезы потекли по его щекам. — Дэйви расстегнул ширинку и вытащил член на всеобщее обозрение. И эта мадам смотрит на него сверху вниз, затем снова перевела взгляд на лицо Дэйви и, клянусь могилой моей матери, говорит ему:

— Обычная цена за трах составляет десять долларов. Но за такой маленький член, как у тебя, я возьму только пять.

Даррен хлопнул себя по ноге и взвыл. Стены содрогались от хохота, когда в помещение вошел судья Роллинс, слишком серьезный мужчина, отвечавший за второй судебный округ. Он даже не удосужился спросить, из-за чего весь шум, сразу приказал близнецам Бауэрс:

— Приведите его и давайте начнем.

Даррен и Дэвид поднялись и пошли, чтобы привести Мейнарда Буша из старой окружной тюрьмы округа Джонсон, которая находилась в тридцати метрах за зданием суда, отделенная от него прекрасной лужайкой.

Судья сел за свой стол, и мы начали обсуждать некоторые проблемы, которые могут возникнуть в ходе судебного разбирательства. Примерно через десять минут я услышал звук, напоминающий выстрелы.

Бах! Бах!

Потом короткая пауза.

Бах!

Окно на втором этаже за столом судьи выходило прямо на лужайку за зданием тюрьмы. Я добрался до него как раз вовремя, чтобы увидеть, как Мейнард Буш забирается на переднее пассажирское сиденье машины марки «Тойота». Женщина помогала ему сесть в машину. Она захлопнула дверь, подбежала к водительскому месту, запрыгнула в машину и они поехали.

Даррен и Дэвид лежали во дворе: Даррен — лицом вниз, Дэвид — на спине. Первая мысль, которая пришла мне в голову, когда я понял, что произошло, была о том, что у них обоих есть внуки.

Мне потребовалось меньше минуты, чтобы спуститься по лестнице, выскочить через заднюю дверь и пересечь внутренний двор. Дэвид задыхался, кровь выплескивалась из дырки в горле. Даррен не двигался. Я нажал пальцем на сонную артерию, пульс не прощупывался. Два тюремных охранника подбежали к нам. Один из них посмотрел на мужчин, лежащих на земле, и побежал обратно в здание.

Я сложил пиджак и положил ее под ноги Дэвиду. Я снял галстук, сложил его, сунул левую руку под его шею, а правой рукой приложил галстук к ране, чтобы уменьшить кровотечение.

— Дэвид, держись, — сказал я. — С тобой все будет хорошо. Скоро приедет скорая помощь.

Он не ответил.

— Дэвид, пожалуйста, держись! Ты хочешь снова увидеть своих внуков?

При упоминании внуков его глаза слегка дрогнули, но кровь продолжала течь, и его дыхание прервалось. Я не надеялся, что он выживет.

Молодой помощник шерифа округа Джонсон, находящийся рядом, перевернул Даррена на спину, начал оказывать первую помощь. Охранник, который вернулся внутрь, принес аптечку, и с ним были еще трое полицейских. Они помогли мне заменить галстук на повязку.

— Что случилось? — спросил один из них.

— Не знаю, — ответил я. — Я услышал выстрелы, выглянул в окно и увидел, что они лежат на земле.

Мне казалось, я держал повязку уже целую вечность, когда вдруг, наконец, услышал сирены. Вокруг все зашевелилось, и поднялся шум. Приехали две машины скорой помощи и реанимационная машина, отправленные со станции скорой помощи, находившейся всего в трех кварталах. Все они выскочили на бордюр и остановились в метре от меня. Нас стали окружать женщины и мужчины в униформе, и я отстранился. Я не мог больше ничего сделать.

Они залатали Дэвида, как смогли, зафиксировали на носилках и погрузили в машину скорой помощи. Они сделали то же самое с Дарреном, но мы все знали, что он мертв.

Когда они уехали, я все еще стоял в оцепенении. Мысль начала формироваться в моей голове, и я почувствовал тошноту. Мейнард использовал меня для планирования и организации своего побега? Адвокаты часто помогали своим клиентам организовывать свидания в тюрьме, но я был уверен, что женщина, помогавшая Мейнарду сесть в машину, была Бонни Тейт. На самом деле, я не видел ее раньше, но это должна была быть она.

Я подумал, что Мейнард сказал мне тогда:

— Я не говорю, что хочу жениться на тебе или нет, но ты довольно приличный парень.

Приличный парень. Я опустил голову и поплелся к зданию суда. Я чувствовал, что мои

ноги тяжелые, как свинец. Мои руки и рубашка были залиты кровью. Кровью Дэвида.

Приличный парень. В это чудесное июньское утро в горах Теннесси под ярким солнцем я медленно шел по двору и не чувствовал себя прилично. Я ощущал себя грязным и ужасно хотел, чтобы все это закончилось.

7 июля

23: 45

Поскольку мистер Чарльз Б. Данвуди III, эсквайр, не был женат и обладал большим количеством свободной наличности, то имел возможность предоставлять определенные юридические услуги мистеру и миссис Барлоу, и не видел ничего плохого в доставлении себе время от времени удовольствий, предлагаемых мужским клубом «Мышиный хвост». Своим ближайшим коллегам он в частном порядке описывал свои приключения в клубе как «сброс веса с обнаженными деревенскими девицами». Не то, чтобы он гордился тем, что делал там, но, как он говорил своим приятелям из загородного клуба: «Простите мне мою пошлость, но джентльмен иногда должен спускать пар».

Гас Барлоу обращался за советами к Данвуди по широкому кругу вопросов, о которых адвокат не мог говорить вслух. Данвуди быстро понял, что мистер Барлоу — предприимчивый джентльмен, через руки которого проходят большие потоки наличности, и который нуждается в адвокате с творческим мышлением и ловкостью, чтобы сдерживать слишком любопытные умы из официальных учреждений от слишком пристального внимания к его делам. Поскольку Данвуди получил образование по корпоративному праву и международному банковскому делу, и его профессиональная жизнь всегда была связана с банковской сферой, он мог в достаточной мере удовлетворить потребности Гаса Барлоу. Тот факт, что Барлоу платил хорошо и только наличными, сделал их деловые отношения еще более приятными для Данвуди.

Миссис Барлоу, которая с момента безвременной кончины мужа очень умело вела его дела, июльским вечером в четверг предоставила ему VIP-зону, и он провел восхитительные часы с тремя самыми красивыми шлюхами, которых он когда-либо видел. Данвуди пришлось отдать должное Миссис Барлоу — у нее был превосходный вкус, когда дело доходило до найма девиц. Было уже довольно поздно, и Данвуди собирался закругляться. Он выпил немного больше коньяка, чем обычно, и трижды развлекался с девушками в кабинете. Благослови, Господь, виагру.

Данвуди сидел в баре в уединенной зоне и разговаривал с барменшой Тиной, одетой топлесс, когда миссис Барлоу внезапно появилась у его плеча. Они обменялись обычными любезностями, и она попросила его поговорить с ней наедине несколько минут.

— Все для вас, — сказал Данвуди, и они направились в небольшую нишу в углу. Миссис Барлоу отпустила девушек, и адвокат и владелица стриптиз-клуба остались одни.

Поскольку Данвуди так много сделал для ее мужа, то знал, что сидит напротив очень богатой женщины, особенно если судить по местным меркам. Он не был настолько глупым, чтобы напрямую спросить у ее покойного мужа, как тому удалось накопить столько денег, но не нужно быть физиком-ядерщиком, чтобы понять, что Барлоу делал что-то, по крайней мере, частично незаконное. Данвуди подозревал, что бывший полицейский, вероятно, продавал наркотики, но пока тот платил огромные гонорары и придерживался при нем некоторых правил приличия, адвокат не испытывал сомнений относительно отмывая

наличности для него.

— Что я могу сделать для вас, мадам? — спросил Данвуди.

Он считал миссис Барлоу очень привлекательной женщиной, хотя она одевалась как проститутка и говорила как деревенщина, но при этом излучала какое-то грубое очарование, не говоря уже о восхитительном теле, не характерном для женщины ее лет.

— Мне нужен юридический совет, дорогой.

— Чарльз Б. Данвуди III, к вашим услугам.

— Я собираюсь оплатить за тебя счет сегодня вечером, сладкий, чтобы у меня была возможность задержать тебя на некоторое время. Я бы не хотела, чтобы ты думал, будто я пытаюсь воспользоваться твоей добротой.

— Ты можешь воспользоваться мной, когда захочешь, — сказал Данвуди.

Это щедрое предложение приятно удивило его, так как он был уверен, что его счет составляет около двух тысяч долларов. Конфиденциальность иногда стоит дорого.

Похоже, Данвуди принял слишком много «Виагры», потому что, несмотря на то, что он блестяще выступил во время сессий с тремя девушками, он внезапно почувствовал сильное влечение к миссис Барлоу. На ней был топ в полоску с глубоким вырезом, обнажавший значительную часть ее великолепной груди. Данвуди пришлось заставить себя не смотреть на нее, и вдруг он почувствовал, что его член снова ожил. Он надеялся, что ему не придется быстро выходить из-за стола.

— Я знаю, что ты не занимаешься уголовными делами, — начала она, — но у меня сложная ситуация, и мне нужен такой сахарный кусочек, как ты, чтобы посоветовать мне, что делать.

Сладкий и сахарный кусочек. Никто и никогда не обращался к Чарльзу Данвуди таким образом, а он уже был не молодым. Миссис Барлоу была права в своем утверждении, что Данвуди не практиковал вульгарную защиту по уголовным делам. Он полагал, что защита преступных действий была ареной, где действовали мошенники и пускатели пыли в глаза. Тем не менее, любой уважающий себя адвокат, отучившийся в юридической школе, был хорошо знаком с конституционным правом, а, как известно любому дураку, конституционное право является краеугольным камнем уголовной защиты.

— Расскажи мне об этой ситуации, — сказал Данвуди, — посмотрим, что можно сделать.

Она наклонилась к нему и понизила голос. Ее великолепная грудь лежала на столе, что в некоторой степени мешало Данвуди полностью сосредоточиться.

— Мне нужно знать, как лучше подвести лошадь к воде, но не дать ей напиться, — произнесла она.

Данвуди начал задавать ей вопросы и вскоре понял, что миссис Барлоу была замешана в чем-то рискованном и пыталась манипулировать ситуацией, которая, однако, вполне могла выйти из-под контроля. Тем не менее, странная пара провела вместе час очень приятно, и когда он ушел, Данвуди был убежден, что дал миссис Барлоу несколько ценных юридических советов, которые, по крайней мере, дали ей представление о том, что следует сделать, чтобы достичь своей цели.

Позже Данвуди узнал, что миссис Барлоу последовала его совету. Он сказал своим ближайшим друзьям в загородном клубе, что он гордится своим участием в этом.

После четырех бессонных ночей со времени побега Мейнарда я присутствовал на похоронах близнецов Бауэрс в Маунтин-Сити. Я сидел возле церкви в купленной подержанной машине, чтобы заменить автомобиль, который Тестор-младший столкнул вместе со мной в озеро. Я прополоскал рот и подождал, когда все войдут внутрь. Когда на улице ни осталось никого, я проскользнул в заднюю часть церкви. Внутри находилось как минимум сто полицейских, и у меня было чувство, что все они наблюдают за мной. Как только служба закончилась, я ушел, ни с кем не разговаривая.

Через час я прошел сложную процедуру посещения заключенного в Северо-восточной тюрьме строгого режима недалеко от Маунтин-Сити. Тюрьма — это кость, брошенная пятнадцать лет назад законодательным органом Теннесси, сельскому округу, оказавшемуся на грани экономического краха. Люди, планировавшие создание округа Джонсон упустили важное условие для современного экономического выживания. Они не учли, что для нормальной торговли покупатели не должны ехать более половины дня. Дороги, ведущие в Маунтин-Сити, узкие и с ограниченной скоростью. Туда невозможно добраться любым другим способом. В результате никто не ездит в город. Вот почему округ Джонсон не собирает достаточно налогов и, следовательно, не может нанять достаточного количества полицейских или профинансировать школы.

Однако в 1991 году в великом штате Теннесси готовились расширить свою тюремную систему и начали искать жертв. Они начали лоббировать свои интересы в экономически депрессивных округах, а те, в свою очередь, начали лоббировать свои интересы перед ними. После того, как звезды на политическом небосклоне расположились должным образом, округ Джонсон, находящийся в самом сердце Аппалачей и одном из самых красивых мест во всей стране, был награжден собственной бетонной тюрьмой среднего размера, вмещающей 2000 коек. Люди, организовавшие ее, говорили, что их цель заключалась в том, чтобы заставить заключенных работать на государственных/частных предприятиях — сокрушительное сочетание капитализма и коммунизма. Это не сработало.

На тот момент, когда я вошел через главный вход Северо-Восточной тюрьмы, в общей сложности восемьдесят из двух тысяч заключенных участвовали в тюремных программах занятости заключенных. Я прошел в зону для посетителей и стал ждать надзирателя. Он попросил у документы, обыскал меня и сфотографировал. Я расписался в журнале посетителей, и он повел меня через внутренний двор, окруженный забором из пятиметровой проволочной сетки, оканчивающейся колючей проволокой. Небо было ярко-синим, а красота окружающих гор иронично контрастировала с колючей проволокой и бетонными стенами.

Как только я оказался в коммуникационном центре, роботоподобный офицер в черной форме повернулся ко мне и через бронированное стекло потребовал предъявить удостоверение личности. Я положил его на вращающийся лоток из нержавеющей стали. Оно исчезло, и охранник попросил меня пройти дальше. Я последовал за своим проводником обратно на солнечный свет, мы шли по огражденному еще одной проволочной сеткой тротуару, ведущему в блок строгого режима, где содержались заключенные, арестованные за нападение на охранников или других заключенных.

Многие из сотен человек из отделения строго режима совершили убийство уже после того, как попали в тюрьму. К ним относились, как к опасным животным — с крайней

осторожностью. Они содержались в одиночных камерах двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю, за исключением тех случаев, когда посещали душ два раза в неделю. Если по какой-то причине им приходилось выходить, на них надевали наручники, кандалы и закрепляли к цепочке на талии. С ними общались только одним способом — через щель в двери камеры, через которую подавали еду.

И они кричали.

Какофония началась, как только я прошел четвертый контрольно-пропускной пост и вошел в тюремный блок. Для заключенных в блоке строгого режима человек в костюме мог означать лишь несколько вещей, что он либо полицейский, либо адвокат или кто-то из тюремной администрации. И они ненавидели их всех. К тому моменту, как я сделал тридцать шагов по коридору до кабинета, где собирался поговорить, я услышал все возможные оскорбления в адрес матери, сестры, жены и дочери и гомосексуалистов.

Тюремный блок был двухэтажным, открытым и овальной формы. Охранник, сидевший на контрольном посту, наблюдал за всеми двадцатью камерами в блоке, и все заключенные могли видеть его через маленькие окна дверей. Офицер, крепкий молодой человек лет двадцати пяти, впустил меня в комнату и сказал:

— Я схожу за ним. Это не займет много времени.

Он собрался выйти, но заколебался, повернулся и добавил:

— Мне жаль.

— Спасибо, — ответил я. — Мне тоже.

Мейнард Буш был пойман через четыре часа после своего дерзкого побега посреди дня из тюрьмы в Джонсон-Сити. Тело Бонни Тейт было обнаружено в ее машине на парковке гольф-клуба «Долина Роана». Очевидно, Мейнард получил от нее все, что хотел, и, как только она остановила машину и сняла с него наручники, он застрелил ее.

Мейнард после убийства Бонни направился прямо к своей матери, которая выгнала его из дома, когда ему было четырнадцать лет. Мать Буша видела, как Мейнард шел к дому, вызвала полицию, и те примчались с оружием в руках. Когда они добрались туда, то услышали несколько выстрелов внутри дома. Мейнард не реагировал на них. Через час группа спецназа из службы дорожного патрулирования штата Теннесси забросила в дом баллоны со слезоточивым газом, и они ворвались внутрь, где обнаружили Мейнарда, сидящего за кухонным столом, сжимающего свои обожженные глаза. На тарелке перед ним лежал недоеденный бутерброд. Изрешеченное пулями тело матери лежало у его ног. Когда Мейнарда спросили, почему он не стрелял, он ответил, что потратил все пули на свою мать.

Я разговаривал с Бернис Буш, матерью Мейнарда, когда готовился к его суду в мае. Она осталась растить Мейнарда одна после того, как его отца увезли в тюрьму за то, что он застрелил соседа во время спора о границе собственности. Станным было то, что отец Мейнарда был арендатором — он даже не владел собственностью.

Бернис была хрупкой, слабой женщиной лет пятидесяти пяти, которая жила в лачуге, состоявшей из четырех комнат, в двух милях от шоссе №67 в округе Картер, недалеко от границы округа Джонсон. Ее квартира была такой же захудалой, как и она сама. Пахло собачьей мочой и сигаретным дымом. По всему дому и крошечному переднему двору были разбросаны пластиковые мешки, наполненные пустыми банками пива «Кистоун».

Бернис жила за счет пособия по инвалидности, талонов на питание и рецептов на лекарства, отпускаемых по рецепту, предоставленному медицинской программой штата Теннесси. Оказание медицинской помощи бедным было благородным, но плохо

управляемым усилием государства. Она сообщила мне, что Мейнард стал наркоманом в четырнадцать лет. Бернис сказала, что он постоянно крал ее таблетки от нервов и начал экспериментировать с уличным наркотиком под названием «Лед». Он перестал ходить в школу и начал тусоваться с группой «маленьких бандитов», как она их назвала. Сидя там, глядя на нее, я не мог себе представить, что есть более худшая группы чем та, к которой она принадлежала сама.

Она сообщила мне, что у нее была старая дворняга по кличке Хохотун, которую она назвала так из-за своеобразного лая. Когда Бернис упомянула ее, то внезапно помолодела на десять лет, и ее грубый голос стал нежным. Она рассказала, что однажды вечером четырнадцатилетний Мейнард вернулся поздно и сел на диван. Она вошла в комнату, чтобы попытаться поговорить с ним, но он был возбужден и говорил бессвязно, поэтому она вернулась в свою комнату. В этот момент Хохотун запрыгнул на диван и лизнул лицо Мейнарда. Тот схватил собаку за шею, выволок ее в сад, вытащил из-за пояса пистолет и выстрелил псу в голову.

На следующее утро, когда Мейнард протрезвел, она предоставила ему выбор: уйти или сесть в тюрьму. У него и раньше были неприятности с законом, и он был на испытательном сроке. Оба знали, что если она вызовет полицию, его немедленно отправят в тюрьму для несовершеннолетних. Мейнард решил уйти. Она сказала, что была рада такому развитию событий, потому что боялась, что, если его посадят, то она может потерять часть своих социальных пособий. Он упаковал некоторые вещи в старую спортивную сумку, и в три часа дня сел в машину с друзьями. С тех пор она его не видела. Бернис сказала, что ненавидела его, потому что он убил ее собаку.

Примерно через шесть часов после ареста Мейнарда и его возвращения в тюрьму в мой офис позвонил судья Гласс.

— Я хочу как можно скорее назначить новую дату первого судебного разбирательства по делу Мейнарда, — начал он, — и вы могли бы защищать его по новым обвинениям. Ему будет предъявлено обвинение в побеге, четырех умышленных убийствах, заговоре с целью преднамеренного убийства. Вы ведь не будете возражать?

— Не возражал бы я?

Вероятно, это был самый глупый вопрос, который я когда-либо слыша. Процесс над Энджел давил на меня, я постоянно находился в поисках Тестера-младшего, моя мать умирала, сестра сидела в тюрьме, и я чувствовал себя частично виновным в смерти Дэвида и Даррена. И в довершение всего, я знал, что если б стал защищать интересы Мейнарда после убийства двух любимых помощников шерифа, то нажил бы себе новых врагов в округе Джонсон, и мне, вероятно, пришлось бы продолжать заниматься юридической практикой, по крайней мере, еще два года. Я бы не возражал?

— Судья, я же говорил, что больше не хочу больше назначения на дела. Я уйду с этой работы.

— У всех нас имеются проблемы, мистер Диллард, — сказал он. — На данный момент моя самая большая проблема — разобраться с этим дерьмом. Вы уже назначены на первые два убийства, еще несколько не повредит вам. Заключите сделку для всех убийств сразу и покончите с этим.

— Судья, вы меня не слушаете.

— Процессуальное право гласит, что я могу назначить вас на любое дело. Если вы

откажетесь, я могу обвинить вас в неуважении. Теперь необходимо разобраться как профессионал, либо я предъявлю обвинение в неуважении и отправлю в тюрьму, либо вы беретесь за дело.

— Где его держат? — спросил я сквозь стиснутые зубы.

— Насколько я знаю, его отвезли в Северо-восточную тюрьму в блок строгого режима. Он должен быть обвинен как можно быстрее, если вы не сможете заставить его подписать отказ от своих прав. Как думаете, у вас все получится?

— Понятия не имею. Я должен его спросить.

— К пятнице с ним надо поговорить.

— Я отправлюсь к нему после похорон, — пообещал я.

Крепкий молодой охранник вернулся с двумя своими, такими же крепкими и молодыми коллегами, как и он, и Мейнардом, который шел между ними и самодовольно улыбался. У него на лице и руках были синяки — полагаю, это была работа полицейских. Охранники посадили его на стул напротив меня. В полу не было крючков, чтобы зацепить цепь, поэтому они пропустили ее несколько раз через его кандалы и обернули вокруг ножек стула. Поэтому, если бы он решил броситься на меня, ему пришлось бы тащить за собой стул.

— Вы хотите, чтобы мы остались в комнате? — спросил один из охранников.

— Нет, спасибо. Я уже много раз общался с мистером Бушем.

— Если у вас возникнут какие-либо проблемы, просто крикните. Мы будем прямо дверью, — сказал он.

Я посмотрел на Мейнарда. На его полосатом комбинезоне как спереди, так и сзади, было написано — «Строгий режим». Его взгляд блуждал, на лице застыла отвратительная ухмылка.

— Ты был очень занятым в эти дни, — сказал я.

— Спасибо за помощь, — ответил он.

— Сукин сын. Ты использовал меня.

— В обоих случаях ты прав. Моя мать была сукой, и да, я играл с тобой. Не волнуйся об этом. Я играл со всеми. Как ты думаешь, почему я так сильно хотел сменить место процесса? Я знал, что эти парни из Маунтин-Сити не смогут обеспечить хорошую охрану.

— Почему, Мейнард? — спросил я. — Зачем нужно было сбежать и совершать что-то настолько глупое?

— В течение двадцати лет я хотел расплатиться с этой никчемной старой ведьмой. Я должен был сделать это, когда еще был ребенком. Единственное, о чем я сожалею, что у меня не было больше времени на нее. Я хотел видеть ее страдание.

— Это единственная причина побега? Убийство своей матери?

Он улыбнулся.

— А Тейт? Почему?

Он пожал плечами.

— Она напала на помощников шерифа, дала мне пистолет, а затем вывезла меня оттуда, как я ей и сказал. То есть она была так же виновна в их смерти, как и я. Не думаю, что ей понравилось бы в тюрьме, поэтому я сделал ей одолжение. Кроме того, она была больше мне не нужна.

— Теперь тебе будет предъявлено обвинение еще в четырех убийствах, — сказал я. — Двух помощников шерифа, Бонни Тейт и твоей матери.

— Я знаю, сколько убил. Я умею считать.

— Судья хочет сначала судить тебя за подростков, потом за полицейских, потом за Бонни, а потом за мать. Однако имеется небольшая проблема. Закон гласит, что они должны предъявить обвинение как можно скорее. Обычно они делают это в течение семидесяти двух часов после, но в ситуации с охраной тебя у них есть некоторая свобода действий. Здесь у меня имеется письменный отказ, который необходимо подписать. У них есть тридцать дней, чтобы предъявить новые обвинения, но они, вероятно, сделают это в течение следующей недели или двух. Так что отказ можно подписать, а можно и не подписывать. В конце концов, ты все равно попадешь в камеру смертников.

Я достал документ из портфеля и встал, чтобы подойти к нему. Он был связан цепями, как курица, но я бы солгал, если бы сказал, что не опасаясь его. Я положил свой портфель ему на колени и сунул ручку в правую руку. Он нацарапал свою подпись на пустом месте и сказал:

— Они не могут убить меня более одного раза.

— Ты закончил, Мейнард? Ты убил свою мать. Этого достаточно? Или ты собираешься убить еще кого-то до того момента, как они воткнут иглу тебе в вену?

— Тебе больше не придется беспокоиться обо мне.

— Почему? Ты планируешь самоубийство?

— Нет, я слишком люблю себя. Но они доберутся до меня здесь, Диллард. Попомни мои слова.

— Кто?

— Я убил двух полицейских в этом округе. Ты же не думаешь, что они оставят меня в живых?

— Ты находишься в блоке строгого режима, если забыл. Никто не может добраться до тебя здесь.

— Охранники могут. Я не проведу здесь и неделю. Но это не важно. Я прожил свою жизнь и, наконец, отомстил.

Я подошел к двери и открыл ее. Трое крепких молодых охранников вошли и забрали Мейнарда, и я снова начал забег между различными постами контрольно-пропускных пунктов, чтобы выбраться отсюда. Когда я, наконец, оставил позади отсек строгого режима, я подумал о том, что сказал Мейнард. Вероятность того, что у Дэвида и Даррена имеются друзья и родственники, работающие в тюрьме, была высока. На мгновение я подумал, что должен что-то сделать, например, отправить запрос на перевод Мейнарда из округа Джонсон, чтобы избежать его смерти. Затем я подумал о причинах, которые мне следует указать в запросе: возможно, тюремные охранники захотят убить его. Я представил, как сообщаю об этом судье Глассу. Он отправил бы меня прямо в тюрьму.

Я решил, что пусть Мейнард будет сам по себе.

10 июля

9:45

Агент Ландерс посмотрел на свой звонящий мобильный телефон, а затем перевел взгляд на голую блондинку, лежащую рядом с ним. Его голова снова пульсировала. Женщина была и вполнину не так молода, как показалось ему прошлой ночью. Вероятно, в баре было плохое освещение. Или виски.

У него был отпуск до конца недели. Он с Буллом Дикинсоном запланировали на пару дней отправиться в жаркую Атланту. Они намеревались посмотреть матч «Атланта Брэйвз», пойти в «Золотой пони», снять там пару малышей и провести с ними парочку дней.

Имя районного прокурора высветилось на экране телефона. Чудесно. Он рванул простыню на себя и отвернулся, чтобы не смотреть на женщину во время разговора по телефону.

— Ландерс.

— Фил, это Фрэнки Мартин. У нас серьезная проблема. Наш единственный свидетель по делу Энджел Кристиан мертва.

Дикон Бейкер поручил дело Энджел Кристиан Мартину, который только закончил четырехлетнее обучение в юридической школе и никогда не занимался делами об убийстве. Мартин этого не знал, но Дикон хотел сделать из него козла отпущения. Если все пойдет не так, то Мартину придется упаковать свой багаж и отправиться восвояси.

— Джули Хейс? — спросил Ландерс. — Как?

— Вчера днем ее обнаружили дома. Она не вышла на работу, поэтому Эрлин Барлоу отправила к ней одного из своих молодчиков. Ее обнаружили мертвой на кухонном полу. Судмедэксперт округа Вашингтон, работавший на месте преступления, сказал, что похоже на отравление, поэтому я попросил патологоанатома поторопиться с результатами вскрытия. Он сказал, что она была накачена кокаином и стрихнином.

Ландерс слышал о смешивании кокаина и стрихнина на семинаре, организованном Агентством по борьбе с наркотиками. Это был относительно простой процесс, вызывавший мучительную смерть.

— Есть идеи, кто мог это сделать? — спросил Ландерс.

— У меня, безусловно, есть кандидат.

— Ты думаешь, это Барлоу?

— Да. Кому еще нужна ее смерть?

— Ты думаешь, она сделала это, чтобы помешать той давать показания против Энджел? Фрэнки, я думаю, ты спешишь. Зачем ей рисковать, убивая кого-то, чтобы помочь Энджел? Малышка жила здесь всего пару месяцев, когда мы ее арестовали. Барлоу едва ее знает.

— В данном случае, я думаю, что Барлоу, возможно, убила проповедника.

— Тогда зачем ей убивать свидетеля, который мог нам помочь осудить кого-то другого? Нет логики. И если ты не забыл, у нас гораздо меньше доказательств против Барлоу, чем против Энджел.

Ландерс ненавидел работать с молодыми прокурорами: они были слишком глупы, чтобы выжить.

— Сегодня утром Дикон рассказал мне о свидетеле, который видел Барлоу на мосту, — сообщил Мартин.

— А знаешь, что Дикон сказал мне об этом свидетеле? Он заявил, что тот ненадежен. Он считает, что тот ни за что не смог бы узнать ее в такой темноте. Он сказал мне не обращать на него внимания.

— Фил, что мы будем делать? И с Хейс дело было достаточно слабым. Без нее я просто могу приостановить дело.

— Прежде всего, я не рвался бы выставить ее перед судом присяжных. Можешь поблагодарить за это своего босса. Он сказал, что хочет раскачать дерево.

— Шел бы он со своим деревом. Диллард надерет мне задницу в суде. Я стану

посмешищем. Все газеты и телеканалы в округе освещают ситуацию, и все увидят в прямом эфире, как я терплю неудачу. Приближаются выборы. Вы, ТБРовцы, можете не обращать особого внимания на такие вещи, но проигрыш громкого дела об убийстве за неделю до выборов — далеко не лучшая вещь с политической точки зрения. Бейкер уволит меня.

— Это не поможет и моей карьере, Фрэнки.

— Почему мы не оформили ее в качестве важного свидетеля?

— Потому что она никогда не намекала, что может куда-то деться.

— Ты знал, что она была наркоманкой?

— У меня были некоторые подозрения.

Ландерс почувствовал, как по его ноге скользит рука, и он оттолкнул ее в сторону. Рука вернулась, и он снова отшвырнул ее. Он подумал о том, как сильно ненавидит юристов, в том числе прокуроров! Каждый раз, когда что-то не получалось, они обвиняли в этом полицию. Он также теперь не мог стареющих крашенных блондинок, подобных той, что лежала в его постели. Он хотел, чтобы она просто встала и ушла.

— Мы должны постараться извлечь из этого максимум пользы, — сказал Фрэнки. — Я недавно разговаривал с Диконом, и мы вместе составили план. Что касается дела Кристиан, мы сделаем предложение Дилларду, от которого он не сможет отказаться, но если это не сработает, то нам понадобится твоя помощь.

— Фрэнки, я в отпуске до конца недели. Позвони мне в понедельник.

Ландерс повесил трубку и повернулся к женщине, выглядывавшей из-под простыни. Ресница на левом глазу у нее была длиннее раза в два, чем на правом. Эта аномалия, вероятно, была вызвана бурными сексуальными играми этой ночью. Без сомнения, он найдет ее позже в постели. Фу! Корни ее светлых волос были черными, как и родинка над левой ноздрей. Ландерс понятия не имел, как ее зовут.

— Вставай, — сказал он. — Пора уходить.

— Не хочешь еще немного поиграть?

— Вставай и убирайся отсюда.

Женщина начала собирать одежду, разбросанную на полу между кроватью и дверью. Она была обнажена, и Ландерс, наблюдая за ней, хотел, чтобы она прикрылась. Сзади ее бедра были покрыты целлюлитом, а отвисшая задница дергалась, как желе. Когда она встала и посмотрела на него, он пришел к выводу, что ей уже за сорок. Ландерс предпочитал молодых женщин, гораздо более молодых. Сколько же он выпил?

Он натянул простыню на голову и откинулся назад.

— Можешь одеться внизу, когда будешь уходить, — сказал Ландерс. Его начало тошнить.

Он услышал, как она подошла к двери спальни, и стянул простыню, чтобы в последний раз взглянуть на нее и напомнить себе, почему он не должен так много пить. Открыв дверь, она повернулась к нему лицом.

— Ты паршивый любовник, — сказала она и вышла.

— Как будто ты это помнишь.

Ему необходимо было принять душ. Он отбросил простыню и обнаружил ее. Накладная ресница лежала всего в нескольких сантиметрах от его правого бедра. Она была похожа на мертвую сороконожку. Ландерс почувствовал, как у него скрутило живот. Ему удалось добраться до ванной комнаты как раз вовремя.

11 июля

7:00

Когда мы поместили маму в дом престарелых, то перевезли туда часть ее мебели: шкаф, два стола, лампу и кресло. Мы думали, что ей будет легче адаптироваться и чувствовать себя там более комфортно.

Я провел день, разбирая фотографии. Одна из них, на которой был изображен один из моих пап – член школьной футбольной команды, теперь висела справа от телевизора. Мама попросила меня повесить фотографию там, чтобы она могла любоваться ею с кровати. А теперь она даже не помнила, кем он был.

Я прибыл к ней в семь часов утра и обнаружил ее, лежащей на спине с остановившимся взглядом. В течение нескольких недель она молчала, мочилась под себя и пускала слюни. Слюна текла из уголка ее рта и намочила наволочку. Я вынул свежее белье из стенового шкафа и пошел искать сиделку. Я ждал в коридоре, пока та меняла подгузник маме. Я не мог сделать это сам.

Когда медсестра закончила, я вернулся в комнату и сел. С того дня, как я рассказал ей о Раймонде, у меня появилась привычка общаться с ней, хотя она не понимала ничего из того, о чем я ей говорил. Я превратил свои визиты в сеансы мини-терапии без психиатра. Чаще всего я говорил о своих делах и постоянном конфликте с самим собой.

— Мне просто повезло, да, мам? — сказал я. — Я веду дело, мой клиент невиновен, а сын жертвы — психопат. Все дома напуганы до смерти. Каждую ночь мы дважды проверяем, чтобы все окна были закрыты, а двери заперты. У меня спрятано оружие по всему дому. Мы проводим половину времени, глядя в зеркала заднего вида и оглядываясь через плечо. Это безумие. Но знаешь что? Вся эта система сумасшедшая. Уже более десяти лет я нахожусь в этом странном мире лжи и мошенничества, в котором неизвестно слово «честь». Все это просто извращенная игра, и выигрывает тот, кто лучше всего лжет. Они называют это системой уголовного правосудия. Что за чушь. Обвиняемые, полицейские, прокурор — все лгут и обманывают, защитники делают то же самое, а судьи — даже не стоит говорить. Американская правовая система оказала бы большую услугу, если бы могла каким-то образом избавиться от половины действующих судей и начать все сначала...

Зазвонил мой мобильный телефон. Это была Кэролайн.

— Только что позвонил Дикон Бейкер. Вчера они обнаружили Джули Хейс мертвой в ее доме. Он хочет, чтобы ты приехал к нему. Он собирался предложить тебе сделку.

Я наклонился и поцеловал мать в лоб. Этого я никогда не делал, когда она была в сознании.

— Я люблю тебя, мама. Я должен идти, но я рад, что мы могли немного поговорить. В следующий раз я расскажу тебе о Мейнарде Буше

11 июля

9:00 утра

Дикон Бейкер и Фрэнки Мартин ждали меня в зале заседаний, в котором в обоих углах на маленьких столиках стояли вазы с искусственными цветами, а стены были заставлены книжными полками, набитыми устаревшими юридическими книгами и полицейскими журналами. Потолок был низким, а в углах уже образовалась плесень. Освещение было таким же плохим, как и в тюрьме.

— Мистер Диллард, — сказал Бейкер, когда я вошел. — Полагаю, вы знаете моего помощника Фрэнки Мартина?

— Да.

Я пожал им руки и сел за длинный стол спиной к стене. Бейкер и Мартин сели напротив меня. Бейкер напоминал одного из сказочных гномов из «Чарли и шоколадная фабрика» Роальда Даля. Он был невысоким, пухлым, лысым, и всегда носил подтяжки. Он также курил толстую сигару, хотя курить в здании было запрещено. Запах и дым были отвратительны.

— Вы готовы к процессу? Я сожалею о вашем свидетеле, — не удержался я.

— Конечно, — ответил Бейкер. — У нас и без нее достаточно улик.

— Я так понимаю, вы, господа, хотите обсудить вопрос о судебном урегулировании.

— Совершенно верно, — ответил Бейкер. — Давайте будем честны друг с другом. Возможно, мы сможем отложить в сторону наши претензии.

Сделка о признании вины полностью отражала слово «претензии». Никто не собирался «отложить в сторону».

У нас имеются веские аргументы, — продолжил Бейкер, — но после тщательного рассмотрения всех материалов, я не думаю, что целесообразно требовать смертной казни. Мы могли бы согласиться отозвать требование в обмен на признание.

Так, ради правды. Их дело было слабым, особенно сейчас, после смерти Джулии Хейс.

— Что вы предлагаете? — спросил я.

— Двадцать лет за непредумышленное убийство.

— Ни в коем случае. Не с теми доказательствами, которые я видел. Вы же, конечно, вытащили меня сюда не ради этого предложения.

— Сделайте встречное предложение, — сказал Бейкер.

— Я также тщательно все обдумал, — начал я, — и, как я понимаю, у вас и так было слабое дело, основанное на косвенных доказательствах без существенных улик, еще до того как умер ваш самый важный свидетель. Кроме того, ваша жертва тоже не вызывает сочувствия. Вам придется потратить много времени на то, чтобы объяснить, почему ваш проповедник пошел в стриптиз-клуб. Затем, я полагаю, вы попытаетесь доказать, что он договорился с проституткой после того, как снял деньги со своего банковского счета как раз перед тем, как уйти. В качестве доказательства вы собираетесь представить выписку с банковского счета. Не думаю, что присяжным это понравится, и я сделаю все возможное, чтобы этого не случилось.

— Давайте предположим, что он был там, как вы говорите, чтобы «договориться с проституткой», — встрял Мартин, — «но это не означает, что он заслужил, чтобы его жестоко убили и изуродовали. Жюри присяжных обязательно захочет, чтобы за это кто-то ответил».

— Уверен, что так и будет, — сказал я. — Но не Энджел. Я не думаю, что она это сделала, и вы не можете доказать обратное. Возможно, его убила Барлоу или любая другая девушка в клубе. Возможно, он ушел куда-то еще и снял там шляху. Кто-то, возможно, ждал его, когда он вернулся в свой номер. Это мог быть кто угодно, и вы это хорошо знаете.

— В номере не было обнаружено волос других людей, — сказал Бейкер. — Только вашей клиентки.

— Если бы они нашли волосы в ванной или на подушках и даже на полу, все было бы совсем иначе. Но волосы были обнаружены на его одежде. Вполне возможно, что они

попали на него, когда девушка подавала ему выпивку в клубе, и он потерял об ее тело. Единственным способом, которым вы могли возбудить подозрения у присяжных против Энджел, могло быть свидетельство Джули Хейс, но она умерла.

— У нас достаточно других доказательств, — заявил Бейкер.

— Дикон, я знаю, что у вас есть другие доказательства. Но и у меня они имеются. Я планировал удивить вас этим, но раз уж мы говорим начистоту, то я вам скажу. У меня имеется свидетель, утверждающий, что видел женщину на мосту Пикен около полуночи в ночь убийства, подходящую под описание Эрлин Барлоу. Его зовут Вирджил Уотерсон. Полагаю, вы о нем слышали.

Бейкер покраснел. Очевидно, ему не пришло в голову, что свидетель мог обратиться со своими показаниями к адвокату защиты, и, видимо, Ландерс не сообщил ему о нашем разговоре в здании суда.

— Этот свидетель не вызывает доверия, — заявил он. — Единственное, что видел свидетель, — это женщина на мосту посреди ночи. Скорее всего, он не смог бы ее узнать. Он даже не был уверен в цвете машины.

— Вы не хуже меня знаете, что если кто-то в этом клубе мог убить Тестера, то это, вероятнее всего, Эрлин Барлоу.

Я почувствовал вину, когда произнес это. В конце концов, Эрлин заплатила мне приличную сумму наличными, но моя задача была защищать Энджел. Я не мог заботиться об Эрлин.

— Я не могу доказать это, — сказал Бейкер.

— Вы также не можете доказать, что его убила Энджел.

— Так что же нам остается? — Бейкер выглядел так, словно собирался позвонить маме.

— Мы готовы испытать судьбу в суде.

— Что нужно для разрешения этого дела без суда? Сделайте разумное встречное предложение.

Именно в этом заключалась сложность. Если Энджел была невиновна, я хотел, чтобы она вышла на свободу без каких-либо условий, но единственный способ добиться этого — выиграть суд присяжных. Но выиграть дело об убийстве в суде присяжных — проще сказать, чем сделать. Кроме того, я знал Дикона. Как и большинство прокуроров, он ни за что не признал бы, что совершил ошибку, и немедленно бы прекратил дело. Я знал, что должен был дать ему что-то для заключения сделки и исключить риск того, что Энджел могла быть признана виновной и приговоренной к пожизненному заключению или смерти.

— Она может согласиться сделать заявление в отношении своей виновности или невиновности по другим преступлениям, конечно, если вы согласитесь на условный срок, — сказал я. — Она и так пробыла в тюрьме дольше, чем следовало.

— Вы же не думаете, что она невиновна, не так ли? — спросил Фрэнки.

— На самом деле, именно так я и считаю. У нее нет судимостей, она не употребляет ни наркотиков, ни алкоголя, у нее нет никаких психологических проблем (это была чистая ложь) и она кажется очень мягким человеком. Я не думаю, что она совершила убийство. Кроме того, я хочу сказать еще кое-что. Из нее получится чудесный свидетель. Вы знаете, какая она красивая и выглядит очень искренней.

— Условный срок невозможен, — пробурчал Бейкер. — Я не могу превратить дело о смертной казни в преступление, заслуживающее условного приговора. Я буду выглядеть дураком.

— Дикон, ты сможешь это объяснить — сказал я. — Подумай об этом. Вы сообщаете суду, что важный свидетель умер, и что расследование выявило некоторые вещи, которые нельзя разглашать, но они убедили вас, что досудебное урегулирование наилучшим образом будет отвечать интересам правосудия. Вы заявите прессе, что работа окружного прокурора состоит в том, чтобы следить за торжеством справедливости, а не просто пытаться победить любой ценой. Тогда вы соберете улики против Эрлин Барлоу и сделаете все правильно. Вы можете выйти из этого как герои и, поверьте мне, вы не услышите ни слова критики от меня. Я скажу прессе, что окружной прокурор принял правильное решение и что в этой трагической ситуации он действовал добросовестно. Я публично спою дифирамбы всего за несколько недель до выборов.

Бейкер откинулся на спинку стула и вытащил сигару изо рта. Он посмотрел на Мартина, затем снова перевел взгляд на меня. На его губах появилась кривая улыбка.

— Хитро, однако, — сказал он.

— Я просто пытаюсь «смазать колеса», — улыбнулся я. — Мы оба выиграем. Моя подзащитная отправится домой, а вы будете выглядеть хорошими парнями. Мы возьмем три года условно за нападение при отягчающих обстоятельствах. Она будет у тебя под каблуком три года. Если она облажается, ей будет грозить наказание.

— Я должен подумать об этом, — сказал Бейкер.

— Что вы собираетесь делать с сыном Тестера? — спросил я.

— Ничего. Я слышал, что его уволили из офиса шерифа. Кстати, он даже не зарегистрировался как избиратель в этом округе. Я не хочу иметь с ним дело.

Я встал, чтобы уйти

— Дикон, я не хочу показаться высокомерным, но если вы решите пойти в суд, то проиграете. Она не убивала его.

Бейкер ничего не сказал, он был в раздумьях.

— Мы подумаем, — ответил за него Мартин.

— Позвоните мне, когда примите решение — сказал я. — Я буду продолжать готовиться к процессу.

Мне позвонили через два часа.

— Она может заявить о нападении при отягчающих обстоятельствах и получить минимум три года, — заявил Фрэнки Мартин.

— Это должна быть сделка без признания, и вы должны согласиться с условным приговором, — произнес я.

— Прекрасно.

— Бейкер собирается заняться рекламой?

— Он уже звонит по телефону, — сказал Мартин. — После заявления он проведет пресс-конференцию и объяснит, почему мы согласились на это.

Я повесил трубку и направился поговорить с моей клиенткой.

14 июля

9:00

Когда судья Грин вошел и сел под портретом умершего судьи, я осмотрел зал суда. В отсеке для жюри присяжных снова было полно журналистов, которых пригласил Дикон Бейкер. Я чувствовал себя нервным и усталым — большую часть ночи воскресенья провел в тревоге из-за готовности Энджел принять эту сделку. Я говорил себе, что это заявление

устраняет почти все риски, гарантирует ее освобождение из тюрьмы и спасает от бремени суда. Но я также знал, что, если бы меня обвинили в преступлении, которое я не совершал, ничто не смогло бы убедить меня принять трехлетнее наказание, будь оно условным или нет. Энджел не нуждалась в уговорах.

— Я так понимаю, у нас есть заявление по делу №35666 «Штат Теннесси против Энджел Кристиан», — сказал судья Грин. — Приведите обвиняемую.

Энджел прошла через дверь справа от меня, и я улыбнулся ей, когда она направилась к трибуне. Она отвела взгляд. Я думал, что она простила мое жесткое обращение с ней в тот день, когда расспрашивал ее об Эрлин, но, возможно, я ошибался.

— Дайте мне посмотреть документы, — произнес судья Грин.

Я взял с собой бланки соглашения о признании вины, которые Энджел подписала, когда я объяснил ей суть сделки. Теперь я передал их судебному приставу, который отдал их судье. Грин никогда не позволял адвокатам приблизиться к своему месту для подачи документов или вещественных доказательств. Он требовал, чтобы все было передано ему через судебных приставов, словно сама идея иметь прямой контакт с низшими существами, такими как адвокаты, вызывала у него отвращение.

В течение нескольких минут судья Грин изучал бумаги и в какой-то момент нахмурился. Закончив, он посмотрел на Фрэнки Мартина и Дикона Бейкера, которые смотрели прямо перед собой.

— Мистер Бейкер, не могли бы вы объяснить мне?

— Объяснить что, ваша честь?

— Штат сводит обвинение в убийстве при отягчающих обстоятельствах к нападению при отягчающих обстоятельствах. Вы также соглашаетесь с условным сроком. Ваша жертва каким-то чудесным образом была воскрешена?

— Нет, ваша честь, он все еще мертв.

Репортеры засмеялись. Я подумал о Тестере-младшем, и на мгновение мне стало его жалко.

— Тогда почему вы позволяете этой женщине подавать прошение, как будто жертва жива? — спросил Грин.

— Ваша честь, я думаю, очевидно, что у нас возникли некоторые трудности с этим делом. Это компромиссная сделка. Важный свидетель скончался. Кроме того, в ходе расследования выявились некоторые вещи, которые я не имею права разглашать и обсуждать сейчас, но они убедили меня в том, что это соглашение отвечает интересам обеих сторон.

— Почему бы вам просто не приостановить дело? — спросил судья Грин. — Вы всегда можете открыть его, если появится новый свидетель или ваши проблемы найдут решение. Для убийства не срока давности.

— Мы считаем, что это лучший способ решить проблему. Клиентка господина Дилларда готова заявить, что согласна с обвинением в нападении с отягчающими.

— Нет, я не..., — тихий голос раздался справа от меня

Судья Грин обратил свое внимание на меня.

— Мистер Диллард, ваша клиентка что-то сказала?

— Думаю, да. — Я посмотрел на Энджел. — Что ты сказала?

— Я не хочу этого делать. Я передумала.

Бейкер встал.

— Но мы же заключили сделку...

— Заткнитесь, — сказал судья Грин. — Что это значит, мистер Диллард?

— Я бы с радостью объяснил, если бы знал, — произнес я. — Когда я разговаривал с мисс Кристиан в пятницу днем, она казалась довольной. Очевидно, она изменила свое мнение.

— Вы теряете мое время, — прорычал судья. — Мне не нравится, когда люди тратят мое время.

— Это неожиданный сюрприз для меня, — сказал я. — Если вы дадите мне пять минут, чтобы поговорить с ней, возможно, мы сможем прояснить ситуацию.

— Не беспокойтесь, — ответил судья.

— Ваша честь, — вмешался Бейкер, — с мистером Диллардом мы достигли компромиссного соглашения, которое, на мой взгляд, является справедливым и удовлетворительным завершением этого очень трудного дела.

— Кажется, что клиент мистера Дилларда думает иначе.

— Но она подписала бумаги, — сказал Дикон. — Она ...

— Мистер Бейкер, это не коммерческий контракт. Она может передумать, когда захочет. Ее просьба должна быть добровольной и сознательной. Я все равно мог бы отвергнуть ее, но девушка спасла меня от этого. Господа, похоже, мы уже идем в суд. Слушание отложено.

Грин был почти весел, когда сошел с трибуны. Он должен был знать, что Дикон не заключил бы такую паршивую сделку, если бы его дело было подкреплено достаточными доказательствами. Это означало, что он может проиграть как раз перед выборами, а если бы он проиграл дело, он, вероятно, проиграл бы и выборы. Так что судья Грин избавится от него.

Я вернулся в комнату присяжных и попросил судебного пристава оставить нас с Энджел наедине. Она села за стол, не глядя на меня.

— Что происходит? — спросил я. — Я думал, что ты была довольна сделкой.

— Я передумала.

— Поговорила с Эрлин? — Она не ответила. — Я принимаю это за ответ «да». Итак Эрлин сказала тебе не принимать сделку?

— Она думает, что ты победишь.

— Я ценю ее уверенность, но ты рискуешь.

— Ты ведь победишь, правда? Я невиновна. Обещай мне, что выиграешь.

Я промолчал. Я мог бы пообещать, но уже прошел через многое в своей работе и знал, что никто и никогда не сможет предсказать, каким будет результат.

— Процесс начнется через две недели. Я буду готов. Я приду к тебе в тюрьму, и мы снова все обсудим. Ты уверена, что хочешь этого?

— Не совсем, — ответила она.

Я не мог не восхищаться ее мужеством, хотя мне казалось, что во многом это связано с безрассудством. Но более важным было то, что я снова услышал волшебные слова: «Я невиновна». И я снова поверил ей.

14 июля

11:45

Ландерс очень быстро понял, что имел в виду Фрэнк Мартин, когда сказал, что Дикону

понадобится его помощь, если Диллард не примет «предложение, от которого не сможет отказаться». Менее чем через час после развала досудебного соглашения Дикон позвонил Ландерсу и попросил его спуститься в офис окружного прокурора. Когда Ландерс вошел в кабинет Бейкера и сел, ему сообщили, что решили перейти к Плану В, заключающийся в том, чтобы заставить сестру Дилларда помочь им с Энджел.

— Я подумал об этом еще месяц назад, — сказал Ландерс. — Я уже пытался наехать на нее. Она отказалась, но я планировал попробовать еще раз. Теперь, когда судья Гласс наказал ее по полной программе, ее отношение могло измениться.

— Великие умы мыслят одинаково, — произнес Бейкер.

Он подумал использовать сестру Дилларда сразу после того, как услышал о шестилетнем приговоре — Они уже отправили ее в тюрьму?

— Нет. Там так много народу, что у них не хватает места для нее. Она в списке ожидания. Директор тюрьмы сказал, что она, вероятно, пробудет здесь около месяца или около того.

— Не люблю использовать тюремных стукачей, но в этом случае, похоже, у нас нет особого выбора, — заметил Бейкер. — Все опросы, проведенные моими людьми, говорят, что соперники дышат мне в спину. Я не могу позволить себе проиграть этот суд.

— Что будем делать, если она не согласится?

— Согласится. Мы предложим освободить ее, как только закончится процесс.

— А как насчет судьи Грина? Он никогда не пойдет на это.

— Я обработаю его, попрошу судью Гласса подписать соглашение. Он сажает ее в тюрьму, к тому же он ненавидит Дилларда и презирает судью Грина. Ему бы понравилась идея, чтобы сестра Дилларда стояла на трибуне для свидетелей и поджарила бы одного из клиентов ее брата. Он, вероятно, придет в суд посмотреть.

Ландерс улыбнулся.

— Неплохая идея, — сказал он.

— Меня не выбрали бы на этот пост, если бы я был тупым.

У Ландерса было несколько саркастичных ответов на это утверждение, но он решил держать рот на замке и поднялся, чтобы уйти.

— Фил, подожди минутку, — произнес Бейкер. — Есть еще кое-что, что нам нужно обсудить.

Бейкер не говорил прямо, но в течение следующих нескольких минут предельно ясно дать понять Ландерсу, что ему все равно, скажет ли сестра Дилларда правду в суде или нет. Он заявил, что ему нужно «прямое свидетельство о том, что Энджел Кристиан призналась Саре Диллард, что она убила Джона Пола Тестера». То есть Ландерс был уполномочен предложить Саре освобождение из тюрьмы в обмен на «ее правдивые показания».

Чем больше Ландерс думал о том, что сестра Дилларда станет главным свидетелем против клиентки ее брата, тем больше ему нравилась эта идея. Ландерсу не терпелось увидеть выражение лица Дилларда, когда его сестра взойшла бы на место свидетеля и помогла осудить Энджел Кристиан за убийство. Дилларду пришлось бы жестко разбираться со своей сестрой во время перекрестного допроса. Какое великолепное шоу ожидалось.

После того, как Бейкер намекнул, что не будет сильно заботиться об истине, Ландерс решил немного облегчить ситуацию. Прежде чем ему привели сестру Дилларда в комнату для допросов в тюрьме, он сел и сочинил показания: сформулировав их так, чтобы они выполняли большую часть работы. Если бы Сара Диллард согласилась подписать их, он дал

бы ей второй экземпляр, чтобы она выучила их наизусть. И когда ее позвали бы для дачи показаний, ей пришлось бы просто повторить то, что она запомнила. Было бы здорово.

Он поднял голову и улыбнулся, когда надзиратель ввел Сару. Она кивнула в ответ. Это был хороший знак. Она выглядела довольно сексуально.

— Я так и подумала, что это можешь быть ты.

— Я слышал, тебя собираются отправить в тюрьму. Могу поспорить, что ты с нетерпением ждешь этого.

— С тем же нетерпением, с которым жду моей следующей маммографии.

— Я слышал, что твой брат сделал с тобой. Жалко и обидно. Я не понимаю, как можно отправить свою плоть и кровь в такое место, как женская тюрьма Нэшвилла. Разве ты не слышала, как там плохо?

— Кажется, ему все равно.

— И что ты чувствуешь?

— Я зла.

— Достаточно зла, чтобы помочь нам?

— Что я получу от этого?

— В обмен на твои показания твое наказание будет сокращено до времени, уже отбытого в заключении, плюс ты заставишь своего брата выглядеть в плохом свете.

Она откинулась на спинку стула и задумалась, но это не заняло у нее много времени. Она глубоко вздохнула и посмотрела Ландерсу в глаза.

— Что нужно делать?

Ландерс швырнул показания через стол, и она начала их читать.

16 июля

9:20

Зачитывание обвинения против Мейнарда Буша в убийствах Бонни Тейт и Близнецов Бауэрс в Маунтин-Сити заняло всего пятнадцать минут, но это были самые напряженные минуты в моей жизни. Зал суда был переполнен друзьями и родственниками Даррена и Дэвида Бауэрсов. Судья Гласс был особенно воинственен, а Мейнард — весьма дерзок. Он не переставал улыбаться. Я хотел спрятаться под стол защиты и оставаться там до тех пор, пока все это не закончится.

Жители округа Джонсон не понимали, что я был назначен представлять интересы Мейнарда Буша бессердечным судьей, который сваливал на меня ужасные дела ради собственного развлечения. Они видели, что я в костюме и стою рядом с социопатом, убившем двоих из них, и говорю от его имени. Если бы они знали, что Мейнард использовал меня, чтобы помочь ему, они бы тут же задушили меня.

Я припарковался в квартале от здания суда, и сразу после предъявления обвинения схватил свой портфель, спустился по задней лестнице и пробежал через место, где застрелили Дэвида Бауэрса, добрался до своей машины и так быстро, как только смог, покинул Джонсон-Сити.

План судьи Гласса состоял в том, чтобы утром предъявить Мейнарду обвинение в Маунтин-Сити, а днем — в Элизабеттоне — за убийство его матери в округе Картер. Расстояние между двумя городами составляло сорок пять минут езды на машине. При нормальных обстоятельствах я бы наслаждался поездкой. Дорога проходила через Национальный лес Чероки и вдоль озера Уотога, которое играет роль огромного зеркала для

окружающих гор. Виды открывались потрясающие. Раньше я время от времени останавливался, чтобы полюбоваться каким-то пейзажем, а теперь я их даже не замечал.

Я приехал домой и проверил почту. Прибыло заключение Верховного Суда по делу Рэндалла Финча. В заключении говорилось, что Рэндалл имеет право признать себя виновным при предъявлении обвинения, так как штат своевременно не потрудился подать уведомление о смерти, что очень плохо. Я не мог в это поверить. Я выиграл. На этот раз они отложили софистику в сторону и проявили немного здравого смысла. Я был доволен, пока не задумался над тем, что на самом деле сделал — помог убийце ребенка избежать заслуженного наказания.

Я перезвонил нескольким людям, искавшим меня, а затем отправился в Элизабеттон. Я попытался перекусить в кофейне на Мэйн-стрит, но пища не лезла в глотку. После того, как Мейнард убил близнецов Бауэра, я потерял аппетит. Меня тошнило от еды. Кроме того, мне было трудно заставить себя заняться спортом, который занимал важное место в моей повседневной жизни. Физическая нагрузка вырабатывала эндорфины, и они, в свою очередь, заставляли меня чувствовать себя хорошо. Но сейчас, похоже, меня не волновало, чувствую ли я себя хорошо. Поскольку у меня были проблемы со сном, и когда я смотрел на себя в зеркало по утрам, то замечал под глазами круги, которые, казалось, становились темнее день ото дня.

Я оплатил свой счет и направился в окружной суд округа Картер, поистине уникальное сооружение. Я не знаю, кто был архитектором, но налогоплательщики должны были схватить и пристрелить его в тот же день, когда он решил, что было бы неплохо построить тюрьму прямо над зданием суда. Возможно, в то время эта идея казалась людям замечательной, но реальность вскоре отрезвила их. Заключение быстро поняли, что могут затопить тюрьму, положив рулон туалетной бумаги в санузел. Они также полагали, что, как только грязная канализация будет забита, сточные воды попадут в залы суда и кабинеты секретарей вниз. Я мог представить себя, как какой-то осужденный, только что приговоренный к десятилетнему заключению, вернулся в свою камеру и спустил дерьмо на судью вниз. Это случалось достаточно часто, чтобы место пахло, как уборная.

Когда я подъехал к парковке, то увидел машину скорой помощи с мигалками возле задних ворот в тюрьму. Там находилось несколько патрулей с включенными сигналами. Внезапно я каким-то образом понял, что произошло, и вместо того, чтобы направиться в вонючий зал суда, пошел к машине скорой помощи.

В этот момент они вывезли кого-то на каталке. Несколько полицейских столпились у двери, ведущей в тюрьму. Не высокая, крепко сложенная женщина-фельдшер с ярко-оранжевыми короткими волосами толкала каталку. Было очевидно, что тот, кто лежал на ней, был мертв. Простыня была натянута на голову.

— Отойдите, сэр, — сказала фельдшер, когда я подошел.

— Это Мейнард Буш?

— Вам нужно отойти и заняться своими собственными..

Я протянул руку и стащил простыню с головы. Глаза Мейнарда были широко открыты и застыли, должно быть, в последний миг ужаса. Язык был черным и опухшим и висел изо рта под жутким углом. На его шее виделась черная полоса. Я видел достаточно таких следов, чтобы понять, что они значат. Мейнард повесился, или, что более вероятно, кто-то помог ему сделать это.

Фельдшер с оранжевыми волосами смотрела на меня. Я набросил на лицо Мейнарда

простыню и посмотрел на нее.

— Он был прав.— Это было единственное, что я мог сказать. — Он был прав.

Я пошел в здание суда, чтобы сообщить судье Глассу, что ухожу. Он не удосужился поблагодарить меня за защиту Мейнарда или что-то сказать о его смерти. Просто кивнул головой и что-то промычал в ответ. Когда я вернулся на парковку, то увидел машину Кэролайн рядом с моей. Дверь открылась и она вышла. Ее глаза были красными и опухшими.

— Дорогой, мне очень жаль говорить тебе это, — сказала она — Как только ты ушел, позвонили из дома престарелых. Твоя мать недавно умерла.

17 июля

10:20

Мы поехали в дом престарелых, чтобы освободить комнату мамы. Джек прибыл ночным рейсом и помог мне перенести мебель и погрузить ее. Затем мы с Кэролайн направились в похоронное бюро, а Джек и Лили повезли мебель в дом моей матери. Высокий, стройный мужчина в очках, который говорил тихим, слегка шепелявым голосом провел нас в помещение, где находились гробы.

В комнате было около двадцати гробов, изготовленных из красного дерева, тика, дуба и нержавеющей стали. Мужчина сначала повел нас к круглому столу в углу.

— Пожалуйста, присаживайтесь, — сказал он. — Могу я предложить вам что-нибудь выпить? Может быть, печенье?

Печенье? Я не хотел никакого печенья. Я бросил на него взгляд, который заставил бы большинство людей умолкнуть, но он только улыбнулся. Затем положил блокнот на стол и достал ручку.

— Я много читал о вас, мистер Диллард, — начал он, — но я не знал вашу мать. Расскажите мне о ней.

— Для чего?

Я знал, что ему наплевать на нее или на меня. Он просто хотел получить от меня как можно больше денег.

— Мы берем на себя ответственность связаться с газетой от вашего имени для некролога, — пояснил мужчина. — Мне просто нужна основная информация. Постарайтесь вспомнить все хорошее, что вы помните о ней.

— Она была жесткой женщиной. Мать одна воспитывала меня и мою сестру — наш отец погиб во Вьетнаме. Она работала бухгалтером в кровельной компании и стирала чужую одежду, чтобы получить дополнительный доллар. Она не принимала помощи ни от кого. Мало говорила и считала мир ужасным местом. Устроит?

— Куда она ходила в церковь?

— Она не верила в Бога и считала, что христианская религия — это всемирный обман, призванный контролировать людей и зарабатывать на них деньги, заставляя их чувствовать себя виноватыми. Как вы думаете, они это напечатают?

— Были ли у нее братья и сестры?

— Брат. Сопляк, который в семнадцать лет утонул в реке Ноличаки.

— Ее родители?

— Оба умерли.

— Вы извините нас? — сказала Кэролайн, схватила меня за руку и вывела за дверь в

вестибюль.

— Почему бы тебе не позволить мне разобраться с этим? — тихо спросила она.

— Ненавижу этих придурков. Они наживаются на страданиях людей.

— Ты выглядишь усталым. Почему бы тебе не пойти и не вздремнуть в машине, пока я закончу здесь?

— Я не могу спать в постели, а ты думаешь, я смогу подремать в машине?

— Пожалуйста! Просто попытайся расслабиться. Ты почувствуешь себя лучше. Я закончу как можно скорее.

Я начинал думать, что схожу с ума. Я полушутя говорил себе, что слетаю с катушек в течение многих лет, но со всем, что произошло поздней весной и летом, начиная с освобождения Сары из тюрьмы и ее последующего возвращения туда, я чувствовал, что погружаюсь все глубже и глубже в психологическую пропасть. Бессонница. Отсутствие аппетита. Нежелание заниматься физическими нагрузками. Ничто больше не доставляло мне удовольствия, включая музыку. Я становился большим фаталистом и терял надежду. Я больше не испытывал энтузиазма и мне было плевать на все. Включая секс. Как будто я стал бесчувственным роботом, который просто существовал и не испытывал никаких эмоций.

Я вернулся к машине и некоторое время сидел на пассажирском сиденье. Я несколько раз закрывал глаза, но не мог заснуть. В итоге я написал записку Кэролайн, вышел из машины и пошел домой пешком. Расстояние до дома было около одиннадцати километров, мои ноги были тяжелыми, как свинец, но я думал, что прогулка поможет мне и даст некоторое время подумать обо всем. Сначала я пытался заставить себя думать о приятных вещах. Я представил, как Джек сильно бьет по мячу, как Лили танцует на сцене, радости Кэролайн, когда я принес четверть миллиона долларов в сумке ...

Но через некоторое время в моем мозгу начали мелькать более угрожающие образы. Те же самые, которые я видел, когда пытался заснуть ночами. Как затыкают рот Джонни Уэйну Нилу и вытаскивают его из зала суда. Пузыри, поднимающиеся в свете фар моей машины, когда Тестер-младший столкнул меня в озеро. Выражение его лица, когда он сказал мне, что я забрал его отца. Фантазия о том, как я забиваю его до смерти. Синяк на лице Энджел на полицейской фотографии. Кровь Дэвида Бауэrsa на моей рубашке. Ухмылка Мейнарда, и его язык, торчащей изо рта. Моя мать, одетая в подгузник и беспомощно лежащая на больничной койке со слюной, стекающей по подбородку. И, наконец, Сара. Всегда Сара, молодая и невинная. «Джо, убери его от меня. Он делает мне больно!»

Когда Кэролайн в машине нагнала меня в трех километрах от дома и открыла пассажирскую дверь, я достиг совершенно нового уровня отвращения к самому себе. Я ненавидел себя за то, что посадил Сару в тюрьму и потому, что мне не удалось достучаться до сердца матери. Я ненавидел себя, потому что помогал монстрам, таким как Мейнард Буш, Рэндалл Финч и Билли Докери и многим другим. Я был шлюхой, жалким подобием человека.

— Джо, я люблю тебя, — сказала Кэролайн, как только я сел в машину.

Кэролайн обладает сильной интуицией, особенно когда это касается меня. Я знал, что она пыталась сделать, но слова отскакивали от меня, как резиновый мяч от бетона. Я не чувствовал абсолютно ничего.

— Ты меня слышал? Я сказала, что люблю тебя.

— Я знаю.

— Ты хоть представляешь, как сильно твои дети любят тебя? Джек боготворит землю,

на которой ты ходишь. Лили думает, что ты самый великий человек в мире.

— Пожалуйста, Кэролайн, не надо. Не сейчас. Я не в настроении для таких историй.

— О чем ты думаешь? Что с тобой?

— Тебе не нужно знать, о чем я думаю.

— Дорогой, твоя мама только что умерла. Ты скорбишь.

— Мы с матерью даже не были близки. Несмотря на все эти годы и время, проведенное вместе. Я вырос в ее доме. Она подняла меня, Кэролайн, и я не могу вспомнить ни одного значимого разговора между нами. Ты знаешь, о чем я думал недавно? За четыре года в школе я сыграл в более сорока футбольных матчах, более ста баскетбольных матчей и более ста бейсбольных, и она никогда не приходила посмотреть. Она никогда не видела, как я играю. Ни разу.

— За последние несколько месяцев ты через многое прошел, — сказала Кэролайн. — Мы все через многое прошли.

Остаток пути домой мы ехали в тишине. Джек отвлек меня от черных мыслей на пару часов — он отвел меня на свое старое школьное бейсбольное поле. Я не слышал, чтобы Кэролайн что-то говорила, но был уверен, что это ее идея. Несколько лет назад я купил машину для запуска шаров и наполнял ее, пока Джек бил по ним изо всех сил, посылая их через забор. Наблюдать за его ударами по бейсбольным мячам было настоящим удовольствием. Он был таким быстрым, сильным, подвижным. И намного лучше меня. Это было самое приятное, что случилось со мной за несколько месяцев. Я почувствовал себя немного лучше к тому времени, как мы вернулись домой.

Но затем наступила ночь и вместе с ней еще одна порция бессонного самобичевания.

На следующее утро, в одиннадцать, мы отправились на кладбище. Когда мы поднимались по склону к могиле, я чувствовал себя мертвецом. Было пасмурно и моросил дождь. Собралась небольшая толпа. Я чувствовал присутствие окружающих, но я действительно не мог их видеть. Как будто они стояли в густом тумане.

А потом я увидела Сару. Кэролайн позвонила в офис шерифа и договорилась, чтобы ее привезли на похороны. Она прибыла на заднем сиденье патрульной машины в оранжевой тюремной робе, в наручниках и кандалах. Помощник шерифа, который привел ее, не хотел пускать ее под тент к Кэролайн, мне, Джеку и Лили, поэтому ему пришлось стоять под дождем вместе с остальными.

Кэролайн связалась с лучшей подругой мамы, Кэти Лоув, чтобы та произнесла похоронную речь. Я сидел, не слушая, пока она не начала говорить о детях Элизабет. Я услышал о моей матери некоторые вещи, которые не знал. Мать рассказывала Кэти о Саре и обо мне. Одной из них было то, что, когда я закончил юридическую школу, мама так гордилась мной, что плакала. Я никогда не видел, чтобы мама плакала, и никогда не слышал, чтобы она хоть намекнула, что гордится мной.

Когда служба закончилась, помощник шерифа немедленно повел Сару вниз по склону. Я наблюдал, как она неловко забралась на заднее сиденье машины. Когда машина отъехала, я почувствовал, как слезы навернулись на глаза, и мне пришлось повернуться к гробу мамы. Я положил на него свои ладони и стоял там, не зная, что сказать или сделать, смущенный, боясь показать слабость перед своими детьми. Я стоял до тех пор, пока толпа не разошлась, а затем по непонятной для меня причине я почувствовал желание наклониться и поцеловать гроб. Я также поцеловал ее в доме престарелых, но только после того, как все зашло слишком далеко, чтобы она могла почувствовать это. И когда я прикоснулся губами к гробу,

то понял, что никогда не целовал ее по-настоящему. Эта мысль едва не добила меня окончательно.

Я оперся на гроб руками с дрожащими плечами и попытался прийти в себя. «Она ушла, но ты все еще здесь», — сказал я себе. — Она ушла, но ты все еще здесь. Живой. Вокруг тебя есть люди, которые тебя любят. Перестань себя жалеть...».

Перестань себя жалеть. Слова, которые я часто слышал из уст матери. И когда я стоял, прислонившись к ее гробу, то понял, что должен попытаться. Люди, которые любили меня, также рассчитывали на мою силу и поддержку. Я не мог их подвести.

— Прощай, мама, — прошептал я. — Прости меня.

Я глубоко вздохнул, встал, вытер слезы с глаз и поднял подбородок. Затем обнял Кэролайн и Лили, кивнул Джеку.

Мы вместе спустились вниз по склону под морозящим дождем, сели в машину и вернулись к своей жизни.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

24 июля

6:15

Агент Ландерс проснулся в плохом настроении, зная, что ему придется провести следующие несколько дней в зале суда по делу, которое он может проиграть, несмотря на показания сестры Дилларда. Как только он собрался пойти в ванную, зазвонил его мобильный телефон. Кто, черт возьми, звонит в шесть пятнадцать утра? На дисплее телефона высветилось, что номер звонящего скрыт. Какой смысл показывать на дисплее номер звонящего, если любой может его скрыть? Ох, уж эти идиоты из сотовой компании.

— Ландерс.

— У меня для вас есть информация. — Голос был женский, но Ландерс едва слышал ее.

— Кто звонит?

— Раньше я работала на Эрлин Барлоу.

— Откуда у вас мой номер телефона?

— Джули Хейс дала мне его. Я собиралась позвонить вам раньше, но когда ее убили, я испугалась.

— А почему не боитесь сейчас?

— Потому что я уволилась.

— Как вас зовут?

— Не могу вам сказать. Вы совершаете ошибку. Энджел никого не убивала.

— Откуда вы знаете?

— Потому что той ночью я была там и знаю, что случилось.

— Вы хотите сказать, что Эрлин убила его?

— Не думаю, что вам стоит задавать мне этот вопрос.

— Если вы что-то знаете, мы сможем защитить вас. Вы должны появиться, подписать заявление и дать показания

— Вы не защитили Джули.

— Вы не сможете помочь, если не дадите показания.

— Я могу помочь вам найти то, что вы ищете.

— Слушаю вас.

— Даю подсказку. Он красный и имеет четыре колеса.

— Корвет??

— Я знала, что вы умный.

— Где он?

— В амбаре.

— Хватит играть со мной в игры. Где машина?

— У вас есть на чем записать?

Ландерс позвонил Фрэнки Мартину и предупредил, что не сможет присутствовать на отборе присяжных, но не объяснил, почему. По тону Мартина он знал, что тот злится, но не собирался никому рассказывать, куда он едет. В случае Энджел Кристиан было и так достаточно проблем. Если бы звонившая девушка послала его по ложному следу, то только он знал бы об этом.

Поездка из Джонсон-Сити по 181 шоссе в округ Юникой заняла тридцать минут. Температура воздуха уже достигла двадцати пяти градусов и стоял густой туман. Было жарко и влажно. Он свернул на Темпл-Хилл и направился по Спайви-Маунтин-роуд.

Проехав еще четыре километра по горе, Ландерс достиг галечной дороги без опознавательных знаков, как раз там, где, по словам анонима, она и должна была находиться, свернул на нее и проехал через овраг и склон, покрытый деревьями. Через полтора километра он добрался до запертых ворот для скота. Ландерс перелез через них и пошел пешком по тропинке через сосновую рощу. Через четыреста метров он вышел на поляну. Амбар находился в ста метрах справа от него. Может быть, она сказала правду. По крайней мере, было похоже на то.

Он вытащил пистолет и медленно пошел вперед. Ландерс заметил движение в лесу слева и замер. Вероятно, это был олень. Он посмотрел через щели в досках. Когда глаза привыкли к полумраку, он смог разглядеть внутри автомобиль, покрытый брезентом. Дверь была заперта на висячий замок, поэтому Ландерс пробрался через окно, подошел к машине и снял брезент. Корвет. Чудесный красный корвет. Он разглядел темные пятна на пассажирском сиденье. Бинго. Наконец-то!

Ландерс вытащил блокнот и записал регистрационный номер машины, вылез обратно в окно и побежал к своему автомобилю. Он весь вспотел. Когда Ландерс добрался до места, где ловился сигнал мобильного телефона, то позвонил своему боссу и сообщил о своей находке. Билл Райт ответил, что позаботится об охране места и пошлет двух агентов. Никто не должен входить или выходить, пока Ландерс не оформит все по правилам. Кроме того, он сказал, что позвонит криминалистам, и они скоро придут на место.

Ландерс спустился с холма и направился прямо в офис налоговой инспекции, расположенной в здании суда округа Юникой. Она только что открылась, и кроме него там никого не было. Работавшая там женщина помогла ему найти на одной из налоговых карточек владельцев имущества и сообщила, что налоги на недвижимость платила корпорация «Бусты Галс Инкорпорейшн».

Ландерс сел в машину и поехал в офис Бюро расследований штата Теннесси в Джонсон-Сити. По дороге он позвонил в секретариат штата Теннесси, расположенный в Нэшвилле, и попросил отправить ему по факсу копию устава «Бусты Галс Инкорпорейшн».

Учредителем корпорации был «Хай Райд Инкорпорейшн», корпорация из штата Делавер, которая не была зарегистрирована для ведения бизнеса в штате Теннесси. Телефонный звонок в секретариат штата Делавер подтвердил подозрения Ландерса. Эрлин

Барлоу была владелицей «Хай Райд Инкорпорейшн», что означало, что она также владела «Бусти Галс Инкорпорейшн». Ландерс отправил по факсу регистрационный номер машины в Национальное бюро угнанных автомобилей, подразделение страховой индустрии, отслеживавшее почти каждую машину в стране. Корвет был также зарегистрирован в «Хай Райд Инкорпорейшн». Это объясняло, почему он не нашел его в государственной службе регистрации автомобилей штата Теннесси.

Он использовал всю собранную им информацию, чтобы написать письменное заявление и получить ордер на обыск в сарае. Он не упомянул тот факт, что незаконно проник на участок в Спайви-Маунтин. Ландерс специально составил заявление на ордер так, чтобы все выглядело так, будто он отлично проделал полицейскую работу. И Ландерс считал, что это действительно так. Он нашел судью в кабинете, и в одиннадцать тридцать судья Гласс подписал ордер.

Ландерс должен был дать свидетельские показания по делу Энджел Кристиан сегодня во второй половине дня, но он знал, что с находкой в амбаре его показания могут измениться. Он следил за радиопередачами, поэтому знал, что криминалисты приехали в амбар незадолго до часу дня, и Ландерс отправился в Джонсборо, чтобы поговорить с Диконом Бейкером.

24 июля

9:00

Менее чем за неделю до суда я узнал, что Сара будет давать свидетельские показания против Энджел, когда окружной прокурор отправил мне по факсу измененный список свидетелей и копию показаний моей сестры. Я не поверил ни единому слову из прочитанного. Показания были приняты Филом Ландерсом.

Я сидел на втором этаже в зале суда в Джонсборо и был совершенно уверен в себе, но, как всегда, немного нервничал. Судебный пристав объявил о предстоящем появлении судьи Леонарда Грина. Сегодня в суде должно было рассматриваться дело «Штат Теннесси против Энджел Кристиан».

Семьдесят семь граждан были вызваны из округа Вашингтона. Из этой группы нам пришлось выбирать присяжных, которые должны были решить судьбу Энджел. Я провел много времени, разговаривая с ними, подчеркивая важность непредвзятости и беспристрастности, а также важность справедливого судебного разбирательства, но я знал, что цель отбора присяжных состояла в том, чтобы попытаться сделать процесс справедливым. Мне нужно было выбрать людей, которые с большей вероятностью будут сочувствовать Энжел, чем прокурору. Было важно, как можно больше поговорить с ними, точно оценить их ответы и реакции, и на этой основе сделать правильный выбор.

Я никогда раньше не защищал женщину, обвиняемую в убийстве, и тем более женщину с внешностью Энджел. Ее красота была благословением и проклятием одновременно, и это поставило меня перед увлекательной дилеммой, когда пришло время выбирать присяжных. Я знал, что Энжел понравится возможным присяжным, особенно если я буду выбирать их тщательно. Я надеялся, что ее привлекательность вызовет у них сочувствие и желание помочь. В то же время в ходе судебного процесса будут представлены доказательства увечий, которые могут привести в ужас любого человека. Если бы в какой-то момент процесса присяжные решили, что Энджел способна на такое, то она была обречена.

Еще большую сложность представлял выбор потенциальных женщин-присяжных.

Среднестатистическая женщина округа Вашингтон, штат Теннесси, была консервативна и набожна. Из уст агента Ландерса эти консервативные женщины узнали бы, что Энджел скрывалась от правосудия и что она работала, хотя и недолго, в стриптиз-клубе. Они бы слышали, что Энжел Кристиан, вероятно, не было ее настоящим именем, и что Ландерс не смог найти информацию о ее прошлом. Только этого могло быть достаточно, чтобы многие женщины проголосовали за ее осуждение, но больше всего меня беспокоила их ревность. Если бы женщины-присяжные поняли, что Энджел считает себя красивой, или что она может воспользоваться своей красотой, чтобы завоевать благосклонность у мужчин-присяжных, у нас не было бы никаких шансов.

Кэролайн лично подобрала гардероб и косметику для Энджел, и когда я увидел ее утром в зале суда, я был благодарен жене за ее навыки. Черный брючный костюм и кремовая блузка выглядели консервативными, но стильными и достаточно свободными, чтобы скрыть изгибы ее тела, но при этом она не смотрелась старомодно. Туфли были черными и на низком каблуке, волосы уложены в пучок. Едва заметный макияж лишь подчеркивал ее фантастические карие глаза. На губах не было блеска, ни теней вокруг глаз, ни румян, ни украшений. Она выглядела как красивая испуганная студентка. Все просто идеально.

Я кивнул и улыбнулся группе будущих присяжных, когда судья Грин представил меня. Я сразу осмотрел зал в поисках Тестер-младшего, но его там не оказалось. Я представил Энджел и положил руку ей на плечо. Я хотел, чтобы присяжные поняли, что мне не стыдно прикасаться к ней, что я чувствую близость с клиенткой и что я верю ей. Энджел кивнула и улыбнулась, как я ей и сказал.

Я сел, и судья Грин начал процесс отбора присяжных. Он полез в стопку бумажных листков, наугад вытащил один и прочитал имя:

— Люсиль Бентон.

— Я, — женщина в джинсовом костюме встала и подняла руку.

— Спускайтесь вниз.— Голос судьи Грина звучал, как у ведущего телешоу. — Откуда вы?

— Лаймстоун, — ответила женщина, идя к присяжным.

— О, Лаймстоун! Чудесный город. И как дела в Лаймстоуне сегодня, миссис Бентон?

Меня передернуло. Я сидел рядом с женщиной, которую собирались судить за убийство, а судья Грин, как обычно, занимался политикой, бесстыдно потворствуя присяжным. Я делал заметки, когда он велел первым тринадцати присяжным сесть в жюри, а следующим семь — в первый ряду аудитории, прямо за барьером. Наконец, после получаса бесполезной болтовни судьи я услышал слова:

— Мистер Мартин, вы можете разобраться с присяжными.

Фрэнки Мартин встал, поправил галстук и поднялся на подиум. Впервые в жизни он собирался обратиться к присяжным по делу об убийстве. За последние четыре года он предъявлял обвинения только по проступкам в окружном суде. Но он был привлекательным и красноречивым молодым человеком, и держался уверенно. Он также боролся за свое выживание в прокуратуре. Тот факт, что Дикона Бейкера не было в зале суда, означало одно: он считал, что дело проиграно. Бейкер сделал Мартина козлом отпущения. Если Мартин проиграет процесс, то будет на следующей неделе заниматься делами о разводах.

Я наклонился и прошептал на ухо Энджел:

— Мне нужно, чтобы ты очень внимательно следила за присяжными. Если кто-то по какой-то причине заставляет тебя чувствовать себя некомфортно, ты должна сообщить мне

об этом.

Она кивнула. Кэролайн, очевидно, дала ей свои духи — от нее исходил аромат сирени.

Мартин потратил час, расспрашивая будущих присяжных. Он говорил гладко, был вежлив и не сделал некоторых ошибок, обычно допускаемых начинающими прокурорами на своем первом крупном судебном процессе. У судьи Грина не было ни единой возможности заставить его чувствовать себя неловко.

Когда Мартин наконец сел, настал мой черед. Пока он говорил, я использовал время, чтобы запомнить имена присяжных. Я улыбался и был чрезвычайно вежлив со всеми. Я поблагодарил их за столь ценную услугу, оказываемую ими обществу, и сказал, что, если случайно задам им вопрос, который хоть немного смущает их, то они могут попросить судью позволить им ответить на него наедине. Я попросил их открыто и честно говорить о своих чувствах по широкому спектру вопросов, и пока они это делали, я внимательно наблюдал за ними в поисках мельчайших признаков недовольства.

Несмотря на предупреждение Тома Шорта, большая часть моей стратегии заключалась в том, чтобы отвлечь внимание от Энджел, и вместо этого поместить преподобного Тестера на скамью подсудимых. Если я хотел добиться успеха, мне нужны были присяжные, предпочтительно женщины, которые искренне верили в Бога и были бы глубоко оскорблены тем фактом, что пастор использовал пожертвования церкви, чтобы провести ночь в стриптиз-клубе. В юридических кругах эта стратегия была известна как «сукин сын это заслужил», и при соответствующих обстоятельствах она была очень эффективной.

Кроме того, я хотел, чтобы в жюри было, по крайней мере, четыре мужчины, предпочтительно отцы. Энджел умела вызывать сочувствие мужчин. Я желал, чтобы у них возникла инстинктивная потребность защитить ее. Я хотел, чтобы они надеялись, возможно, даже верили, что смогут найти ее после суда и дать ей понять, что именно их голос или их влияние освободили ее.

После трех часов вопросов и ответов, апелляций и споров судья Грин объявил, что жюри избрано. Группа состояла из пяти мужчин и семи женщин. Я не смог включить всех, кого хотел, потому что Фрэнк постоянно использовал отвод, чтобы избавиться от них, у меня было хорошее предчувствие о группе, которая сейчас сидела в отсеке для присяжных заседателей.

Присяжным дали таблички, на которых были написаны их имена, и судья привел их к присяге. Затем он проинструктировал, как вести себя во время суда, потом посмотрел на часы в задней части помещения.

— Уже двенадцать, и я голоден. Заседание заканчивается в полдень. Начало в 13:30.

Присяжные покинули помещение, и приставы сопроводили Энджел обратно в камеру. Кэролайн положила бутерброды и чипсы мне в сумку, и я потратил перерыв на обед, просматривая свое вступительное слово. Точно в час тридцать судья Грин вернулся в зал суда и приказал судебным приставам привести присяжных.

Я встал, когда присяжные вошли и заняли свои места. Я улыбнулся и попытался поймать взгляд каждого, когда проходил мимо стола защиты.

— Надеюсь, вы хорошо пообедали, — сказал судья. — Готово ли обвинение?"

— Да, сэр

— А защита?

— Да, судья

— Мистер Мартин, прочитайте обвинительное заключение.

Мартин встал и прочитал обвинительное заключение, в котором Энджел Кристиан обвинялась в том, что сознательно и преднамеренно отняла жизнь у Джона Пола Тестера. Второе обвинение заключалось в том, что она надругалась над трупом путем нанесения увечий.

— Вступительное слово, — произнес судья. Фрэнки Мартин встал.

— Дамы и господа, доказательства по этому делу покажут, что подсудимая Энджел Кристиан жестоко убила и изуродовала тело Джона Пола Тестера ранним утром двенадцатого апреля этого года. Той ночью мистер Тестер посетил клуб, в котором работала обвиняемая. Она флиртовала с мистером Тестером, когда подавала ему несколько напитков, и около 23:30 мистер Тестер снял двести долларов из банкомата в холле клуба. Обвиняемая покинула заведение вскоре после отъезда мистера Тестера. Свидетель утверждает, что около полуночи он видел женщину, сопровождавшую мистера Тестера в его номер. Около часа дня мистер Тестер был найден мертвым в своей комнате в мотеле. Он был накачан наркотиками и на его теле обнаружено тридцать колотых ран. Его пенис был отрезан и отсутствовал в номере. Его бумажник также пропал. Отрезанный пенис был обнаружен в то же утро возле моста Пикен.

Мартин называл Тестера «мистером» вместо «преподобного». Довольно скоро я позабочусь исправить это недоразумение.

— В ходе судебно-медицинской экспертизы в комнате Мистера Тестера на его одежде были обнаружены два волоска, которые были отправлены на экспертизу на тест ДНК. Позже у подозреваемой были изъяты образцы ДНК. Образец ДНК волос, найденных на одежде мистера Тестера, точно соответствовал образцу ДНК волос обвиняемой. Вероятность, что образец волос принадлежит кто-то другому, составляет сто миллиардов к одному. В процессе вы также увидите фотографию подозреваемой, сделанную в полиции через два дня после убийства. На фото виден синяк на лице подсудимой, и мы считаем, что она получила его в драке с мистером Тестером.

— Но самое главное, у нас имеется свидетель, который даст показания, что обвиняемая сама созналась в этом жестоком преступлении, — продолжил он. — Наш свидетель — заключенная следственного изолятора округа Вашингтона. Ее зовут Сара Диллард. По иронии судьбы, она является сестрой мистера Дилларда. Она будет свидетельствовать о том, что во время разговора, состоявшегося в тюрьме между ней и обвиняемой, последняя призналась в убийстве. Подсудимая сообщила мисс Диллард, что в ночь убийства последовала за мистером Тестером в его номер мотеля с целью грабежа. Она даст показания, что обвиняемая рассказала ей, что накачала Мистера Тестера наркотиками и убила после того, как он потерял сознание на кровати ... Я бы хотел, чтобы у меня имелась видеозапись, чтобы показать вам, как это произошло, или прямой свидетель, но, к сожалению, у меня их нет. Но я обладаю множеством косвенных доказательств того, что обвиняемая не сможет выкрутиться. Все указывает на нее. Она была в клубе, говорила с мистером Тестером, принесла ему напитки, флиртовала с ним. Пригласила его уйти вместе с ней. Последовала за ним в номер, а потом накачала наркотиками, убила и ограбила.

Мартин повернулся и указал на Энджел.

— Не позволяйте красоте и молодости этой женщины ввести вас в заблуждение. Не позволяйте быть обманутыми уловками ее адвоката и откровенным обманом, которые будут использоваться во время этого процесса. Молодая женщина, сидящая там, совершила жестокое убийство, и у нас есть доказательства этому. Ваша обязанность вынести вердикт о

виновности по этому делу и призвать виновную к наказанию, чтобы восстановить справедливость для Джона Пола Тестера и его семьи, а именно — приговорить к смерти. Эта женщина совершила убийство. Моя работа заключается в том, чтобы доказать этот факт, а ваша — заставить ее заплатить за это. Я полностью намерен выполнить свой долг, и надеюсь, что после того, как вы услышите и видите все доказательства, вы сделаете то же самое. Благодарю Вас за внимание.

Как только Мартин сел за стол обвинения, я встал. Аргументация Мартина была страстной и убедительной, но ее часть была несправедливой, и я собирался немедленно указать на это. Я подошел к деревянной кафедре, поднял ее и отставил на метр справа от себя. Я не хотел никаких барьеров между собой и присяжными. Я посмотрел на них, а затем оглядел зал суда. Пришел Тестер-младший и сел в первом ряду слева от меня. Я заметил, что он потерял, по крайней мере, дюжину килограммов с тех пор, как я посетил его в последний раз несколько месяцев назад. Он явно не брился в течение нескольких дней и выглядел уставшим и изможденным. Он смотрел прямо на меня, и на мгновение я занервничал, но это быстро прошло.

— Нет особого смысла устраивать суд — начал я, — если верить всему, что только что сказал мистер Мартин. — Я улыбнулся присяжным. — Если бы все сказанное было правдой, то полагаю, мы могли бы просто отправить мисс Кристиан в камеру смертников и сэкономить наше время и усилия.

Я искал глазами признаки того, что аргументы Мартина засели в головах присяжных. Они не избегали моего взгляда и все еще были восприимчивы к тому, что я им говорил.

— Проблема в том, что сказанное мистером Мартином, не совсем является правдой. Это его интерпретация доказательств, и, как каждый из вас знает, любая история имеет две стороны. Давайте начнем с самого главного. Эту молодую женщину зовут не «обвиняемая».

Я подошел к столу защиты, встал позади Энджел и положил руки ей на плечи.

— Ее зовут Энджел Кристиан и она будет давать показания по этому делу. Она скажет вам следующее: в ночь на одиннадцатое апреля преподобный Джон Пол Тестер пришел в клуб, где она проработала официанткой всего месяц. Это стриптиз-клуб, джентльменский клуб, или как вы там его называете. Это место, куда мужчины ходят смотреть, как молодые женщины танцуют и снимают с себя одежду. Это не то место, где можно встретить человека Божьего, особенно если он расплачивается за свои ночные развлечения деньгами, которые ему пожертвовали верующие в Церкви Света Иисуса, где всего за час до прибытия в клуб он проповедовал против зла разврата.

Диане Фрай удалось раздобыть запись проповеди Тестера того дня. Я пытался представить ее как доказательство, но судья отклонил мое прошение. Я даже не должен был упоминать об этом. Я знал, что если бы Фрэнки не возражал, то судья и слова не сказал бы. Если бы возражал сам судья, то уделил бы этому больше внимания. Упоминание о записи, вероятно, граничило с неэтичностью, но от исхода процесса зависела жизнь Энджел. Фрэнки молчал.

— Мисс Кристиан не была танцовщицей, стриптизершей и тем более проституткой. Она была официанткой. Энджел приехала сюда в феврале, потому что дома в Оклахоме она подверглась жестокому обращению. Первоначально она планировала поехать во Флориду, но по дороге на автобусной станции в Далласе встретила молодую женщину, которая сказала ей, что может помочь найти ей здесь работу. Мисс Кристиан скажет вам, что одиннадцатого апреля она подавала преподобному Тестеру напитки, которые он заказал. Шесть двойных

порций чистого виски за два часа, что эквивалентно двенадцати напиткам. Она скажет вам, что преподобный Тестер напился, стал агрессивным и вел себя оскорбительно по отношению к ней. Энджел сообщит вам, что преподобный Тестер неподобающе выразился и прикасался к ней непристойным образом. Она пожаловалась на его поведение своему работодателю, миссис Эрлин Барлоу, которая также даст показания по этому делу. Миссис Барлоу поговорила с преподобным Тестером и, в конце концов, попросила его уйти. Мисс Кристиан никогда прежде не встречала Преподобного Тестера и не слышала о нем, пока он не пришел в клуб тем вечером, а после того, как ушел, она его больше не видела.

Я вернулся к присяжным и встал прямо перед ними.

— Несмотря на то, что мистер Мартин говорил ранее, вы не услышите, чтобы кто-нибудь из свидетелей сказал, что видел мисс Кристиан той ночью возле комнаты Преподобного Тестера. Вы не услышите, чтобы хоть один свидетель видел, как мисс Кристиан выходила из клуба в то же время, что и преподобный. На самом деле работодатель мисс Кристиан, миссис Эрлин Барлоу, будет свидетельствовать, что, когда смена мисс Кристиан закончилась, она отвезла ее домой. Вы услышите свидетельство о том, что два найденных волоска на теле жертвы соответствуют структуре ДНК мисс Кристиан. Это самая серьезная улика, которую представит обвинение по этому делу. Думаю, можно с уверенностью сказать, что если бы не эти два волоска, мы бы не сидели сегодня здесь. Но я попрошу вас обратить особое внимание на то, где были найдены эти волоски. Оба взяты с рубашки преподобного. Услышав свидетельство о том, что мисс Кристиан контактировала с преподобным Тестером в клубе, что она наклонилась над столом, чтобы подать напитки, и что он намеренно и непристойно потерся об нее. Таким образом, не только возможно, но и вероятно, что волосы попали на мистера Тестера в клубе.

— Дамы и господа, это все, что есть у обвинения, кроме еще показаний, полученных в последнюю минуту у наркоманки и воровки, заключенной в тюрьму. Да, она моя сестра, и зла на меня за то, что я позволил арестовать ее за кражу у моей семьи, совершенную уже не в первый раз.

Мартин встал, чтобы возразить. Судья Грин отмахнулся от него.

— Мистер Диллард, спокойнее.

— У обвинения нет орудия убийства. Нет очевидцев. У них нет отпечатков пальцев или следов крови, и нет никакой возможности доказать, что мисс Кристиан находилась на месте преступления. Обвинение утверждает, что мотивом является ограбление, но деньги преподобного Тестера не были найдены у мисс Кристиан. У обвинения нет никаких улик, чтобы доказать это.

— В этом случае обвинение должно без каких-либо разумных сомнений доказать, что мисс Кристиан, действуя преднамеренно, убила жертву ножом, а затем изуродовала труп. Чтобы осудить мисс Кристиан, у вас не должно быть ни малейшего сомнения, что она совершила это ужасное преступление. Кроме того, судья проинструктирует вас, что в случаях, основанных на косвенных доказательствах, таких как это, вы можете признать мисс Кристиан виновной, если не будет другой разумной теории чьей-то вины. Существуют десятки других разумных теорий о том, почему был убит Преподобный Тестер ... Когда вы услышите все доказательства, у вас, дамы и господа, возникнут более чем разумные сомнения. На самом деле, вы, вероятно, удивитесь, почему эту молодую женщину арестовали. Энджел Кристиан живет в кошмаре с того дня, как ее несправедливо обвинили в убийстве. Этот кошмар, который можете остановить только вы. Она не виновна. Энджел не

совершала этого ужасного поступка.

Я остановился и посмотрел на каждого из присяжных по очереди. Я хотел, чтобы до них дошли мои слова.

— Каждый, кто участвует в этом процессе, выполняет свой долг, — продолжил я. — Судья, адвокат и прокурор, свидетели, все. Вы обязаны установить истину, а после того, как вы это сделаете, проголосовать в соответствии с вашей совестью. В этом случае единственный вердикт, который вы можете вынести, — это невиновность. Это тот случай, когда требуется смертная казнь. Человек был убит, и кто-то должен заплатить за это. Но никто из нас не хочет, чтобы за это заплатил невинный человек, а эта красивая молодая женщина, сидящая перед вами, невиновна.

24 июля

14:15

— Вызывайте первого свидетеля, — произнес судья Грин.

Мартин пригласил в качестве свидетеля Денниса Холла, менеджера мотеля «Бюджет Инн». Холл сообщил присяжным, что преподобный Тестер зарегистрировался в конце дня и сказал, что приехал проповедовать Учение о пробуждении из Евангелия в дружественной церкви, и спросил, где он мог бы съесть хороший гамбургер. На следующий день, через час после расчетного времени, одна из горничных сообщила ему, что на двери Тестера все еще висит табличка «Не беспокоить». Холл пошел, открыл дверь, увидел кровь и вызвал полицию.

Когда Мартин закончил допрос, я выпрямился и поправил галстук.

— Мистер Холл, вы видели, как преподобный Тестер вернулся в мотель после того, как ушел в ресторан, который вы ему порекомендовали — «Фиолетовая свинья», если не ошибаюсь?

— Нет, сэр. Моя смена закончилась в семь, и я отправился домой.

Я коснулся плеча Энджел.

— Вы когда-нибудь видели эту молодую женщину?

— Нет, иначе я бы ее запомнил.

— Спасибо. Вопросов больше нет.

— Вы можете идти, — сказал судья Грин. — Следующий свидетель.

Мартин вызвал Шейлу Хант, администратора ночной смены. Она рассказала, что видела, как машина Тестера въехала на парковку около полуночи, а затем появился красный корвет. Потом она заявила, что из красной машины вышла женщина и последовала за Тестером вверх по лестнице. Мартин не удосужился спросить, сможет ли она опознать женщину.

— Миссис Хант, — начал я, когда подошла моя очередь, — когда преподобный Тестер вернулся в мотель, шел дождь, не так ли?

— Да, был дождь.

— Довольно сильный, так ведь?

— Да.

— И вам было трудно разглядеть что-либо через окно. Правда?

— Да. Кроме того, что шел дождь, я не уделяла этому большого внимания, так как в то время смотрела шоу с Джем Лено.

— Разве вы не сообщили полиции, что человек, которого вы видели, был одет в пальто

или плащ?

— На ней был маленький капюшон. Я помню, что подумала, будто она похожа на красную шапочку, за исключением того, что цвет был не красный.

— Таким образом, вы не можете ее опознать. Так?

— Нет. Простите.

— Не за что извиняться, мэм. Можете ли вы сказать нам, была ли женщина молодой или старой?

— Нет.

— Высокой или низкой? Толстой или худой?

— Нет.

— Не могли бы вы сказать, была ли женщина чернокожей или белой, коричневой, азиаткой или рыжей?

— Я не думаю, что она была чернокожей, — заметила женщина. — Но это все, что я могу сказать.

— На самом деле, вы даже не можете сказать, была ли это женщина, верно?

— Думаю, что была.

— Но вы не уверены, не так ли?

— Не знаю. Думаю, что это была она.

— Вы думаете. Этой молодой женщине грозит смертный приговор. Вы должны быть уверены. Так вы уверены или нет?

— Было темно, и шел дождь.

— Спасибо. Давайте немного поговорим об автомобиле. Вы не могли разглядеть регистрационный номер, так ведь?

— Я даже и не пыталась.

— Потому что вас ничего не встревожило. Так?

— Верно. Ничего.

— Люди всегда приезжают и уезжают из мотеля. Верно?

— Да.

— А вы видели водителя?

— Нет.

— Вы можете сказать, был ли это мужчина или женщина?

— Я вообще не видела водителя.

— Вы заметили, куда поехала машина, после того, как пассажирка вышла?

— Я бросила взгляд на секунду. Потом я снова вернулась к просмотру шоу.

— Вы видели, как машина уезжала, а потом возвращалась?

— Я сказала вам, что снова начала смотреть шоу.

— Спасибо.

Мартин выглядел как всегда уверенным, но ему придется немного поволноваться. Дело на полной скорости летело под откос. Его первый свидетель нашел труп и вызвал полицию, а второй — сказал, что ничего не видел.

Я посмотрел налево и увидел, что Дин Бейкер и Фил Ландерс направились к столу обвинения.

— Вызывайте следующего свидетеля, — приказал судья Грин.

— Могу я поговорить с мистером Мартином? — спросил Бейкер.

— Да, но быстро, — сказал судья.

Бейкер наклонился к Мартину и что-то прошептал ему на ухо. Мартин кивнул и что-то прошептал в ответ. Затем двое мужчин повернулись к судье.

— Ваша честь, мы можем подойти? — спросил Бейкер.

Грин махнул, соглашаясь, и я встал и присоединился к ним.

— Нам нужно поговорить с вами в вашем офисе, — произнес Бейкер.

— В настоящее время мы рассматриваем дело об убийстве, если вы не заметили, — прорычал судья Грин.

— Извините, — сказал Бейкер, — но произошло нечто очень важное, имеющее прямое отношение к делу.

Судья согласился на пятнадцатиминутный перерыв, и Бейкер, Ландерс, Мартин и я последовали за ним в кабинет. Он закрыл дверь, повесил свою одежду на вешалку у окна, сел за стол и спросил:

— Ну что у вас?

— Произошли очень важные события, — произнес Бейкер. — Этим утром сотрудники ТБР обнаружили красный корвет в сарае на Спайви-Маунтин. Автомобиль принадлежит Эрлин Барлоу. На данный момент наши криминологи обследуют его.

— Не вижу связи с этим процессом.

— Это может оправдать клиента мистера Дилларда, — сказал Бейкер. — Когда мы произвели арест, молодая женщина, работающая в стриптиз-клубе Барлоу, сообщила нам, что хозяйка и Энджел покинули клуб одновременно с жертвой. Она сказала, что они уехали на красном корвете Барлоу и в тот вечер так и не вернулись в клуб.

— Помню такое, — пробурчал судья. — И тот факт, что миссис Барлоу не сказала правду во время предварительного следствия, стало главной причиной, по которой я подписал ордер на обыск ее дома и клуба, а также позволил вам взять образцы волос у Барлоу и девушки.

— Совершенно верно, — подтвердил Бейкер. — Еще один свидетель связался с нами и сообщил, что видел женщину, похожую по описанию на миссис Барлоу, которая стояла рядом с корветом на мосту Пикен чуть позже полуночи в ночь убийства. Он сказал, что она была одна. Мы полагаем, что миссис Барлоу выбросила оружие убийства и penis преподобного. Трудность, с которой мы столкнулись, заключалась в том, что машина исчезла. Мы нигде не могли ее найти, поэтому предположили, что в ней, вероятно, имеются доказательства убийства. Сейчас мы отыскали ее, и из того, что узнали, кажется, на сиденье имеются следы крови.

— Итак, теперь вы полагаете, что Барлоу убила преподобного Тестера? — спросил судья Грин.

— Это логично, особенно если мы сможем в конечном итоге доказать, что она убила и Хейс.

— Вы полностью завалили предварительное следствие, — произнес Грин.

— Пожалуйста, судья, — сказал Бейкер. — Не сейчас.

— Так чего же вы хотите? — спросил судья Грин.

— Немного времени. Мы просим отложить процесс на неделю. К тому времени мы получим результаты лабораторных исследований из Ноксвилла. Если в машине Барлоу обнаружат следы крови Тестера или мы найдем оружие убийства, то снимем обвинение против клиентки мистера Дилларда, если, конечно, она будет сотрудничать с нами, и арестуем Барлоу за убийство Тестера.

Энджел вряд ли пойдет на сотрудничество. У них не было достаточно доказательств, чтобы осудить ее, и я даже не мог придумать ни одной причины, по которой хотел бы им помочь.

Судья посмотрел на меня.

— Есть ли возражения, мистер Диллард?

— Нет, судья. Если есть шанс, что они снимут обвинения с моей клиентки, я не против дать им неделю.

— Все в порядке. — Судья указал на Бейкера пальцем. — Я даю вам немного времени. Но если в следующий понедельник не будет предъявлено новое обвинение, мы заканчиваем этот процесс.

24 июля

15:00

Судья не стал никому объяснять в зале суда, почему принял решение сделать недельный перерыв. Он просто сказал всем вернуться в следующий понедельник.

Энджел хотела узнать, что происходит, и я пообещал ей, что, как только смогу, приеду в тюрьму, чтобы все объяснить. Присяжные стали уходить, и когда зал опустел, ко мне подошла Эрлин Барлоу. Она сидела в коридоре вместе с другими свидетелями. Тестер-младший не сдвинулся со своего места.

— Дорогуша, что происходит? — спросила Эрлин.

— Полиция говорит, что у них есть новая информация по делу Энджел. Окружной прокурор попросил у судьи отсрочку, чтобы они могли собрать больше доказательств. Судья дал им срок до следующего понедельника.

Ландерс вышел из кабинета судьи, где он, по-видимому, обхаживали с Бейкером судью. Как только он увидел Эрлин, то повернул к нам, указал на нее пальцем и сказал:

— Не покидайте город.

Затем повернулся и вышел.

— Что это значит? — спросил Эрлин.

— Я не знаю. Мне ничего не сообщили, — ответил я, собираясь уходить.

Я не планировал говорить ей, что, скорее всего, на следующей неделе ее заключат под стражу. С моим везением, она могла исчезнуть, а мне бы предъявили обвинение.

— Я должен отправиться в тюрьму, чтобы встретиться с Энджел и рассказать ей, что происходит. Я поговорю с тобой позже.

Прежде чем покинуть здание суда, я подошел к лифту, чтобы добраться до офиса Дина Бейкера.

— Интересная дилемма, — сказал он, когда я вошел.

— Для тебя, — сказал я. — Я все еще на той же волне. Невинный клиент.

— Хватит ходить вокруг да около, — сказал Бейкер. — Если обнаружим в машине хоть что-то, связанное с убийством Тестера, то предъявим обвинение рыжей. И я сниму обвинения с твоей клиентки, если она согласится помочь нам.

— Эрлин — ее единственный близкий человек в этом мире. Я сомневаюсь, что она захочет предать ее.

— Диллард, она была с ней. Она знает, что произошло в том номере.

— Вы не можете это доказать.

Захочет ли она воспользоваться этим шансом? Возможно, Барлоу будет что сказать, когда ее саму обвинят в умышленном убийстве.

— Все, что рассказала мне Эрлин об Энджел, это то, что она невиновна.

— Из ее рта льется только ложь.

— Дикон, ты в тупике. Жюри привели к присяге по делу Энджел. Если вы снимаете обвинения, то не сможете подать снова в суд. Двойной риск. Если вы вернетесь и возобновите процесс, то проиграете, даже с показаниями моей сестры. Ты знаешь, что я буду делать с ней на скамье свидетелей?

— Я планировал находиться в зале суда во время перекрестного допроса, — ответил Бейкер с самодовольной ухмылкой. — Не хотелось бы пропустить. По крайней мере, сообщи клиентке мое предложение. Иди к ней и объясни, что я предлагаю снять с нее обвинение в умышленном убийстве.

— Я поговорю с ней, но не питай надежд.

Когда Энджел вошла в адвокатскую комнату, на ней была та же одежда, что и в зале суда.

— Охранники обыскивают мою камеру, — объяснила она. — Я пока жду. Думаю, они не ожидали моего возвращения так скоро.

— Странный денек выдался, правда? — спросил я.

— Что происходит?

— Хорошее и плохое одновременно. Сегодня утром сотрудники бюро расследований нашли красный корвет в сарае в округе Юникой. Постройка принадлежит Эрлин, как, вероятно, и сам автомобиль.

Энджел ахнула. Я внимательно наблюдал за ней. Ее лицо покраснело, нижняя губа дрожала. Она просто сидела, дрожа, и молчала. Я полез в портфель и достал носовые платочки. Я начал брать их с собой с тех пор, как впервые посетил ее в тюрьме. На всякий случай, я протянул ей через стол и положил свою руку на ее.

— Энджел, теперь окружной прокурор считает, что Эрлин убила преподобного Тестера. Он желает снять с тебя обвинение, но есть условие. Он хочет, чтобы ты рассказала ему все, что знаешь об убийстве проповедника.

В ее глазах промелькнул отстраненный взгляд, как будто она не понимала, о чем я говорю.

— Энджел? Ты меня поняла? Он хочет закрыть дело против тебя. Вероятно, они собираются арестовать Эрлин за убийство преподобного.

— Они не могут этого сделать! — взорвалась она, затем положила голову на стол и заплакала. Я подошел к ней и положил руку ей на плечо.

— Успокойся, — попросил я ее.

Хотя стальные двери были толщиной пять сантиметров, а стены из бетона, но рыдания Энджел были громкими. Я не хотел, чтобы охранники пришли и начали задавать вопросы.

— Поговори со мной, — попросил я. — Все в порядке. Просто поговори. Что бы тебя ни беспокоило, ты можешь сказать мне. Что бы это ни было, я на твоей стороне.

Внезапно она встала, вытерла глаза и умолкла. Энджел жалобно смотрела на меня.

— Могу ли я доверять тебе? — спросила она тихим голосом.

— Конечно, можешь. Ты это знаешь.

— Могу ли я действительно доверять тебе?

— Все время я был рядом. Что бы ты ни сказала мне, обещаю, что никому не скажу. Я уже объяснил тебе об обязанности адвоката хранить секреты своего клиента.

Я видел, что она приняла решение. После этого она села прямо и расправила плечи, как будто тяжелая ноша свалилась с ее плеч.

— Я сделала это, мистер Диллард. Я убила его. Не могу позволить им обвинить мисс Эрлин.

С того дня, как я поговорил с Томом Шортом, у меня были некоторые подозрения, но я просто не хотел в это верить. Даже сейчас, когда слова слетели с ее уст, я не хотел в это верить. Я взял ее за руку, зная, что если продолжу и спрошу ее о деталях, то все изменится в наших отношениях и всей моей стратегии, если процесс продолжится.

— Подумай, о чем ты говоришь, — перебил я ее. — Мы выиграем дело. Если ты скажешь мне, что убила его, это многое изменит.

— Ты хочешь знать правду?

— Не уверен.

Я смотрел на ее молодое гладкое лицо, и мое сердце потянулось к ней. Что-то подсказывало мне, что, если она и убила Тестера, то на это были серьезные причины.

— Извини, Энджел. Да, я хочу знать правду. Что произошло на самом деле?

Она закусил губу и вздрогнула.

— Можешь рассказать мне об этом?

Она медленно кивнула.

— Хорошо, но я не хочу, чтобы ты впала в истерику. Не хочу, чтобы кто-то еще слышал, поэтому ты должна держать себя в руках. Сможешь это сделать?

— Думаю, да.

— Тогда начинай.

Она глубоко вздохнула и сжала мою руку так сильно, что ее ногти впились в мою кожу.

— Все, что я говорила ранее — правда, кроме последней части. Миссис Эрлин не только попросила его уйти, когда он напился, начал приставать ко мне и выставил себя дураком. Она спросила меня, хочу ли я ей помочь. Эрлин сказала, что хочет преподать урок проповеднику. Она сказала, что все, что мне нужно сделать, это поехать с ней в гостиничный номер мужчины, а она позаботится обо всем остальном. Я сказала ей, что сделаю это.

— Что случилось дальше?

— Миссис Эрлин поговорила с ним, и он вышел в холл на несколько минут. Когда вернулся, она сказала мне взять пальто, а сама направилась в офис и пробыла там некоторое время. Затем мы вышли и сели в машину. Мы последовали за ним на парковку мотеля. По дороге Эрлин сказала мне, что он думал, будто я пойду с ним в номер, чтобы заняться сексом. И она дала мне маленькую бутылку виски, и сказала, что как только мы доберемся до мотеля, я должна пойти в его комнату и первым делом предложить выпить. Она сказала, что положила кое-что в виски, и что когда он выпьет, то уснет, а я должна вернуться к машине и сообщить ей. Думаю, она планировала забрать его деньги.

— Но, очевидно, что-то пошло не так, — сказал я.

Она прижала кулак ко рту и прошептала:

— Да.

Она смотрела отстраненно. На ее лице было то же выражение, которое я уже видел, когда она рассказала мне об инциденте с овсянкой.

— Когда мы добрались до мотеля, я вышла из машины и поднялась с ним по лестнице. Миссис Эрлин осталась на стоянке. Я вошла в комнату, и он закрыл за нами дверь. Я достала бутылку из сумочки и спросила, не хочет ли он выпить. Он взял ее, поставил на стол и ответил, что привел меня сюда не ради выпивки. У него было такое ужасное выражение лица ... как будто он сошел с ума. Затем, прежде чем я даже поняла, что происходит, он ударил меня по лицу. И ударил с такой силой, что я упала на кровать и почти потеряла сознание.

— Затем ... затем он снял с себя всю одежду, потом стянул с меня трусики.....

Энджел остановилась и глубоко вздохнула.

— Он перевернул меня на живот и воткнул эту штуку мне в..., — она указала на свои ягодицы.

— Он занимался с тобой анальным сексом? — спросил я.

— Чем? — она не знала, что означают эти слова.

— Неважно. Ты можешь продолжить?

— У меня было ощущение, что это происходит с кем-то другим, — сказала она. — Как будто я летала под потолком и смотрела сверху на то, что он делал. То же самое произошло, когда отец Томас кое-что делал со мной. Он одновременно ругался и проповедовал, обзывая меня. Затем вынул из меня свою штуковину, подошел к столу, взял бутылку и сделал большой глоток. Он пошатнулся, сел на кровать. У меня было чувство, что он забыл, что я была там ... На столе лежал нож. Думаю, его. Я помню, как подошла к столу и взяла его. Это был складной нож. Он уже храпел. Я открыла нож, вернулась в кровать и начала наносить удары по нему. Я колола его до тех пор, пока могла поднять руку с ножом. А потом, кажется, я просто вышла за дверь. Я даже не надела трусики.

— Ты помнишь, что сделала Эрлин?

— Думаю, да, — ответила девушка. — Она взбежала по лестнице ко мне, завернула в свое пальто и забрала нож из моих рук. Потом отвела к машине и усадила в нее. Эрлин спросила меня, что случилось, и я попыталась рассказать ей. Затем она пошла в номер, но я не знаю, что она там делала. Потом она отвезла меня домой и смыла с меня кровь из шланга на заднем дворе. Эрлин сказала, что не хочет, чтобы кровь испачкала ванну. Затем она отвела меня внутрь и сказала, что ей нужно ненадолго уйти. Ее не было долгое время.

— А потом вы с Эрлин говорили о том, что случилось?

— Немного, — ответила Энджел. — Она сказала, что очень сожалеет обо всем, но теперь, по крайней мере, он больше не причинит вреда никакой другой девушке. Она сказала, никогда не упоминать о том, что случилось. Никому не рассказывать. И когда пришла полиция, Эрлин сказала мне не разговаривать с ними. Она приказала всем сотрудникам клуба не общаться с полицией. Когда они пришли арестовать меня, она велела сказать, что мне нужен адвокат.

— Энджел, ты ничего не упомянула про отрезанный пенис. Ты помнишь это?

— Я не отрезала его.

— Уверена?

— Да. Я бы сказала тебе, если бы помнила.

Я поверил ей.

— Хорошо, что ты рассказала мне, что произошло.

— Мне теперь придется остаться в тюрьме до конца моей жизни?

— Сомневаюсь. Это меняет некоторые вещи, но не изменяет того факта, что у них мало

доказательств против тебя.

— А что насчет твоей сестры? Я никогда не говорила с ней.

— Я так и думал, — сказал я. — Ты должна доверять мне. Я что-нибудь придумаю. Мне просто нужно немного времени подумать.

После того, как охранники забрали ее, я остался сидеть за столом, не в силах встать и выйти. Дверь дважды жужжала, но я просто сидел и не мог двинуться с места.

Мысленно я продолжал видеть красивую хрупкую молодую девушку, которая под дождем наивно поднимается по лестнице в номер мотеля. Ее сопровождает мужчина, который вдвое больше ее и почти в три раза старше. Он закрывает дверь, и она предлагает мужчине выпить. Он берет бутылку из ее руки, ставит на стол и бьет девушку по щеке. У нее сыплются искры из глаз, и она падает на кровать, ошеломленная ударом. Гигант нависает над ней, тяжело дыша перегаром. Он хватает ее и катает, как тряпичную куклу. Он бормочет, попеременно называя ее шлюхой и восхваляя Господа за возможность отомстить низкой суке. Срывает с нее трусики. Он возбужден, но слишком пьян, чтобы поддерживать эрекцию. Он пытается протолкнуться в ее прямую кишку, но она слишком тугая. Он плюет на руку, чтобы смазать ее и пытается снова. Она борется, но он слишком силен. Он ударяет ее по затылку и приказывает не двигаться. Он проникает в нее и удовлетворенно кряхтит. Девушка становится безвольной. Капли пота стекают с носа монстра на спину девушки. Он не может трахать ее так, как хочет, и замечает бутылку, которую она ему предложила. Он встает с девушки, подходит к столу и берет бутылку, делает большой глоток, пока девушка скулит на кровати.

Я слышу в голове голос Сары: «Убери его от меня, Джоуи. Он делает мне больно...!»

Когда я, наконец, восстановил свою способность двигаться, то встал, нажал кнопку и стал ждать, пока дверь начнет гудеть, затем медленно пошел по лабиринту коридоров и стальных ворот. То, что Энджел описала мне, можно квалифицировать, в худшем случае, как умышленное убийство при смягчающих обстоятельствах. Тяжкое уголовное преступление с максимальным наказанием — шесть лет. Но я не мог заставить себя посоветовать ее пойти к окружному прокурору и рассказать ему о том, что случилось. Я не мог представить, что она будет сидеть в тюрьме за то, что отомстила человеку, который оскорбил ее самым постыдным образом.

На мой взгляд, лицемерный сукин сын получил по заслугам.

24 июля

18:00

Из тюрьмы я поехал прямо домой. В моей голове поочередно раздавались голоса, то Сары, то Энджел. Как только я вылез из машины, мой пес Рио тут же попытался помочиться на мои туфли, и я, вместо того, чтобы как обычно засмеяться или мягко оттолкнуть его в сторону, собрался его пнуть. Я с трудом успел себя вовремя остановить. По какой-то причине мысль о том, что он описает меня, настолько взбесила, что я захотел причинить ему боль. Я обругал пса и перешагнул через него, поскольку он съезился на дороге.

Я зашел на кухню. Кэролайн стояла, наклонившись над плитой. Я почувствовал запах брокколи. Ненавижу брокколи.

— Привет, дорогой, — сказала она. — Я слышала, что процесс отложили. Что происходит?

— Я собираюсь свернуть этой собаке шею.

— Полагаю, это не очень хорошая идея.

— Мне надоело, что он мочится на меня. Я устал от того, что все на меня кладут.

— Что происходит, Джо?

— Ничего.

Я прошел через кухню и направился в спальню, чтобы переодеться. Я чувствовал напряжение, сильное давление в висках так, что зрение сужалось до одной точки. Я почувствовал руку на плече. Прикосновения Кэролайн обычно успокаивали меня, но на этот раз это не сработало.

— Джо, что не так? Скажи мне.

— Вероятно, будет лучше, если ты сейчас оставишь меня в покое.

— Оставить тебя в покое? Почему? Что я такого наделала?

— Ничего, — ответил я. — И это только часть проблемы.

На самом деле, пока я ехал домой, у меня накопилось много гнева по отношению к Кэролайн. Я должен был заботиться о ней, и это означало, что мне следовало продолжать трудиться. Но я устал работать напропалую с людьми, которые этого не заслуживали и не ценили. Я устал от того, что меня использовали, лгали и сомневались в том, правильно ли я все делаю. Меня тошнило от всего этого.

— Дорогой, я люблю тебя, — произнесла она.

— Не поможет.

— Сегодня ты был под большим напряжением. Как насчет горячей ванны?

— Не хочу. Почему ты не делаешь то, что я прошу? Почему не оставляешь меня в покое?

— Как ты смеешь так говорить со мной? — воскликнула Кэролайн. — Я понимаю, ты ненавидишь работу. Знаю, иногда ненавидишь себя, но это не значит, что ты можешь вымещать все это на мне. Я не сделала ничего, кроме того, что люблю тебя и пытаюсь помочь в трудные времена, и не буду стоять здесь и выслушивать, как ты оскорбляешь меня. Джо, я не девочка для битья!

Все, что я чувствовал — это напряжение в голове. Я терял контроль над собой. Я прошел мимо нее и вернулся на кухню.

— Что ты делаешь? — Она стояла прямо за моей спиной. Я направился к двери. — Куда ты идешь?

— Наружу. Я ухожу.

Именно так я и поступил. Я поехал в Джонсон-Сити в бар «У Фриттера», в котором сидел в одиночестве и какое-то время пил водку. Затем попросил ликер «Егерместер». Потом еще один стакан. Я сидел там несколько часов.

Когда я вышел из бара, шел дождь, но мне было все равно. Я убедил себя, что мне необходимо отправиться в другое место, поэтому пересек на машине город, при этом закрыв одной рукой правый глаз, чтобы не двоилось в глазах. Я проехал через ворота комплекса Администрации по делам ветеранов, затем повернул к месту, где находилось кладбище с длинными рядами белых крестов, и в пьяном виде направился к участку, где был похоронен отец. Я вышел из машины и проковылял под дождем, пока не нашел нужную могилу.

Затем лег на могилу и потерял сознание.

Мне снилось, что я лежу в зарослях джунглей Гренады. Каким-то образом я отделился от моей команды. На лице нанесена камуфляжная краска, и я направлял оружие на дорогу. По направлению ко мне двигалась группа из шести кубинских солдат. Я расставил

противопехотные мины в канаве рядом с дорогой и тщательно спрятал провода.

Первый кубинец вошел в зону поражения. Мне придется подождать, пока подойдут и другие. Как только они войдут в этот район, я открою огонь. И когда они бросятся в канаву, я нажму на кнопки и взорву мины. Будет замечательная бойня.

Как только последний приблизился, я начал стрелять из М-60. Короткими очередями. Кубинцы бросились в кювет. Я взорвал мины, и земля содрогнулась. Кубинское оружие замолчало, и я направился зачищать территорию.

Я услышал сиплый звук выходящего воздуха из раны в грудной клетке, исходящий от раненого, лежащего на животе в канаве. Его левая рука была оторвана и валялась в метре от него. Я толкнул его в ребра ногой и перевернул. Он плюхнулся на спину, и я обнаружил, что смотрю в окровавленное лицо ребенка. Ему было где-то шестнадцать, и он был похож на меня.

Я начал кричать.

25 июля

1:00

Джерри Берд обнаружил меня лежащим под дождем. Джерри служил охранником Администрации по делам ветеранов, а также сам являлся ветераном. Я знал его около пятнадцати лет. Его жена училась в той же школе, что и я, а сын играл в бейсбол с Джеком. У нас было много общего, и за эти годы мы много раз хорошо проводили время.

Когда Джерри разбудил меня, я понятия не имел, где нахожусь и как сюда попал. Дождь лил, как из ведра, и от озноба мои зубы выбивали дробь. Джерри помог мне встать и взял за руку.

— Джо, какого черта ты здесь делаешь?

— Понятия не имею.

Джерри позвонил Кэролайн по мобильному телефону. Сообщил ей, где я нахожусь, и что мы сможем забрать мою машину на следующий день. Затем он отвез меня домой.

— Что происходит? спросила Кэролайн, когда Джерри ушел.

Я выпил две чашки достаточно крепкого кофе, что даже свело язык. Я видел, что она плакала, но надеялся, что она не начнет плакать снова. Я и так чувствовал себя достаточно плохо.

— Я ужасно волновалась за тебя.

— Прости меня, — сказал я. — У меня случился нервный срыв.

Я всегда держал Кэролайн в стороне от худшей части моей работы и моего прошлого. Они были ужасны и страшны, а Кэролайн — красива, нежна и добра. Я боялся, что даже частично оскверню ее, если расскажу правду, но хуже всего было то, что она могла начать думать обо мне, как о слабом и ущербном.

— Поговори со мной, — сказала она. — Пожалуйста.

— Тебе не нужно знать. Поверь мне, будет лучше, если ты не будешь в курсе.

— Джо, ты действительно думаешь, что если расскажешь мне что-то плохое, я начну любить тебя меньше?

Между нами повисла тишина. Она налила еще одну чашку кофе. Я сидел и потягивал его маленькими глотками, пытаюсь решить, хочу ли я рассказать своей жене, что все эти годы,

несмотря на всю свою браваду и изображение из себя настоящего мужика, в действительности Кэролайн была замужем за маленьким испуганным мальчиком, пытающимся доказать самому себе, что он не трус?

— Я не могу тебе рассказать.

— Это как-то связано с этим делом?

— Частично. Похоже, они собираются арестовать Эрлин Барлоу за убийство Тестера.

Я был благодарен за возможность сменить тему разговора.

— Как ты думаешь, она убила Тестера?

— Я знаю, что она этого не делала.

— Откуда?

— Просто знаю.

— Откуда знаешь?

Я молча смотрел на нее. Я не мог ей рассказать, но Кэролайн была умной женщиной.

Я видел выражение ее лица. Она все поняла.

— Энджел сказала тебе, что это она сделала?

Я кивнул.

— А теперь ты пытаешься решить, что делать?

— Прямо сейчас я пытаюсь выжить. Ты же знаешь, мне придется вступить в борьбу с Сарой в качестве свидетеля, если процесс продолжится. Не могу сказать тебе, насколько боюсь этого.

— Джо, зачем она это делает? Что с ней не так?

— Ты действительно хочешь знать? Тебе не понравится, что услышишь.

— Конечно, хочу. Думаю, что имею право.

Это было правдой. Она заслужила услышать обо всем. Я посмотрел на нее и подумал о маме, о том сожалении, которое испытывал, потому что она не позволила мне войти в ее сердце, и пустоте, которую я чувствовал, потому что никогда не впускал ее в свое. Я вспомнил о ночных кошмарах, беспокойстве, депрессии, раздражающем чувстве, что я являюсь жалким трусом. Я посмотрел на Кэролайн и понял, что больше не могу держать свою жену в неведении. Не могу быть таким, как моя мать. Пришло время. Наступило время открыться.

Я рассказал Кэролайн, что Тестер сделал с Энджел, а дядя Раймонд с Сарой. Когда она услышала, что случилось с моей сестрой, Кэролайн села рядом со мной и обняла. Как только я ощутил ее дыхание на своей коже и почувствовал знакомый запах, я внезапно перестал задумываться, считает ли он меня слабым, потому что в тот момент я был действительно слаб. Мне нужна была поддержка единственного человека, которому я полностью доверял. Впервые в жизни я целиком раскрылся. Были моменты, когда я плакал так сильно, что не мог дышать. Сначала мне было стыдно, и я внутренне сопротивлялся, но как только начал, остановиться уже не мог. Двадцать лет спустя я открылся Кэролайн.

Я рассказал ей о разочаровании от того, что рос без отца. Поделился с ней информацией о зверствах, которые совершил и видел в Гренаде. Я рассказал ей все о Мейнарде Буше и Бонни Тейте и о том, что чувствовал, когда хоронили близнецов Бауэрс под лучами солнца. Я поведал ей о своих чувствах к матери. Говорил до самого утра. Я ни разу не испытывал ничего подобного, но когда закончил, то понял силу исповеди.

— Знаешь что? — произнесла Кэролайн, когда я был уже слишком вымотан, чтобы продолжать говорить. Она положила руки мне на плечи и посмотрела в глаза. — Если бы

они судили меня, если бы я оказалась в той же ситуации, что и Энджел, то я бы не хотела, чтобы меня защищал кто-то другой. А знаешь почему?

— Прости меня за то, что я сказал, когда вернулся домой. Я большой дурак. Извини за ...

— Тсс. Знаешь ли ты, почему я хотела бы, чтобы в целом мире именно ты защищал меня?

— Нет. Почему?

— Потому что ты, Джо, хороший человек. Все очень просто. Вот почему я вышла за тебя замуж, почему люблю тебя все эти годы. Вот почему наши дети обожают тебя. Вот почему ты все это время был рядом с Сарой и отправился сидеть со своей матерью. Вот почему ты проводишь свою жизнь, пытаясь помочь людям. Надеюсь, вы останетесь таким навсегда.

Ее слова заставили меня онеметь. Я не знал, что сказать.

— Когда Энджел рассказала тебе, что произошло на самом деле? — спросила Кэролайн.

— Незадолго до того, как я вернулся домой.

— Так я и думала. Это все объясняет. Это вернуло тебя в то время и в тот дом с твоей сестрой. Добавление этого ко всему тому, что происходило с тобой в последнее время, вовсе не удивительно. Я счастлива, что ты не навредил себе.

— Я тоже.

— Ты сможешь пройти через это, — подбадривала меня Кэролайн. — Ты сможешь выжить. Ты самый сильный человек, которого я встречала.

Она встала, подошла к двери, ведущей в гараж, и открыла ее.

— А вот еще один, кто любит тебя.

Рио медленно вбежал в комнату, но увидев меня, остановился.

— Иди сюда, большой мальчик, — сказал я. Он наострил уши, размахивая хвостом. — Подойди и опиши мою обувь.

25 июля

11:00

Впервые за целую вечность я хорошо спал. Во сне меня не преследовали мысли о засадах в джунглях, ни изнасилования, ни убийства, ни образы мертвых детей, ни бурных рек, ни смертельных водопадов.

Я проснулся от запаха кофе и звука стучавшего по крыше дождя. Я зашел на кухню и посмотрел на улицу. Небо было низким и хмурым. Над озером висел легкий туман, и я понял, что весь день будет лить проливной летний дождь, один из тех, которые, кажется, могут очистить весь мир. Кэролайн в спортивном лифчике и велосипедных шортах хозяйничала на кухне. Когда она обняла меня, я поднял ее и отнес в спальню. Полчаса спустя мы приятно уставшие лежали в постели.

— Что ты будешь делать сегодня? — спросила она.

— Думаю, — начал я, — мне следует придумать, что делать с Энджел.

— Какие у тебя есть варианты?

— Первый — это я должен пойти к Бейкеру и сказать ему, что мы передумали и хотим заключить сделку. Но как только я это сделаю, он сразу поймет, что это она убила Тестера, и ополчится на меня. Он предложит двадцать лет. Второй вариант — вызвать Энджел в качестве свидетеля, когда в понедельник продолжится суд. Если она скажет правду, то я смогу заявить о самозащите или непредумышленном убийстве, потому что он изнасиловал ее.

— Если ты так поступишь, то каков будет худший вариант?

— Худшее, если они ей не поверят и признают виновной в преднамеренном убийстве. Это означает пожизненный срок. Не думаю, что в таких обстоятельствах она может получить смертный приговор. Ее могут обвинить в непредумышленном убийстве. Это означает, по крайней мере, пятнадцать лет. Если они согласятся на непредумышленное убийство в целях самообороны, Энджел может получить условный срок, но я сомневаюсь, что судья Грин согласится. Проблема в том, что когда она будет свидетельствовать, я не смогу запросить какие-либо медицинские показания. Том Шорт мог бы помочь мне, если бы она рассказала мне все с самого начала, но судья Грин не позволит мне использовать медицинские показания так поздно. Обвинение имеет право потребовать, чтобы ее осмотрел их собственный психиатр и имеет право получить все отчеты Тома Шорта. Я не отдал им документы, потому что не собирался их использовать.

— Какие есть еще варианты?

— Она может сказать, что не делала этого. Но если Энджел сделает это, я должен решить, сдать ли ее. Правила гласят, что если она будет давать показания и начнет говорить неправду, а я при этом буду знать, что она лжет, то я не имею права ни допрашивать ее, ни представить заключительную речь в ее пользу. Присяжные это быстро поймут. То есть, если она лжет, и я не разоблачу ее, то, значит, я покрываю ее и могу сам оказаться в тюрьме.

— Ты не должен этого допустить.

— Не могу и не буду. Но клянусь тебе, если бы я знал, что меня не поймают, я бы так и сделал. Этот парень изнасиловал ее, ударил, она упала, чуть не потеряв сознание, а затем он перевернул ее и занялся анальным сексом. Божий человек! Я не испытываю к нему ни малейшего сочувствия. Никакого. Она должна быть освобождена, Кэролайн. Энджел должна выйти на свободу.

— Мы оба знаем, откуда ноги растут, не так ли?

— Мне давно следовало рассказать тебе о Саре раньше. Прости меня. Я стыдился.

— Теперь это всплыло, и мое мнение о тебе не изменилось.

Я поцеловал ее в лоб.

— Это так несправедливо — сказал я. — Было бы правильно, если бы она отправилась домой. Эрлин создала такую ситуацию. Очевидно, она планировала ограбить проповедника. Здесь нет вины Энджел. У нее даже не было оружия. Она убила Тестера его же ножом.

— Ей не нужно было его убивать, — возразила Кэролайн.

— Правда? А что бы ты сделала, если бы какой-нибудь пьяный придурок ударил тебя по лицу и трахнул в задницу?

— Я бы его убила и отрезала член.

— Именно. Есть только одна вещь, которую я могу сделать — это попытаться наладить отношения с Сарой. Если смогу заставить ее поговорить со мной, то думаю, сумею изменить ситуацию в нашу пользу.

— Что ты ей скажешь?

— Пока не решил. Знаешь, мы никогда не говорили о том, что случилось. Думаю, мы оба были так напуганы и унижены, что не хотели даже упоминать об этом. Я действительно думаю, что именно поэтому она не может совладать со своей жизнью.

Я сел на край кровати и сделал глубокий вдох.

— Я отправлюсь в тюрьму. Они не могут помешать мне поговорить с ней. Самое худшее, что может случиться — все останется по-прежнему.

— Ты собираешься поговорить с ней об изнасиловании?

— Должен. Мне следует сказать ей, что мне жаль.

— Джо, это не твоя вина.

— Я знаю, но у меня все еще есть ощущение, что должен извиниться перед ней. Я так и не набрался смелости поговорить, и это не меня изнасиловали.

— Не жди слишком многого, — предупредила меня Кэролайн.

Я оделся, выпил чашечку кофе и как раз собирался уходить, когда жена сказала:

— Джо?

— Да?

— Не забудь сказать ей, что любишь ее.

25 июля

Полдень

Заклученные ненавидят многое. Они ненавидят надзирателей, еду и особенно скуку. Но есть две вещи, которые они ненавидят особенно страстно: изнасилование детей и стукачей.

Администрация перевела Сару в изолятор на случай, если станет известно, что она донесла на Энджел. Содержание арестованного под стражей для обеспечения его безопасности было похоже на тюрьму строго режима. Заклученные были там полностью изолированы. Это безжалостное, мучительное и жалкое существование.

Адвокаты, желающие встретиться со своими клиентами-заклученными в этой секции, должны были спрашивать разрешения у надзирателей. Охрана не приводила заклученных в комнату для адвокатов, потому что по пути они могли встретить других заклученных. Мне потребовался почти час, чтобы увидеть Сару. Надзиратели знали, что она выступала свидетелем против моей клиентки, и не хотели, чтобы я разговаривал с ней. Но, как адвокат, я имел такое же право, как и полиция, допрашивать свидетелей, в том числе главных, поэтому я не позволил бы им помешать мне. Они пытались связаться с Диконом Бейкером по телефону, но лишь услышали, что в настоящее время он «недоступен». Фрэнки Мартин взял выходной и где-то рыбачил. Наконец, после того как я пригрозил притащить их к ближайшему судье, они отступили.

Надзиратель, который открыл дверь в камеру Сары, вошел и объявил, что ей не обязательно говорить со мной, если она этого не хочет. Верная себе, она велела ему не лезть не в свое дело.

Он запер дверь, и я слышал, как он шел по коридору. Камера была совсем крохотной, около трех метров, и выкрашенная в темно-серый цвет. В ней имелась платформа из нержавеющей стали, покрытая тонким матрасом, раковина и туалет из того же материала. Вот и все. Там не было ни телевизора, ни радио, ни того, на чем можно писать или читать, абсолютно ничего, чтобы отвлечь или занять сознание. Сара босиком и в оранжевом измятом тюремном комбинезоне сидела в углу за раковиной, прижимая колени к груди.

— Так вот как они относятся к ключевому свидетелю по делу об убийстве, — начал я. — Интересно, куда они помещают людей, которые им не нравятся.

Она закрыла лицо руками, и я подошел к ней. Опустившись на колени, я положил ладони на ее плечи. К моему удивлению, она не вздрогнула и не отстранилась.

— Тебе не нужно говорить, если не хочешь, — сказал я осторожно, — но прошлой ночью я понял кое-что, чем хотел бы поделиться с тобой. Я хочу извиниться.

Я почувствовал, как мои глаза наполняются слезами, и напрягся, чтобы взять свои эмоции под контроль. Я не знаю почему, но даже в моих попытках поднять шоры и честно взглянуть на то, что произошло между нами, я чувствовал необходимость поддерживать свой стоический образ.

— Сара, прости, что подвел тебя. Прости, что не остановил его. Извини, что не защитил тебя. Я должен был убить этого ублюдка.

Как и с Кэролайн прошлой ночью, когда поделился с ней своей болью, моя защита рухнула, и слезы потекли по щекам.

— Пожалуйста, Сара. Я был таким маленьким. Я не знал, что делать. Пожалуйста прости меня.

Она тоже заплакала, и я обнял ее за плечи.

— Если бы мог, я бы вытащил тебя из той комнаты, я бы сделал это тот час, но мы оба знаем, что теперь не могу. Единственное, что я способен сделать, это сказать тебе, как мне жаль, и что я люблю тебя. Я всегда любил и буду любить тебя.

— Джоуи, ты был очень мал, — произнесла она сдавленным голосом. — Мы оба были слишком малы.

Она подняла голову и обняла меня за шею. Нереальный момент, минуты отчаяния и честности — и больше, по крайней мере, так я надеялся, — любви. Я не помнил, когда в последний раз обнимал Сару, и мне было очень приятно сидеть на корточках на бетонном полу и чувствовать ее дыхание на своей шее. Мы молчали пару минут, и оба были смущены этим редким всплеском любви.

Наконец она заговорила

— Джоуи, ты сломаешь мне шею.

— Прости.

Иногда забываю о своем размере. Я отпустил ее и отошел.

— Мне нужно вставать. Этот бетон убивает мои колени

Я сел на край ее койки, и она присела рядом. Мы говорили около часа. Сначала разговор был медленным и натянутым, но вскоре она рассказала мне, как мучилась, и как наркотики были единственным, что давало ей облегчение, хотя и на короткое время. Мы беседовали о том, как росли без отца, о маме и о том, как сильно она волновалась за нас. В итоге мы добрались до будущего, до ближайшего будущего, и до того, что оно значило для Сары.

— Итак, какое у тебя соглашение с окружным прокурором? — спросил я.

Она настороженно посмотрела на меня.

— Ты поэтому пришел?

— Пожалуйста, не говори так. Ты знаешь, почему я пришел. Но это то, с чем нам предстоит иметь дело.

— Я согласилась дать правдивые показания в обмен на немедленное освобождение и условный срок.

— У тебя они в письменном виде?

— Черт, да.

Она залезла под матрас и вытащила конверт. Внутри было соглашение, подписанное Сарой, Диконом Бейкером и судьей Глассом. Сара обязалась предоставить «правдивые показания» в суде по делу «Штата Теннесси против Энджел Кристиан», и после того, как она это сделает, ее должны немедленно освободить.

— Какими будут твои правдивые показания? — спросил я.

Она одарила меня озорной ухмылкой, которой я не видел уже тридцать лет.

— Ты убедишься, что я получу свою сделку??

Я улыбнулся в ответ

— Можешь на это рассчитывать.

31 июля

14.00

К девяти часам утра понедельника результаты по вещественным доказательствам, обнаруженным в машине Эрлин Барлоу, так и не были получены из лаборатории ТБР, и судья Грин возобновил судебное разбирательство. В течение недели я потратил много времени, тщательно объясняя все Энджел. Она знала, что не может встать на трибуну и солгать. Она осознала, что я не могу использовать доктора в качестве свидетеля защиты и понимала риски. Внимательно выслушав все, что я должен был сказать, и, без сомнения, с некоторой помощью Эрлин, она согласилась.

Фрэнк Мартин старался изо всех сил, но у него не было ни орудия преступления, ни ясного мотива, ни очевидцев. Он вызвал Ландерса для дачи показаний, чтобы описать место преступления и объяснить ход расследования, но в ходе перекрестного допроса мне удалось ясно показать, как Тестер сначала пил пиво в «Пурпурной свинье», а затем отправился тратить церковные деньги в стриптиз-клуб. В довершение всего, я указал на тот факт, что Тестер настолько потерял контроль, что потратил все деньги, и в полночь ему даже пришлось снимать их в банкомате.

Судмедэксперт сообщил, что Тестер умер от потери крови в результате многочисленных колотых ран, но на допросе ей также пришлось признать, что уровень алкоголя в его крови был чрезвычайно высоким. Она попыталась помочь обвинению, указав, что Тестер принял наркотик, используемый для изнасилования, но не смогла объяснить, как он попал в его организм.

Один из специалистов лаборатории ТБР рассказал присяжным о волосах, обнаруженных на рубашке Тестера, и объяснил им процессы распознавания ДНК. Во время допроса ему пришлось признать, что эти два волоска могли попасть от Энджел к нему в клубе.

Пожилая женщина по имени Ина Мэй рассказала присяжным, как наутро после убийства ее кошка обнаружила пенис Тестера. Ее показания спровоцировали кратковременную вспышку легкомыслия в этом серьезном процессе.

Фрэнки оставил Сару напоследок. Лучше бы он сразу повесился.

— Мэм, назовите свои имя для протокола, — начал он.

— Меня зовут Сара Диллард.

На ней была оранжевая роба, наручники и кандалы. Она казалась нервной, но решительной.

— А где вы живете, Мисс Диллард?

— В следственном изоляторе округа Вашингтон.

— Так вы заключенная?

— Да, меня обвинили в краже.

— Вы знаете обвиняемую, мисс Диллард?

Сара посмотрела на Энджел и кивнула.

— Она из моего тюремного блока.

— Вы также являетесь сестрой ее адвоката, не так ли?

— Да.

— И вы связались с офисом окружного прокурора, чтобы сообщить, что у вас имеется информация о подсудимой, которая может иметь важное значение для этого дела?

— Нет.

— Что?

— Я сказала: нет. Я не связывалась с офисом окружного прокурора. Они пришли ко мне.

— А, понятно. И кто с вами встречался?

— Вон тот мужчина.

Она указала на Ландерса, сидевшего за столом обвинения.

— И что вы сделали в результате визита агента Ландерса?

— Ничего.

Ой-ой, вот и началось.

— Ничего? Вы же говорили с обвиняемой. Разве это не так?

— Нет.

— Подсудимая призналась вам, что она убила преподобного Тестера, так ведь?

— Возражаю, — вмешался я. — Судья, он направляет свидетеля.

— Поддерживаю. Продолжайте, мистер Мартин. Она ответила на ваш вопрос.

— Ваша честь, могу ли я попросить сделать небольшой перерыв? — спросил Мартин.

— Зачем?

— Мне нужно немного времени, чтобы прояснить ситуацию. Это полная неожиданность для меня.

— Это совершенно очевидно, мистер Мартин, но я не привык прерывать дела об убийствах, потому что какой-то прокурор удивлен. У вас есть еще вопросы к свидетелю?

— Разрешите мне относиться к свидетелю как враждебному, ваша честь.

— Мистер Мартин, она ваш свидетель.

— Я знаю, но ее показания - не такие, как мне докладывали.

— Вы имеете в виду, что вы даже не беседовали с ней?

— Агент Ландерс допрашивал ее. Он сообщил мне, каковы будут ее показания, и она подписала заявление. Он показал мне его.

— Тогда воспользуйтесь им, — сказал судья.

— Позвольте мне относиться к ней как к враждебному свидетелю, — повторил Мартин.

Судья Грин махнул рукой Фрэнки, как будто он прогонял его прочь, и сказал:

— Продолжайте. Но я не думаю, что это что-то изменит.

Мартин выпрямился и повернулся к Саре.

— Мисс Диллард, вы подписали соглашение с окружным прокурором о даче правдивых показаний по этому делу?

— Да, — ответила Сара. — Это именно то, что я сделала.

— Разве вы не сообщили агенту Ландерсу, что Энджел Кристиан, обвиняемая по этому делу, призналась вам во время вашего разговора в тюрьме, что она убила Преподобного Тестера?

— Нет, это неправда

— Разве вы не подписали заявление об этом?

Ландерс взял лист бумаги, вероятно, с показаниями Сары.

— Да, я подписала показания, которые написал агент Ландерс. Он изложил их до того, как пришел поговорить со мной. Там все было ложью. Извините, что я подписала их.

— Так вы утверждаете, что подписали ложное заявление?

— Совершенно верно.

— Вы обвиняете полицейского в том, что он составил ложное заявление, которое вы добровольно подписали?

— Он написал показания, и я подписала их. Он не задавал мне никаких вопросов. Он сказал мне, что если я подпишу показания и дам их в суде, он позаботится о том, чтобы я вышла из тюрьмы. Я никогда не разговаривала с обвиняемой.

Мартин повернулся и уставился на Ландерса.

— Можно прерваться на минуту, ваша честь?

— Только побыстрее.

Мартин подошел к столу обвинения и начал что-то шептать Ландерсу. Ландерс решительно покачал головой и прошептал что-то в ответ. Их разговор быстро превратился в горячий спор, оба мужчины энергично шепотом о чем-то спорили. В какой-то момент я услышал, как Ландерс послал Мартина. Я надеялся, что присяжные тоже это слышали.

Мартин вернулся к кафедре.

— Мисс Диллард, вы лжете. Не так ли? Вы пытаетесь помочь своему брату.

— Нет, — возразила Сара. — Это вы пытались заставить меня солгать. Агент сказал, что так я смогу отомстить брату.

— Мисс Диллард, как вы думаете, присяжные поверят вам? — патетически спросил Мартин. — Вы осуждены за кражу и наркотики. Вы будете это отрицать?

— Я была осуждена за кражу и наркотики, когда агент Ландерс пришел ко мне. Это не беспокоило его, когда он пытался заставить меня лгать.

— Это смешно! — воскликнул Мартин. — Ваша честь, я хочу, чтобы ее показания были отвергнуты.

— На каком основании, мистер Мартин? Потому что она не сказала того, что вы хотели услышать? Ваша просьба отклонена. У вас есть еще вопросы к свидетелю?

— Это ни к чему не приведет, — ответил Мартин и отошел от кафедры. Он начал сдуваться, как лопнувший пузырь. — Она просто лжет.

Фрэнки сел на свое место. Я на минуту задумался, стоит ли мне задать вопросы Саре. Она уже проделала большую дыру в обвинительном заключении, но я не мог удержаться от того, чтобы еще немного не покрутить нож в ране. Поэтому я подошел к кафедре.

— Ты моя сестра, так?

— Да.

— Правда ли, что мы не всегда с тобой ладили?

— Да, это так.

— На самом деле, твой последний приговор был прямым результатом того, что я позвонил в полицию, не так ли?

— Да.

— И ты рассердилась на меня за это, не так ли?

— Очень.

— Какой у тебя срок?

— Шесть лет.

— И сколько из них тебе пришлось бы отбыть, если бы ты дала такие показания, как

ожидал мистер Мартин?

— Меня бы немедленно освободили.

— У тебя есть копия соглашения?

Она предъявила свой экземпляр, и я попросил судью приобщить его в качестве вещественного доказательства. Мартин возразил, что это не имеет никакого отношения к делу, но судья отклонил его просьбу.

— Мисс Диллард, не могли бы вы объяснить присяжным, при каких обстоятельствах было подписано данное соглашение? — спросил я громко.

— Агент Ландерс приходил ко мне несколько месяцев назад, чтобы спросить, не могу ли я им помочь, познакомившись с мисс Кристиан. Он сказал, что хочет, чтобы я поговорила с ней и узнала все, что можно, а потом все им рассказала. Я ответила ему, что не буду, и он ушел. Несколько недель назад, когда меня приговорили к шести годам, он снова появился. Он сказал, что может предложить мне две вещи: сокращение срока и шанс отомстить тебе. Я спросила его, что он хочет от меня. Он сказал, что я должна подписать показания, будто бы Энджел Кристиан созналась в убийстве преподобного Тестера. Когда он пришел ко мне в тюрьму, показания уже были готовы. Там сказано, что во время разговора в нашем блоке мисс Кристиан сообщила мне, что ушла из стриптиз-клуба «Мышиный хвост» вместе с мистером Тестером, после того, как согласилась заняться с ним сексом. Она пошла с ним в его комнату в мотеле. Там говорилось, что она вошла в комнату и накачала его наркотиками, а потом убила и забрала его деньги. Там также было написано, что она не сожалеет, потому что этот человек был свиньей.

— Свиньей? Милая деталь. Мисс Кристиан говорила тебе что-нибудь из этого?

— Нет. Я даже никогда с ней не разговаривала. — Сара снова указала на Ландерса. — Он все выдумал.

— Почему ты подписала их?

— Потому что не хотела сидеть в тюрьме. Потому что злилась на тебя за то, что ты позволил меня арестовать. Я винила тебя во всем. Но теперь я понимаю, что была неправа. Это не твоя вина, что я в тюрьме, а моя. — Она посмотрела прямо на присяжных и тихо добавила. — Извините. Мне очень жаль.

— Благодарю вас, Мисс Диллард.

Я подумал, что судья Грин может вынести нам оправдательный приговор в конце процесса. Ему следовало, но, очевидно, у него не хватило смелости отпустить обвиняемую в преднамеренном убийстве за дверь, не отправив дело присяжным.

Он посмотрел на меня и приказал:

— Вызывайте вашего первого свидетеля.

Я встал. В вестибюле были мои свидетели, включая Вирджила Уотерсона и Эрлин Барлоу, но я подумал, что они мне не понадобятся.

— Ваша честь, защита воздерживается.

Мы с Мартином выступили с заключительной речью, которая оказалась короткой. Присяжные удалились на совещание. Им понадобилось меньше часа, чтобы вынести вердикт.

Я знал, что Энджел виновна, а присяжные — нет, и поэтому они освободили ее.

31 июля

16:15

Сразу после оглашения приговора Фрэнки Мартин и Ландерс встали и вышли, не сказав ни слова. Среди объятий, слез и поздравлений я заметил, как Тестер-младший выходит из зала суда, сцепив зубы. Я был уверен, что сейчас он ненавидит меня больше, чем когда-либо. Я изобразил его умершего отца, как пьяного лицемера, который мог быть убит кем угодно, и вердикт присяжных подтвердил этот портрет. Когда он исчез с моих глаз, я спросил себя, что бы он чувствовал, если бы знал правду о том, что случилось той ночью в номере мотеля. Мне было интересно, как долго мне придется ходить и оглядываться через плечо. Тестер-младший не проронил ни слова во время суда.

Эрлин Барлоу прошла через зал суда, словно светская львица, обнимая всех, кто оставался на месте достаточно долго, чтобы она успела обнять. Она обняла даже одного из судебных приставов. Когда Эрлин подошла ко мне, то поцеловала в щеку и прошептала искреннее «спасибо» мне на ухо. Я хотел рассказать ей, что я знаю о корвете и крови, но время было совершенно неподходящее.

Энджел обняла меня и не выпускала из объятий, по крайней мере, полминуты, а затем повернулась и ушла рука об руку с Эрлин. Мое последнее воспоминание о ней — это то, как она лучезарно улыбается, но я был уверен, что эта радость не продлится долго. Жизнь была жестока и несправедлива с ней. Я понимал, что события той ночи, когда Тестер изнасиловал ее, как и мысль, что убийство сошло ей с рук, будут преследовать ее. Мне было интересно, куда она пойдет и что с ней станет.

Кэролайн решила приехать посмотреть суд после того, как я рассказал ей, что будет с Сарой. Она стояла у перегородки, пока я медленно складывал свои документы в портфель. За исключением двух судебных приставов, мы с ней были единственными, кто остался в зале суда. Я не торопился. Я хотел побыть там достаточно долго, чтобы все остальные могли уйти. Последнее, чего я хотел, это столкнуться с Тестером-младшим или Ландерсом.

Я, наконец, закрыл портфель, повернулся и подмигнул Кэролайн. Она прошла через барьер и поцеловала меня, не говоря ни слова. Затем взяла меня под руку, и мы вместе вышли через боковую дверь, затем спустились по задней лестнице на первый этаж.

— Боже, как жарко, — сказал я, когда мы пересекали улицу с односторонним движением, идущую параллельно суду. Термометры показывали около тридцати семи градусов. Когда мы направлялись к парковке, я заметил человека, выходящего из-за небольшой изгороди на углу здания примерно в тридцати метрах от нас. Его правая рука была крепко прижата к телу, и он явно что-то сжимал в ней. Тестер.

Он находился между нами и зданием. Мы никак не могли попасть внутрь, где были полицейские и судебные приставы. Я бросил портфель на землю, схватил Кэролайн за руку и побежал.

— Что ты делаешь? — спросила она.

— Беги, Кэролайн! Тестер позади нас. Думаю, у него пистолет.

Я оглянулся через плечо. Он бежал трусцой и поднимал правую руку.

Парковка за зданием суда была размером почти акр и покрыта асфальтом. На ней было около сотен мест и она всегда была заполнена. Когда мы с Кэролайн приблизились к первому ряду машин, выстрел из пистолета нарушил тишину летнего дня в старейшем городе Теннесси. Я услышал, как пуля просвистела рядом со мной. Она отрикошетила от крыла старого Бьюика и просвистела дальше.

— Джо! Он убьет нас! — закричала Кэролайн.

Я схватил ее за руку и потянул между двумя рядами машин.

— Пригнись! Не поднимай голову, — рывкнул я.

Мы пробежали еще пятнадцать метров, прежде чем я оглянулся. Тестер остановился. Его ноги были расставлены, и он прицеливался, сжимая пистолет двумя руками. Еще одна пуля разбила боковое стекло машины, мимо которой мы бежали. Я остановился и присел у переднего крыла. Я должен был придумать, как вытащить Кэролайн с линии огня.

— Мы не можем оставаться вместе, — сказал я.

Я был весь в поту и тяжело дышал. Глаза Кэролайн были полны дикого страха. Я обнял ее лицо ладонями.

— Слушай внимательно. Я побегу. Он последует за мной. Я тот, кого он преследует. Когда он это сделает, ты побежишь в противоположном направлении. В суде, вероятно, слышали выстрелы, но на всякий случай, вызови полицию по мобильному. Найди кого-нибудь, кто мне поможет!

— Джо! Не...

Я не стал дожидаться, когда она закончит. Я выскочил из-за машины и побежал к западному крылу здания суда. Я бежал, может быть, пять или десять секунд, прежде чем снова оглянулся. Тестер тоже бежал, но отставал. Он поднял пистолет и выстрелил, но прицелился слишком высоко. Ну, по крайней мере, Кэролайн была в безопасности. Я продолжил бежать.

Добравшись до конца автостоянки, я присел за пикапом. Я знал, что не могу тут долго оставаться, но был в ловушке. Парковка заканчивалась бетонной стеной высотой не менее трех метров. Мне пришлось либо пробежать по открытому пространству до главной улицы, либо вернуться назад. Если бы я вернулся назад, то мог бы еще попытаться спрятаться за машины, но, в этом случае, Тестер мог подобраться ближе ко мне и выстрелить более прицельно, подстрелив меня. Кроме того, я не был уверен, смогла ли Кэролайн выбраться с автостоянки. Если бы я направился вперед, то оказался бы под ударом, а вот если бы я смог добраться до угла Мэйн-стрит и обойти аптеку...

Я побежал к улице.

Периферийным зрением я заметил, как он занял свою позицию для выстрела. Четвертая пуля просвистела у моего уха, и я побежал зигзагообразно. Группа туристов стояла на углу перед судом, указывая и крича. Мне показалось, что я увидел что-то цвета хаки. Помощник шерифа? Боже, надеюсь, это был кто-то из помощников. Четыре выстрела. Сколько у него осталось патронов?

Я уже приближался к маленькой аптеке на углу, думал нырнуть внутрь, но не хотел попасть в ловушку и подвергнуться опасности кого-то еще. Если бы я мог обойти здание, это послужило бы мне щитом, пока я не найду укрытие или не сверну в переулок, где дождусь прибытия полиции. Как только я повернул за угол, пятая пуля застряла в кирпичках рядом со мной, от ricoшетила и попала мне в левое бедро. Я не почувствовал боли, но от удара пули потерял равновесие и растянулся лицом на тротуаре из плитки. Ошеломленный пару секунду я лежал на земле, но затем попытался встать. Моя левая нога не функционировала. Я начал ползти. Плитки под ладонями были теплыми.

На другой стороне улицы люди кричали и вопили, и я знал, что Тестер приближается ко мне. Я слышал вой сирен. Пожалуйста, Господи, заставь их поторопиться! Одна из плиток на тротуаре качалась. Я вытащил ее пальцами, перевернулся на спину, когда Тестер-младший появился из-за угла менее чем в трех метрах от меня. Он держал пистолет направленным вперед, затем увидел меня лежащим на земле и замедлил ход. У него на лбу блестели капли

пота. Уголки его губ слегка изогнулись.

Я бросил плитку, но промахнулся на несколько сантиметров. Он сделал еще два шага и встал надо мной, так же, как я стоял над ним в ту ночь, когда пришел к нему домой. Я посмотрел на пистолет. Это был револьвер. Шесть патронов. Я насчитал пять пуль. У него оставался еще один патрон.

— «Отцы будут есть сыновей среди тебя, и сыновья будут есть отцов своих.», — начал он. — «И я произведу над тобою суд и весь остаток твой развею по всем ветрам...» (прим.пер.: Библия. Книга пророка Иезекииля. Глава 5. Стих 10).

Я начал отползать назад на локтях, волоча свою кровоточащую и бесполезную левую ногу. Я смотрел на Тестера, ожидал выстрела и темноты после этого. Его глаза были дикими, и он продолжал говорить, но слова невозможно разобрать. Он взвел курок большим пальцем. Его рука дрожала. Я застыл.

Следующие несколько секунд прошли как замедленные кадры. Тестер качнулся вперед, как будто что-то ударило его в спину. На его лице отразилось удивление, и револьвер дрогнул в его руке. Пуля прошла так близко от моего уха, что я почувствовал воздушную волну. Пистолет с грохотом упал на плитку у моих ног. Внезапно огромная, покрытая пигментными пятнами рука появилась из-за головы Тестера и прикрыла его лицо. Пальцы прижались к подбородку и потянули его прямо вверх.

Младший упал на спину. Мужчина сел на него и начал что-то брызгать в глаза. Седой мужчина в униформе...

Это был сержант Херли — старший офицер Службы безопасности здания суда. Я видел, как он поднял свой огромный кулак, и услышал глухой стук, когда тот нанес удар по челюсти Тестера. Появились еще люди в униформе, некоторые в коричневой, другие — в синей. Они набросились на Тестера, как саранча.

Все закончилось так же внезапно, как и началось. Херли встал и повернулся.

Он подошел ко мне и присел рядом со мной.

— Диллард, ты в порядке?

Я посмотрел ему в глаза и впервые понял, что они такие же зеленые, как и мои. Я откинул голову на плитку и улыбнулся. Старый добрый Херли, мой собственный престарелый ангел-хранитель. Он даже не вспотел.

— Что тебя так задержало? — спросил я. — Ты позволил ему выстрелить в меня.

Сержант хмыкнул. Он наклонился и поднял револьвер Тестера-младшего и внимательно осмотрел его.

— Я сохранил твою жалкую жизнь, а единственное, что ты можешь сказать, это предъявить претензию, что мне потребовалось слишком много времени. Клянусь, если бы у него был еще один патрон, я бы закончил работу за него.

2 августа

11:00

В семь часов утра представители Федерального бюро расследований штата Теннесси арестовали Эрлин Барлоу. Это произошло за день до того, как Бейкер выступил против бывшего прокурора Ли Муни на выборах. Очевидно, лабораторные исследования подтвердили, что кровь в корвете принадлежала преподобному Тестеру. Эрлин позвонила мне, как только были закончены все формальности после ее задержания, и она хотела, чтобы

я приехал к ней в тюрьму.

Пуля, попавшая в меня, вошла в мою левую четырехглавую мышцу, поцарапала бедренную кость и прошла через мышцу паха. Рана была, как называют врачи, навывлет. Пуля прошла в несколько сантиметров мимо моей бедренной артерии. Если бы она задела ее, я бы умер на тротуаре от потери крови. Вместо этого в больнице мне очистили рану, перевязали, а на следующий день выписали. Рана постоянно пульсировала, но я не жаловался, учитывая альтернативу. Я принял много аспирина, ходил на костылях, и Кэролайн помогала мне обрабатывать рану.

Тестер-младший был арестован и обвинен в двух попытках преднамеренного убийства. Его уже отвезли в Ноксвилл в Лейкшорский институт психического здоровья. У меня были смешанные чувства по отношению к нему. Хотя он дважды пытался убить меня, и оба раза почти преуспел в этом, но я все же не мог не думать о том, что он сам являлся жертвой. Жертвой опасного сочетания фундаменталистского экстремизма и отцовского лицемерия. Когда он узнал об обстоятельствах убийства отца, в нем явно что-то сломалось. А потом ему пришлось сидеть в суде и выслушать все... У меня были серьезные сомнения, что его привлекут к уголовной ответственности за свои действия. Как и Энджел, он был настолько травмирован, что, вероятно, больше не ощущал тонкую грань между добром и злом.

С помощью костылей я добрался до комнаты для встреч с адвокатом в тюрьме. Эрлин Барлоу уже сидела за столом. К ней относились как к Мейнард Бушу – на ней были наручники, кандалы на ногах и цепь на талии. Однако в оранжевом комбинезоне она выглядела очень привлекательно, хотя его цвет и не шел к цвету ее волос.

Она сидела на том же стуле, что и Энджел во время наших многочисленных бесед. К моему удивлению она была в своем обычном приподнятом настроении. Не похоже, чтобы мне понадобились бы салфетки.

— Мистер Диллард, — сказала она, когда я сел. — Не могу выразить, как я рада тебя видеть, сладенький. Как ты себя чувствуешь?

— Как будто меня подстрелили.

— Дорогой, мне очень жаль. Должно быть, это было ужасно. Этот парень еще более сумасшедший, чем его отец.

— Эрлин, мне жаль видеть тебя здесь.

— Ты должен вытащить меня из этого места, дорогуша. Я не убивала этого парня.

Сколько раз я слышал это? Но теперь все было иначе.

— Знаю.

— Мой маленький ангелочек рассказала тебе?

— Извини, но я не могу говорить с тобой об этом.

Она прижала руку к своему сердцу.

— Детка, я сама могу сложить дважды два. Энджел рассказала тебе, и ты все равно ее вытащил. Вот почему я наняла тебя. Я знала, что ты лучший.

Лучший. Помощь виновной женщине в уходе от наказания сделало меня лучшим в моей профессии. Я спросил себя, что же я должен был сделать, чтобы стать худшим.

— Скажи мне кое-что, — начал я. — У Энджел была возможность заключить отличную сделку за пару недель до суда. Она отвергла ее. Ты ведь не имеешь к этому никакого отношения, не так ли?

Ее искренняя улыбка стала искусственной.

— Когда процесс начался, ей дали еще один шанс. Окружной прокурор был готов снять

с нее обвинение в убийстве. Все, что ей нужно было сделать, это сказать им, что это ты совершила убийство. Но она не стала этого делать.

— Моя милая маленькая девочка.

— Для нас было очень выгодно, что Джули Хейс умерла. Не так ли, Эрлин?

— Ужасная трагедия. Не могу сосчитать, сколько раз я умоляла этого ребенка держаться подальше от наркотиков. Они погубили ее.

— Ты ведь не имеешь никакого отношения к ее смерти?

— О, дорогой! Поверить не могу, что ты задаешь мне такой вопрос. Но я расскажу тебе маленький секрет. Возможно, я намекнула кому-то, что Джули стала проблемой, и этот кто-то мог неправильно меня понять. Я, конечно же, не хотела, чтобы кого-то убили.

Я решил оставить все как есть. Я не желал рисковать и вдруг оказаться в качестве свидетеля против Эрлин.

— Как, по-твоему, копы узнали о твоей машине?

— Знаешь, я сама об этом много думала, — сказала она, — и пришла к выводу, что одна из моих девочек позвонила тому мерзкому агенту из БРТ. На самом деле, я в этом уверена. Кажется, я объяснила ей, что именно следует сказать. Возможно, я даже стояла рядом с ней, когда она позвонила ему.

— Что ты сделала?!

Она положила руки на стол, переплела пальцы и слегка наклонилась ко мне.

— Милый, возможно, мне придется кое-что объяснить тебе. Когда ты управляешь таким бизнесом, как мой, ты встречаешься с разными людьми. Я стараюсь быть доброй со всеми, поэтому, когда мне что-то нужно, я обычно это получаю. На этот раз мне нужен был хороший юридический совет, но не тот, который я могла бы получить от тебя. Поэтому я поговорила с замечательным человеком. Он адвокат, но не такой, как ты. Он оказывал помощь моему мужу с финансами. Он помог мне понять некоторые вещи о законе. Давай посмотрим, какие именно. Например, такие вещи, как невозможность быть судимым дважды за одно и то же преступление. И да, о пятой поправке, которая против надуманных обысков и задержаний.

— Кто этот человек?

— Миленький, не могу предать его доверие. Скажем так. Он очень милый человек, который иногда предается безобидному греху. Он и мой Гас были очень близкими друзьями.

Я не мог поверить в то, что услышал. По правде говоря, я подозревал, что Эрлин может каким-то образом быть причастна к смерти Джули, но у меня не было доказательств, и я сомневался, что кто-нибудь когда-нибудь найдет их. Но это было что-то иное и очень захватывающее.

— Почему ты хотела, чтобы Ландерс нашел машину? — спросил я.

— Милый, я не могла позволить Энджел провести остаток жизни в тюрьме или получить смертную казнь. Вся история с проповедником случилась по моей вине. Когда он пришел в клуб и начал вести себя как придурок, стал лапать Энджел, я просто сошла с ума. Знаешь, что он сказал, когда я любезно попросила его уйти? «Я хочу снять твою шляху на ночь. С кем могу поговорить об этом?». Это взбесило меня еще больше, и я решила преподать ему небольшой урок. Все, что Энджел должна была сделать, это войти в номер и дать ему выпить. Я бы позаботилась об остальном сама.

— Но это не сработало так, как ты планировала, не так ли?

— Это было ужасно. Я не должна была отправлять эту милую девушку в номер мотеля

одну. Я объехала квартал несколько раз, и знала, что проповедник был гнилой до мозга костей, но, черт побери, я была так зла, что не могла трезво мыслить. Я никогда и подумать не могла, что он сделает то, что сделал. Кроме того, мне бы и в голову не пришло, что Энджел так отреагирует. Когда я увидела ее, спускающуюся по лестнице, я подумала, что у меня случится сердечный приступ. Я вошла в номер, и там повсюду была кровь. Я чуть не потеряла сознание. Но я заставила себя успокоиться и попыталась все исправить для Энджел. Я забрала бутылку, ее сумочку и брюки, нож, а потом настала очередь и — ...

— Подожди минутку, Эрлин. Зачем ты отрезала его, ... как ты его назвала?

— Отросток?

— Да, отросток. Почему ты его отрезала? Энджел сказала, что она этого не делала. Значит, остаешься только ты.

— Я смотрела телевизионное шоу, где мужчина был осужден за изнасилование, потому что на его отростке была обнаружена ДНК девушки. Я подумала, что ДНК Энджел может оказаться на нем. Знаешь, если полиция пришла бы и начала задавать вопросы, я не хотела бы, чтобы Энджел пришлось бы объяснять это. К тому же, дорогой, ему он уже больше не был нужен.

Когда я впервые встретил Эрлин, я сразу понял, что она больше, чем большие сиськи и глаза, но я никогда не ожидал ничего подобного.

— Что еще ты сделала?

— Ну, давай посмотрим. Не так уж много. Я только попросила милого Вирджила оказать мне услугу.

— Ты хочешь сказать, что он не видел тебя на мосту?

— Никто не видел меня на мосту, дорогой. Я могу тебе это гарантировать. Я думала, что никто не сможет найти член. Просто не повезло.

Это было почти гениально. Ей удалось обмануть полицию, заставив думать, что она совершила убийство, чтобы спасти Энджел, но она проделала такую мастерскую работу, что ее вполне могут осудить.

— У тебя серьезные проблемы, Эрлин. Например, что сделает Вирджил, когда штат отправит ему повестку для дачи показаний против тебя? Если он сядет на скамью свидетелей и солжет, его могут обвинить в лжесвидетельстве.

— Милый, не волнуйся об этом. Я не пойду в суд.

— Как это? Почему?

— Это другая юридическая вещь, о которой я тебе говорила. Пятая поправка. Тот адвокат, который любит время от времени грешить, однажды вечером пришел в клуб, и я спросила его, как можно привести сотрудника полиции к улике и быть уверенной, что он не сможет использовать ее позже. Он рассказал мне все об обысках и кое-что предложил. Что если я подожду до самой последней минуты и заставлю кого-то анонимно позвонить этому противному агенту БРТ и сообщить ему, где находится машина. Адвокат готов был поставить на все, что полицейский отправится туда и вторгнется без ордера на обыск. И знаешь что? Он оказался совершенно прав. Агент перелез через запертые ворота, проигнорировал запертую дверь в моем сарае и пролез через окно. Машина находилась под брезентом в сарае. А это, дорогой, частная собственность.

В моих глазах она становилась все более гениальной, но она понятия не имела, с кем имеет дело.

— Ландерс будет врать, — предупредил я ее. — Он скажет, что ворота не были заперты,

а дверь сарая была открыта, что он действовал на основании достоверной информации и что машину видели.

Она улыбнулась и пожала плечами.

— О, дорогой, ты еще не слышал самое веселое. У меня есть видео со всем, что он сделал. Адвокат посоветовал отправить в лес человека с камерой. Ронни все снял. Я смотрела видео раз десять.

Я смотрел на нее несколько секунд и не мог в это поверить. Я чувствовал, как во мне поднимается смех, но пытался подавить его. Чем больше я старался оставаться серьезным, тем больше у меня было желание рассмеяться. Когда я, наконец, расхохотался, то едва мог дышать. Я посмотрел на Эрлин. Она тоже смеялась. Это был один из самых приятных моментов в моей жизни: мы с Эрлин залились громким смехом. Это было почти так же хорошо, как секс.

Через несколько минут я, наконец, смог немного овладеть собой.

— Знаешь, что это означает? — спросил я сквозь смех. — Это значит, что они не смогут воспользоваться машиной и всем, что нашли в ней!

Эрлин походила на китайского болванчика...

— Дорогой, именно этого я и добивалась. Разве это не прекрасно?

Мы снова начали смеяться.

— У них будет на тебя меньше, ... чем на Энджел.

— Знаю.

Наконец мы успокоились, и Эрлин посерьезнела.

— Ты же будешь представлять меня, не так ли? Ты сделаешь это для меня?

Я вытер слезу рукой.

— Я не могу, Эрлин. Это конфликт интересов.

— Не понимаю, почему ты не можешь. Они признали Энджел невиновной. Ее дело закрыто, не так ли? Они не могут отправить ее снова под суд. Все, что тебе нужно сделать, это показать им видеозапись, и на этом все закончится. Разве ты так не думаешь?

— Я не знаю. Все будет не так просто. Ничто никогда не бывает простым.

— Давай, мистер Диллард. Будь добр. Для тебя это проще простого. Ты самый лучший из всех. О, и говоря об этом, я хотела заметить, что как ты разгромил их со своей сестрой, было великолепно. Когда Энджел рассказала мне об этом, я подумала, что опишусь от смеха.

— Я не планировал этого. Я не такой умный, как ты.

— Не обманывай себя. Что скажешь? Ты сделаешь для меня то же самое, что и для Энджел?

Я думал о конфликте интересов. Она была права насчет Энджел. Несмотря ни на что, они не могли судить ее снова, и поскольку правила запрещали мне говорить хоть слово о ее признании, значит, это не могло стать проблемой. Кроме того, у Эрлин была видеозапись, где Ландерс проводил незаконный обыск, и машина, плюс все, что было в ней. Все доказательства были недействительны. Не было бы никакого суда и никакого риска, что мне когда-нибудь придется допрашивать Энджел в качестве свидетеля. И поскольку Энджел рассказала мне, что произошло на самом деле, я знал, что Эрлин не убивала Тестера.

Если бы я согласился, Эрлин была бы моим невинным клиентом. Наконец-то! Это было почти невероятно.

— Тебе придется пробыть в тюрьме какое-то время, — сказал я. — Ты готова к этому?

— Я могла бы дать миллион наличными в качестве залога, но боюсь, что налогоплательщики начнут интересоваться, откуда они. Не беспокойся обо мне, дорогой, я буду в порядке.

— Тебя ждет плохая реклама.

— Не имеет значения. Никто никогда не пригласит меня стать членом Юношеской Лиги, не так ли?

— Они попытаются изобразить тебя как аморальную мадам, которая использует молодых девушек и охотится на похотливых мужчин.

— Но ты очистишь мое имя. Так ведь, дорогой?

Женщина обладала почти неповторимым очарованием, не говоря уже о большом банковском счете. Я кивнул и улыбнулся.

— Хорошо, у тебя уже есть адвокат. Но это дорого тебе обойдется.

Больше книг на сайте - Knigoed.net